

Л.А.ФАЙНБЕРГ

ОЧЕРКИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОГО СЕВЕРА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Л. А. ФАЙНБЕРГ

ОЧЕРКИ
ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
ЗАРУБЕЖНОГО
СЕВЕРА

(АЛЯСКА,
КАНАДСКАЯ АРКТИКА,
ЛАБРАДОР,
ГРЕНЛАНДИЯ)

.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1971

В книге рассматривается древняя, новая и новейшая этническая и социально-экономическая история коренного населения Крайнего Севера Америки. Главное внимание уделяется анализу изменений, происшедших в жизни эскимосов в последние века под влиянием капиталистической колонизации Аляски, Канадского Севера, Гренландии, выявляются региональные особенности в развитии этого народа.

Ответственный редактор
Ю. П. АВЕРКИЕВА

”

1-6-2
87-71(1)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крайний Север Америки многие тысячелетия был далекой периферией ойкумены. Первые люди пришли сюда значительно позднее, чем на Азиатский Север и, оказавшись в тяжелых природных условиях, долгое время потратили на приспособление к ним. Став искусными охотниками на морского зверя и оленей, в совершенстве приспособив свои жилища и одежду к климату Арктики, эти люди сумели не только выжить, но и чувствовать себя комфортабельно и счастливо там, где для нас, уроженцев средних широт, жизнь возможна только благодаря могуществу современной техники и использованию богатого опыта аборигенов Севера.

Но победив холод и освоив тысячи километров северных побережий и тундры американского материка и Гренландии, древние насельники этих земель заплатили за это немалую цену — они отстали в своем развитии от многих народов как Америки, так и Европы, не смогли совершить переход от присваивающего хозяйства к производящему, от ранних племенных форм этнической общности к более высоким этническим образованиям, от доклассового общества к классовому.

Капиталистическая колонизация Американского Севера нарушила существовавший тысячелетиями уклад жизни этих людей, превратила их из независимых племен охотников и зверобоев в дискриминируемые национальные меньшинства США (Аляска), Канады (Канадская Арктика и Лабрадор) и Дании (Гренландия). Она привела к продолжавшемуся многие годы обнищанию и вымиранию коренного населения.

В последние годы в связи с целым комплексом причин: интенсивным промышленным освоением Американского Севера (особенно открытием на Аляске залежей нефти), ростом его военно-стратегического значения и т. д. судьбы коренного населения этих мест, насчитывающего около 120 тыс. человек (примерно 86 тыс. эскимосов и 36 тыс. индейцев), привлекают большое внимание как североамериканской и датской, так и мировой общественности.

Естественно, что и внимание исследователей зарубежного Севера в значительной мере переместилось от изучения древнейших этапов этнической истории эскимосов и индейцев, хотя они и таят еще много загадок, к изучению этнических процессов в новое и новейшее время.

Эта тенденция продолжается и в наших очерках. Большинство их посвящено этническим и социально-экономическим процессам у эскимосов Американского Севера в последние века в условиях капиталистической колонизации, выявлению особенностей и перспективам развития коренного населения Крайнего Севера США, Канады и Дании, его взаимоотношениям с пришлым населением, росту национального самосознания и политической активности в борьбе за свои права.

В то же время немалое место в книге уделено и древней истории эскимосов, а также первым европейским поселенцам в Америке — норманнам.

Глава первая

ИЗ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКИХ ЭСКИМОСОВ

На земном шаре есть мало народов, которые могли бы сравниться с эскимосами по числу исследований, посвященных их происхождению и древнейшим этапам этнической истории. Уже около 50 лет на Американском Севере ведутся систематические археологические раскопки. Анализ их результатов позволил отказаться от различных умозрительных концепций происхождения эскимосов, распространенных в североведческой литературе в конце XIX — начале XX в., выявить значительное разнообразие эскимосских культур в общем едином комплексе, определить последовательные стадии и хронологические рамки отдельных локальных вариантов этого комплекса. В то же время взаимосвязи вариантов эскимосской культуры как в пространстве, так и во времени во многом еще остаются неясными.

В настоящее время почти все специалисты согласны друг с другом в том, что эскимосы и родственные им алеуты сформировались в районе Берингова моря. Но подобное единодушие отсутствует по таким коренным вопросам, как, например: какие из ныне известных древнейших культур Севера можно считать эскимосскими, т. е., иными словами, каким временем датируется возникновение эскимосской этнической общности, что является самой характерной, определяющей чертой эскимосской культуры. По наиболее распространенной точке зрения, четко сформулированной, например, И. Мельдгордом, «приспособление к морю — это характерная черта того комплек-

са элементов, который образует эскимосскую культуру»¹.

Напротив, другой видный археолог В. Тейлор полагает, что основной и общей чертой эскимосской культуры является «всеядность» ее создателей, гибкость их хозяйственного типа, быстро меняющего свою направленность от охоты на морских к охоте на сухопутных животных или, наоборот, в зависимости от меняющихся условий географической среды².

Ниже мы попытаемся дать краткий обзор современного состояния вопроса о происхождении и древней истории эскимосов. Основное внимание в этом обзоре сосредоточивается на саркаке, дорсете и некоторых других эскимосских культурах, которых мы мало касались в нашей предыдущей монографии об эскимосах (см. библиографию).

ДРЕВНЕЭСКИМОССКИЕ КУЛЬТУРЫ БЕРИНГОМОРЬЯ

Древнейшей из известных в настоящее время в ареале расселения эскимосов и алеутов преалеутских культур является стоянка Анангула на одноименном острове, лежащем в 8 км от острова Умнак. Она была исследована В. Лофлиным совместно с М. Ешизаки в 1962—1963 гг. Для нее характерны призматические лезвия длиной от 2 до 12 см, микролезвия, отщепленные от полиэдрических нуклеусов, резцы и некоторые другие орудия. По мнению М. Ешизаки и В. Лофлина, орудия из Анангулы, датированные радиокарбоном VI тысячелетием до н. э., сходны с каменной индустрией Японии и Сибири VII—XI тысячелетий до н. э., а именно — с микролитической индустрией саккотсу на Хоккайдо, орудиями из стоянки Арайя на Хонсю и Будун в Сибири. Орудия из Анангулы имеют более азиатский облик, чем орудия так называемой микролитической арктической традиции, одним из ранних представителей которой является денби

¹ J. Meldgaard. Origin and evolution of Eskimo cultures in the Eastern Arctic. «Canadian Geographical Journal», 1960, v. LX, N 2, p. 65.

² W. Taylor. An Archaeological Perspective on Eskimo Economy. «Antiquity», 1966, v. XL, N 158, p. 114—119.

(см. ниже). В то же время орудия из Анангулы обнаруживают сходство с находками В. Лофлина на острове Умнак (нижний горизонт стоянки Чалука), датируемыми II тысячелетием до н. э. и принадлежавшими предкам алеутов³.

Лофлин полагает, что на стоянке Анангула жили люди, которые, как и алеуты, вели морское хозяйство и были сходны с ними по культуре. Материал для подтверждения этого взгляда дают раскопки стоянки Чалука, расположенной на краю селения Никольское на острове Умнак. Эта стоянка является одной из немногих на Американском Севере, где люди непрерывно жили 4000 лет—со II тысячелетия до н. э. и до времени европейской колонизации.

В Чалуке сохранились хорошо стратиграфированные человеческие скелеты, остатки жилищ, орудия охоты, фаунистические остатки и т. д. И все это свидетельствует о том, что в Чалуке за 4000 лет не произошло таких изменений в материальной культуре, которые указывали бы на заметные перемены в образе жизни обитателей стоянки, в характере использования человеком природной среды⁴.

Иными словами, алеутская культура существует не менее 4000 лет, а вероятно, и значительно больший срок, так как уже люди из Анангулы имели культуру, сходную с алеутской, или, может быть, лучше сказать, развивавшуюся в направлении алеутской культуры.

В другой работе В. Лофлин высказывает разделяемую и нами точку зрения о том, что стоянка Чалука, или Никольское, как он ее иногда называет, очевидно, была близка к древнейшей протоэскимосско-алеутской культуре или даже составляла ее часть. Во всяком случае, найденные на стоянке орудия труда имеют характерный эскимосский облик (костяные гарпуны трех типов и т. д.)⁵.

Что касается собственно эскимосских культур на материке Аляски, то при настоящем уровне знаний древ-

³ W. Laughlin. Eskimos and Aleuts. Their Origins and Evolution. «Science», 1963, v. 142, N 3593, p. 633—635.

⁴ Там же, стр. 636.

⁵ W. Laughlin. Contemporary problems in the anthropology of Southern Alaska. «Science in Alaska». Washington, 1952, p. 76—77.

нейшей из культур, хотя еще и неэскимосской, но, как выражается Г. Коллинз, «предрасположенной или ведущей к ней», является микролитический комплекс денби. Как мы увидим ниже, особенное влияние он оказал на сложение культуры дорсет. В то же время комплекс денби обнаруживает связи с верхним палеолитом и мезолитом Старого Света. Например, для денби, так же как и для верхнего палеолита и мезолита Старого Света, типичны угловые и концевые резцы характерного облика. Денби появляется примерно с конца IV тысячелетия до н. э.⁶

В связи с комплексом денби надо сказать о весьма интересной, хотя пока и не подкреплённой достаточным фактическим материалом, идее Г. Коллинза о том, что этот комплекс или сходные с ним культуры, принадлежащие к арктической микролитической традиции, должны быть найдены и на азиатском берегу Берингова пролива и что именно их носители были непосредственными предками эскимосов⁷.

Древнейшей из известных ныне аляскинских материковых культур вполне эскимосского облика является культура качемак, ранняя стадия которой, качемак I, была открыта еще в 1931 г. Фредерикой де Лагуна у залива Кука⁸. Поздние стадии этой культуры обнаружены также на побережье залива Принс Вильям.

Она просуществовала с VIII в. до н. э. до XVI в. н. э. и непосредственно перешла в известную по историческим данным культуру эскимосов чугачей⁹. Другими наследниками качемакцев являются, вероятно, коняги или кадь-якцы, живущие в районе залива Кука и на близлежащем острове Кадьяк.

В 1939 г. далеко к северу от залива Кука на мысе Хоп Х. Ларсеном, Ф. Рейни и Дж. Гиддингсом была открыта стоянка ипиутак. Ипиутакцы жили в прямо-

⁶ J. Giddings. The Denbigh Flint complex. «American Antiquity», 1951, v. XVI, N 3, p. 201: *он же*. Some Arctic spear points and their counterparts. «Anthropological Papers of the Univ. of Alaska», 1963, v. 10, N 2, p. 3; *он же*. The Archaeology of Cape Denbigh. Providence, 1964.

⁷ H. Collins. Bering Strait to Greenland. «Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America». Montreal, 1962, p. 137.

⁸ F. De Laguna. The Archaeology of Cook Inlet, Alaska. Philadelphia, 1933.

⁹ K. Birket-Smith. The Eskimos, London, 1959, p. 200; *он же*. The Chugach Eskimo. København, 1953.

угольных землянках с открытым очагом в центре. Свои орудия они изготавливали из кремня в основном путем оббивки. Ипиутакцы занимались охотой на тюленя и на оленя карибу. В последующие годы стоянки ипиутакского типа были найдены и в более южных районах: на полуострове Сьюард, на берегах залива Нортон и в Юго-Западной Аляске к северу от одноименного полуострова. Датировка ипиутака до сих пор не вполне ясна и вызывает много споров. По-видимому, ипиутак не древнее 500 лет до н. э.¹⁰

Вызывает споры даже вопрос о том, является ли ипиутак эскимосской культурой. Мы согласны с большинством американистов-археологов (К. Биркет-Смит, Х. Ларсен, Ф. Рейни), убежденных, что ипиутакцы были эскимосами, и считающих необоснованными сомнения, высказанные в этой связи Дж. Гиддингсом.

Вскоре после открытия ипиутака были обнаружены многочисленные параллели с качемакской культурой, а именно: сходство каменного инвентаря и устройство жилища, совпадающее не только в основных чертах, но и почти во всех деталях; обычай погребения в срубках, что встречается только в ипиутаке и качемаке, смешение костей в погребениях, искусственные глаза в черепах, маски мертвых и некоторые другие черты, общие для обеих культур¹¹.

Часть этих черт, возможно, является результатом конвергентного развития, но другая их часть, на наш взгляд, указывает на генетические связи между качемаком и ипиутом. Вряд ли, например, можно объяснить конвергенцией детальное сходство типов погребения. Более поздний возраст ипиутака по сравнению с качемаком I согласуется с нашим предположением, что ипиутак развился в ходе территориальной экспансии древнейших эскимосских племен и явился одной из локальных форм культуры расселявшейся эскимосской народности.

¹⁰ H. Collins. Radiocarbon dating in the Arctic. «Amer. Antiquity», 1953, v. XVIII, N 3, p. 197; Ф. Рейни. Археология Американской Арктики. «Советская этнография», 1958, № 2, стр. 59; K. Birket-Smith. The Eskimos, p. 200. J. Giddings. The Archaeology of Bering Strait. «Current Anthropology», 1960, v. 1, N. 2, p. 123, 126; H. Larsen. Comments. См. J. Giddings. The Archaeology of Bering Strait, p. 137.

¹¹ H. Larsen, F. Rainey. Ipiutak and the Arctic Whale Hunting culture. N. Y., 1948.

Как мы увидим ниже, ипиутак и качемак обнаруживают значительные связи не только между собой, но и с культурами саркак и дорсет Канадской Арктики и Гренландии.

К. Биркет-Смит, Х. Ларсен и некоторые другие исследователи, основываясь на сходстве раннего качемака, раннеалеутской культуры, ипиутака, саркака и дорсета (о последних двух культурах см. ниже), объединяют их под именем палеоэскимосской культуры.

В последние годы в палеоэскимосскую культуру включают также сравнительно недавно открытую культуру залива Нортон (Аляска), имеющую связи с культурами Юго-Западной Аляски и датируемую V в. до н. э.—IV в. н. э. К культуре нортон близка открытая Дж. Гиддингсом в 1956 г. культура чорис на одноименном полуострове в заливе Коцебу. Она датируется 1500—500 гг. до н. э. Люди чорис занимались преимущественно сухопутной охотой. Морская охота имела в их жизни меньшее значение. Они охотились на тюленей с дротиками. Поворотных гарпунов не было. Жили люди чорис в больших овальных землянках. Рейни и Ральф относят культуру чорис к палеоэскимосским¹².

Отдельно надо сказать об открытой в 1959 г. культуре мыса Крузенштерн (залив Коцебу). На стоянке было найдено большое количество китовых костей, а также больших кремневых лезвий, предположительно наконечников китовых гарпунов и маленькие поворотные гарпуны для охоты на тюленей¹³.

Судя по костному материалу и кремневому инвентарю, обитатели стоянки почти не занимались охотой на оленя карибу. Они жили на мысе Крузенштерн в больших домах, имевших одно центральное помещение и одну—три смежные с ним боковые комнаты. При помощи радиоуглеродного метода стоянку можно датировать 1500—2000 гг. до н. э.¹⁴

Таким образом, по древности находки на мысе Крузенштерн не уступают находкам на стоянке Чалука на

¹² J. Giddings. The Archaeology of Bering Strait, p. 125; *он же*. First traces of man in the Arctic. «Natural History», 1960, v. LXIX, N 9, p. 10—19; F. Rainey. E. Ralph. Radiocarbon dating in the Arctic. «Amer. Antiquity», 1959, v. XXIV, N 4, p. 373.

¹³ J. Giddings. The Archaeology of Bering Strait, p. 127.

¹⁴ J. Giddings. Cultural continuities of Eskimos. «Amer. Antiquity», 1961, v. XXVII, N 2, p. 163—164.

острове Умнак. Встает вопрос: можно ли считать людей мыса Крузенштерн эскимосами или здесь жила какая-то другая неизвестная нам этническая группа? Сам Дж. Гиддингс вообще не ставит этого вопроса, так как он фактически не верит в возможность определять по археологическим данным этнический тип древнего населения¹⁵. Поэтому он предпочитает не давать этническую характеристику носителям рассматриваемых им археологических культур. В противоположность этой точке зрения нам, как и почти всем исследователям эскимосов, представляется вполне правомерной постановка вопроса об этнической принадлежности носителей ранних, «неклассических» эскимосских культур. По данным самого Дж. Гиддингса, материальная культура стоянки мыса Крузенштерн обнаруживает ряд параллелей как с дорсетом (особенно в типе скребел), так и с раннеалеутской культурой (двусторонние лезвия, кремневые ножи в виде полукружия, т. е. в форме эскимосского женского ножа улу и т. д.). Но все же пока нет достаточных материалов для решения вопроса о том, является ли культура древнейших китобоев мыса Крузенштерн эскимосской.

В связи с существованием китобойного промысла у людей, живших почти 4000 лет назад, Дж. Гиддингс высказывает мысль о связи археологических культур с изменениями фауны. По его мнению, периоды преобладания у древних обитателей Американского Севера морской и сухопутной охоты надо связывать с изменением уровня моря, создававшим более или менее благоприятные условия для жизни морских животных и, в частности, китов. С этой точки зрения отсутствие у палеоэскимосов китобойного промысла, а также его неразвитость на начальных этапах неоэскимосской культуры объясняются лишь малочисленностью или отсутствием в это время китов в морях, омывающих Аляску¹⁶.

Наблюдения Гиддингса представляются интересными, но нам кажется, что в своей трактовке смены типов хозяйства древних охотников Аляски автор проявляет чрезмерный географизм и не учитывает такого важного фактора, как прогрессивный процесс развития производительных сил.

¹⁵ Там же, стр. 156.

¹⁶ Там же, стр. 171.

После этого обзора древнеэскимосских культур Аляски обратимся к соответствующим культурам Канады и Гренландии.

ЛОКАЛЬНЫЕ ПАЛЕОЭСКИМОССКИЕ КУЛЬТУРЫ КАНАДЫ И ГРЕНЛАНДИИ

До конца 1940-х годов древнейшей из известных культур Восточной Арктики считался дорсет, открытый Д. Дженнесом в 1925 г. в Канаде, недалеко от Гудзонова залива. Наиболее поздно заселенной человеком частью Арктики, если не всей ойкумены, единодушно считалась Гренландия. По господствовавшим представлениям, первые эскимосы — носители культуры туле — пришли в Гренландию не ранее второй половины I тысячелетия н. э., не более чем за несколько веков до появления на острове колоний норманнов.

Раскопки последних десятилетий в Гренландии и в канадской Восточной Арктике решительно изменили сложившиеся представления о времени первоначального заселения человеком этих обширных районов, значительно отодвинули начало этого процесса в глубь веков.

Особенно неожиданные открытия были сделаны в Гренландии. В результате работ в первую очередь датского археолога Э. Кнута на севере острова, на Земле Пири, были найдены остатки древней палеоэскимосской культуры, не обнаруженной в других районах Арктики¹⁷.

Она получила название культуры индепенденс — по имени фьорда, около которого была впервые найдена. Здесь расположен самый крупный фьорд Гренландии, открывающийся в полярный бассейн. В глубь страны он

¹⁷ E. Knuth. An outline of the archaeology of Peary Land. «Arctic», 1952, v. V, N 1; он же. The Paleo-Eskimo culture of Northeast Greenland elucidated by three new sites. «Amer. Antiquity», 1954, v XIX; N 4; он же. Archaeology of the Farthest North. Proceed. of the 32-th Intern. Congr. of Americanists. Copenhagen, 1958; H. Larsen. Eskimo-Archaeological problems in Greenland. «Acta Arctica», Fasc. XII. Copenhagen, 1960; он же. Archaeology in the Arctic, 1935—1960. «Amer. Antiquity», 1961, v. XXVII, N. 1; H. Larsen, J. Meldgaard. Paleo-Eskimo cultures in Disko Bugt, West Greenland. København, 1958; Th. Mathiassen. The Sermermiut excavations 1955. København, 1958; J. Meldgaard. A Paleo-Eskimo culture in West Greenland. «Amer. Antiquity», 1952, v. XVII, N 3; он же. Origin and evolution of Eskimo cultures in the eastern Arctic; он же. On the formative period of the dorset culture. «Prehistoric cultural relations». Montreal, 1962.

разветвляется на три больших фьорда: Индепенденс, Хаген-фьорд и Данмарк-фьорд. У своего окончания фьорды переходят в широкие долины, подобных которым нет в других частях острова. В общее широкое 100-километровое горло этих трех фьордов попадает много плавного леса, приносимого течением из Сибири. Затем он разносится водой по отдельным фьордам. Теперь эти последние даже в самые теплые месяцы года редко освобождаются полностью ото льда и плавник обычно не достигает их верховьев. И все же Кнут обнаружил здесь много выкидного леса на древних береговых террасах, высоко поднятых над уровнем моря. Отсюда он сделал естественный вывод: в прошлом, когда эти террасы находились еще на уровне воды, климат был теплее, верховья фьордов регулярно освобождались ото льда и плавник беспрепятственно достигал этих мест¹⁸.

Теперь лед большую часть года покрывает фьорды Земли Пири. Далеко врезаются в сушу эти ледяные дороги, ведущие от моря в глубь страны. И, начиная в 1947 г. свои раскопки на Земле Пири, Э. Кнут предположил, что именно по этим путям проникли в Гренландию ее первые поселенцы. Впоследствии это предположение полностью подтвердилось. Данные радиоуглеродного анализа показали, что люди пришли сюда по меньшей мере около 4000 лет назад и что следующая иммиграция на Землю Пири людей со сходной палеоэскимосской культурой, т. е. опять-таки культурой индепенденс, имела место 2500—3000 лет назад¹⁹. Остатки культуры этой второй волны переселенцев и были найдены Кнутом прежде всего. 3000 лет назад люди культуры индепенденс жили в домах, представлявших собой комбинацию постоянного дома и палатки. Еще в начале века Г. Стинсби высказал предположение о существовании в прошлом у эскимосов таких жилищ и назвал эти гипотетические жилища землянками-палатками. Открывший их Э. Кнут дал им имя домов-палаток.

Впервые остатки этих жилищ были найдены Э. Кнутом во время раскопок 1947—1950 гг. на юго-западе

¹⁸ E. Knuth. Archaeology of the Farthest North, p. 561, 562.

¹⁹ Там же, стр. 570, E. Knuth. The Ruins of the Musk-ox Way. «Folk», 1966/67, v. 8—9.

Земли Пири в верховьях Йорген-Бронлунд-фьорда (стоянка Дельтатеррасерне).

Основание такого жилища имело форму эллипса, составленного из наполовину вкопанных в землю больших камней. От передней к задней стене шел проход, огороженный плоскими камнями. Посредине проход прерывался четырехугольной вымощенной площадкой. Здесь помещался открытый очаг. Жировой лампы люди культуры индепенденс не знали²⁰. Верх такого жилища, очевидно, крылся шкурами.

Кнут, на наш взгляд, прав, считая, что жить круглый год в подобных жилищах можно было только в том случае, если климат на севере Гренландии был тогда теплее, чем в наше время.

Что касается хозяйственного облика носителей культуры индепенденс, то они прежде всего охотились на мускусных быков. Меньшее место занимала охота на тюленей, зайцев, гусей, птармиганов, а также ловля рыбы в устьях рек и озерах. Этот вывод был сделан Э. Кнутом в результате анализа орудий и костного материала, найденных им на стоянках культуры индепенденс²¹.

Охота на дикого северного оленя, являющаяся характерной чертой палеоэскимосских культур континентальной Америки, почти не велась палеоэскимосами Земли Пири. Весь костный материал содержит лишь один кусок оленьего рога. Вероятнее всего, на Земле Пири в этот период не было или почти не было оленей.

Предметы, обнаруженные Э. Кнутом в остатках жилищ, дают некоторое представление об орудиях, которыми пользовались их обитатели: это наконечники стрел, боковые и концевые скребки, лезвия ножей, микролезвия, микролитические ножевидные пластинки, кремневая проколка, идентичная ипиутакским образцам этого инструмента.

Характерно, что было найдено только два наконечника гарпунов, оба с открытым гнездом. Наряду с анализом костного материала это также свидетельствует в пользу предположения, что морская охота не занимала большого места в хозяйстве палеоэскимосов Земли Пири.

В 1954—1955 гг., работая у Данмарк-фьорда, Э. Кнут

²⁰ E. Knuth. The Paleo-Eskimo culture of Northeast Greenland..., p. 370, 371.

²¹ Там же, стр. 377.

обнаружил на мысе Холбек остатки жилищ и орудия, несколько отличавшиеся от того, что он нашел ранее в Дельтатеррасерне. На мысе Холбек Кнут производил раскопки на прибрежных террасах. На верхних террасах (высота 10—12 м над уровнем моря) хозяйственный инвентарь был сделан в основном из халцедона, а не из кремня, как большинство орудий в Дельтатеррасерне, и датировался 2000 лет до н. э. Здесь же найдены остатки жилищ в виде круглых углублений в земле со сделанным из камней открытым очагом в центре.

Весьма характерными для культуры верхней террасы являлись широкие микролезвия (некоторые из них с ретушью) и маленькие ланцетовидные наконечники стрел, обнаруживающие параллели с соответствующими орудиями палеоэскимосов Аляски (ипиутак) и залива Диско (саркак). В то же время находки на нижних террасах (4—6 м над уровнем моря) сходны со сделанными в Дельтатеррасерне и их древность определена с помощью радиоуглерода в 3000 лет до нашего времени.

Ни на верхних, ни на нижних террасах мыса Холбек не найдено ни одного гарпуна.

На основании сравнения верхнего и нижнего слоев культуры индепенденс Кнут подразделил ее на два этапа: индепенденс I и индепенденс II. Индепенденс I тесно связана с саркаком Северо-Восточной Канады и Гренландии и ранними культурами Аляски и Алеутских островов. Индепенденс II обнаруживает некоторые параллели с дорсетом, но в ней отсутствуют такие важные черты дорсета, как использование сланца в качестве материала для орудий, шлифовка и жировая лампа. Сам Кнут определил индепенденс II как преддорсетскую культуру²².

Возвращаясь к индепенденс I, надо сказать, что если по типу некоторых орудий (резцов) она сближается с саркаком, то в то же время между этими культурами имеется и ряд различий. Орудия культуры индепенденс крупнее по размерам и сделаны более грубо, чем орудия того же типа культуры саркак. Например, в саркаке не найдены большие (4—5 см) резцы, характерные для

²² E. Knuth. *Archaeology of Farthest North*, p. 572, 573.

культуры индепенденс. В то же время резцы сходного вида имеются в комплексе денби (Аляска) ²³.

По единодушному мнению исследователей, индепенденс I не только по абсолютной хронологии, но и по своему облику является наиболее ранней из обнаруженных до сих пор археологических культур Гренландии ²⁴.

Кнут считает, что культура индепенденс I стоит гораздо ближе к первоначальной палеоэскимосской культуре, чем такие специфические ее формы, как ипиутак и дорсет. Он предполагает, что люди культуры индепенденс пришли на север Гренландии с Земли Элсмира в то время, когда климат здесь был теплее, чем теперь. Когда же климат ухудшился, они вслед за мускусными быками стали двигаться на юг вдоль восточного и западного берегов острова ²⁵. Однако там вряд ли можно найти следы этой первоначальной миграции — слишком много волн переселенцев прошло с тех пор вдоль берегов Гренландии.

Другим районом, где на рубеже 1940-х и 1950-х годов были обнаружены следы палеоэскимосской преддорсетской культуры, является залив Диско на западном побережье Гренландии. Здесь были открыты крупнейшая археологическая стоянка Гренландии Сермермиут и еще около двух десятков небольших стоянок. Исследование остатков палеоэскимосской культуры в этом районе обязано в первую очередь работам, проводившимся с конца 1940-х годов датскими археологами Х. Ларсеном и И. Мельдгордом.

На стоянке Сермермиут выявлены два палеоэскимосских культурных слоя, разделенных слоем, не содержащим культурных остатков.

Выше опять следовали стерильный слой, а затем слои с остатками неозэскимосской культуры инугсук, постепенно переходящей в западногренландскую культуру XV—XVIII вв. Самый верхний слой снова был стерильным, так как около 100 лет назад жители покинули селение Сермермиут из-за наступления ледника. По определению Х. Ларсена и И. Мельдгорда, нижний из палео-

²³ E. Knuth. The Paleo-Eskimo Culture of Northeast Greenland..., p. 376.

²⁴ W. Taylor. Pre-dorset occupations at Ivugivik in Northwestern Ungava. «Prehistoric cultural relations», p. 90.

²⁵ E. Knuth. The Paleo-Eskimo Culture of Northeast Greenland..., p. 378, 379.

эскимосских горизонтов стоянки Сермермиут принадлежит саркаку, а верхний — дорсету²⁶.

Саркак впервые был открыт в Западной Гренландии и выделен как отдельная культура И. Мельдгордом в 1952 г.²⁷ Сделанный впоследствии радиоуглеродный анализ показал, что саркакская культура существовала в Гренландии примерно 2500—3000 лет назад²⁸.

Несколько лет спустя И. Мельдгорд, проанализировав результаты своих раскопок 1954 и 1957 гг. в Иглулике (Северная Канада), пришел к выводу, что там также существовала саркакская культура, причем более древняя, чем в Гренландии (3500—4000 лет назад по радиоуглеродному анализу)²⁹.

Однако, по мнению Г. Коллинза, материал И. Мельдгорда из Иглулика значительно разнится по типам орудий (резцам, ножевидным пластинкам, концевым скребкам) от гренландского саркака. Исходя из этого, Коллинз считает, что Мельдгорд открыл в Канаде не саркак, а какую-то другую преддорсетскую культуру. Он полагает также, что саркак является весьма поздним и локальным (гренландским) членом ряда преддорсетских культур Канады и Гренландии³⁰.

Пока в результате дальнейших раскопок не будет решен этот спор, останется неясным, была ли саркакская культура принесена в Гренландию переселенцами с материка или она выросла на острове из каких-то местных корней.

Саркак буквально значит «солнечная сторона». И действительно, данные палеоклиматологии свидетельствуют, что в период существования саркакской культуры в Гренландии было сравнительно тепло и сухо. Теплое лето с открытой водой и зимы с небольшими снегопа-

²⁶ H. Larsen, J. Meldgaard. *Paleo-Eskimo cultures in Disko Bugt...*, p. 18.

²⁷ J. Meldgaard. *The Paleo-Eskimo culture of West Greenland*, p. 222—230.

²⁸ Th. Mathiasen. *The Sermermiut excavations...*, p. 22.

²⁹ I. Meldgaard. Prehistoric culture sequences in the eastern Arctic as elucidated by stratified sites at Igloolik. «Selected Papers of the 5-th Intern. Congr. of Anthropol. and Ethnol. Sciences». Philadelphia, 1956, p. 588—595; F. Rainey, E. Ralph. *Radiocarbon dating in the Arctic*, p. 373.

³⁰ H. Collins. *Bering Strait to Greenland. «Prehistoric cultural relations»*, p. 127, 128; по этому вопросу см. также помещенную в том же сборнике статью; W. Taylor. *Pre-Dorset occupations at Ivugivik in Northwestern Ungava*, p. 89, 90.

дами облегчали охоту летом на тюленей, а зимой на оленей.

На сочетании этих двух видов охоты, по-видимому, и было основано хозяйство саркакцев³¹. Время появления данной культуры в Гренландии не вполне ясно. Определенно известно лишь, что на западном побережье Гренландии в районе залива Диско эта культура господствовала в первой половине I тысячелетия до н. э. и что ее исчезновение совпало с наступлением в Гренландии более влажного периода с обильными снегопадами³². В этой связи надо отметить, что у саркакцев, по-видимому, не было собачьей упряжки.

Одними из отличительных черт саркакской культуры залива Диско являются микролитическая каменная индустрия и предпочтение кремнистого сланца в качестве материала для каменных орудий. Из 1190 предметов, найденных в нижнем горизонте Сермермиута, 1150, т. е. 97%, сделаны из кремнистого сланца. Наиболее характерное орудие саркака Гренландии — резец. Кроме резцов, были распространены лезвия симметричной формы, очевидно служившие наконечниками копий, наконечники гарпунов с открытым гнездом и одной асимметричной базальной шпорой, а также маленькие треугольные лезвия (менее 2 см длиной), употреблявшиеся как наконечники стрел. Поэтому Ларсен и Мельдгорд считают бесспорным факт, что люди культуры саркак пользовались луком и стрелами³³.

По мнению тех же авторов, каменная индустрия саркака генетически тесно связана с ранними микролитическими культурами Аляски, в то же время отличаясь от последних наличием своеобразных ретушированных резцов. По-видимому, саркак наиболее близок к находкам в пещерах Крик (Аляска)³⁴.

Остатков жилищ людей саркака на стоянке Сермермиут не было найдено, но их обнаружили Ларсен и Мельдгорд на других, также находящихся на берегу залива Диско стоянках, а именно: в Туперсуите и в Игдлу-

³¹ *J. Meldgaard*. Origin and evolution of Eskimo cultures in the Eastern Arctic, p. 66.

³² *Th. Mathiassen*. The Sermermiut excavations..., p. 22.

³³ *H. Larsen, J. Meldgaard*. Paleo-Eskimo cultures in Disko Bugt..., p. 18.

³⁴ Там же, стр. 69; *H. Bandi*. The Burins in the Eskimo area. «Anthropological. Papers of the Univ. of Alaska», 1963, v. 10, N 2, p. 22—23.

луарсуке. Они были овальной в плане формы, ограниченной рядом камней. По имеющимся данным, невозможно решить, служили ли эти камни, чтобы придерживать палатки из шкур, или же они были остатками стен постоянного жилища. Форма жилища напоминает дома-палатки, найденные Э. Кнутом на Земле Пири, но в отличие от них жилища, обнаруженные в Туперсуите и в Игдлулуарсуке, не имеют центрального огороженного камнями прохода. Поэтому их, очевидно, нельзя типологически объединять с жилищами людей культуры индигенс.

Датировать жилища Туперсуита и Игдлулуарсука помогают найденные в них орудия: резцы, симметричной формы лезвия и некоторые другие предметы. Почти все они сделаны из кремнистого сланца и типологически все без исключения относятся к саркакской культуре. Очевидно, к этой же культуре относятся и остатки самих жилищ.

Лучше всего в жилищах саркакцев сохранились огороженные и выложенные изнутри плоскими камнями открытые очаги. В очагах остались сложенные кучкой небольшие камни, почерневшие и потрескавшиеся от нагревания. Ларсен и Мельдгорд предполагают, что эти камни использовались для кипячения воды, варки пищи в кожаных или деревянных сосудах. Их предположение кажется очень убедительным, если учесть, что в саркаке не найдено ни одного остатка каменного или глиняного горшка и что способ варки пищи с помощью камней еще в XIX в. использовался эскимосами р. Кобук (Аляска) ³⁵.

Возможно, правда, что камни использовались и с другой целью, а именно: служили своеобразными аккумуляторами тепла. Если саркакцы пользовались для костров вереском, который хотя и дает жаркое пламя, но быстро сгорает, для них было очень важно сохранить тепло.

И то, и другое использование камней неизвестно ни по этнографическим, ни по прежним археологическим данным об эскимосах Гренландии.

В позднейшее время у неоэскимосов Гренландии (культуры туле, инугсук) для отопления жилища и варки пищи служили жировые лампы. На саркакских стоянках

³⁵ J. Giddings. *Forest Eskimos*, Philadelphia, 1956.

залива Диско экспедиция Ларсена и Мельдгорда нашла одну совсем маленькую, видимо игрушечную, жировую лампу и фрагменты несколько большего размера, но также некрупных ламп. Все они были сделаны из мыльного камня и имели круглую форму, чем отличались от четырехугольных дорсетских ламп. Судя по наличию очага в жилищах, а также по небольшим размерам, лампы у саркакцев служили только для освещения.

Как уже было сказано выше, на рубеже VI и V вв. до н. э. развитие саркакской культуры в Гренландии прекратилось. По-видимому, немалую роль в этом сыграло резкое изменение климатических условий: стало холоднее, исчезли кустарники, служившие топливом для очагов, а больших жировых ламп у саркакцев не было. К тому же из-за увеличения обильных снегопадов стали трудными передвижение и сухопутная охота, так как не было собачьих упряжек.

С наступлением нашей эры климат в Гренландии снова становится более теплым и сухим, и именно этим временем датируются первые следы дорсетской культуры, обнаруженные на старых саркакских стоянках.

Но прежде чем обратиться к дорсетской культуре, надо сказать об одном спорном вопросе, а именно: были ли саркакцы эскимосами?

Отдельные исследователи, например Ф. Рейни и Э. Ральф, из-за некоторого сходства культуры саркак с преэскимосской культурой денби склонны объединять саркак, денби и древнейшие культуры внутренней Аляски в особый древнеарктический комплекс³⁶.

Однако нам представляется более правильным мнение первого исследователя и крупнейшего знатока культуры саркак Иоргена Мельдгорда, который в письме к Ф. Рейни от 8 мая 1958 г. отметил, что «наиболее ранний материал типа саркак, найденный в районе острова Иглулик, возможно, представляет собой самые ранние следы культуры, которую мы можем идентифицировать как эскимосскую культуру»³⁷. И. Мельдгорд обращает внимание Рейни на то, что если, с одной стороны, по кремневой индустрии саркак напоминает денби, то, с дру-

³⁶ *F. Rainey, E. Ralph. Radiocarbon dating in the Arctic, p. 373.*

³⁷ Из письма И. Мельдгорда к Ф. Рейни от 8.V 1958 г. Цит. по работе: *F. Rainey, E. Ralph. Указ. соч., стр. 372.*

гой — орудия из кости имеют эскимосский облик. В этом плане особенно выделяются поворотные наконечники гарпунов, которые типологически можно рассматривать как прототип гарпунов культур бирнирк и раннее туле. В работе о древнейших культурах залива Диско (Гренландия) Х. Ларсен и И. Мельдгорд также определяют культуру саркак как палеоэскимосскую³⁸. Эту точку зрения разделяет и К. Биркет-Смит³⁹.

Культуру дорсет, как уже говорилось, впервые выделил и описал Д. Дженнесс в 1925 г. по материалам раскопок на мысе Дорсет в Гудзоновом проливе и острове Коутс в Гудзоновом заливе⁴⁰. В последующие десятилетия культура дорсет была обнаружена на Лабрадоре, на севере Канады и в Гренландии. Судя по данным радиоуглеродного анализа, дорсетская культура существовала в Канаде в течение 2000—2500 лет. Она возникла между X и VIII вв. до н. э. и сохранялась до 1300—1350 гг. н. э.⁴¹

По своему инвентарю дорсет резко отличается от предшествовавшего ему саркака. Почти весь инвентарь канадского дорсета не имеет параллелей с саркаком. Очевидно, дорсетцы были на севере новой группой населения, вытеснившей или быстро ассимилировавшей прежде живших здесь людей саркакской культуры.

Судя по материалам раскопок, у дорсетцев в отличие от саркакцев не было луков и стрел, собак (у саркакцев они были, хотя и не использовались в упряжке), некоторых типов орудий труда⁴².

Дорсетцы охотились с копьями, гарпунами, снабженными наконечниками с открытым гнездом; лучили рыбу острогами, имевшими наконечники со многими, несимметрично расположенными бородками.

Добычу и другие грузы они, по-видимому, перевозили на ручных нартах с полозьями из кости.

³⁸ H. Larsen, J. Meldgaard. Paleo-Eskimo cultures in Disko Bugt....

³⁹ K. Birket-Smith. The Eskimos, p. 193—200.

⁴⁰ D. Jenness. A new Eskimo culture in Hudson Bay. «Geographical Review», 1925, v. 15, p. 428—437.

⁴¹ J. Meldgaard. On the formative period of the Dorset culture, p. 92; W. Taylor. Review and assessment of the Dorset problem. «Anthropologica», 1959, v. 1, N 1—2, p. 45.

⁴² J. Meldgaard. Origin and evolution of eskimo cultures in the Eastern Arctic, p. 75.

Для инвентаря дорсетцев характерно наличие большого числа весьма тщательно ретушированных микролитических орудий необычных форм. Одной из отличительных черт дорсетской культуры служит также отсутствие в ней такого традиционного для эскимосов орудия, как лучковое сверло. Все отверстия в дорсетских инструментах выдолблены или вырезаны⁴³.

У дорсетцев, как и у саркакцев, были жировые лампы, но не округлой, а четырехугольной формы. Одевались они в парки без капюшонов. Отсутствие последних необычно для эскимосской одежды.

О жилищах дорсетцев ничего не было известно до раскопок Д. О'Брайена в 1951 г. на острове Милл в Гудзоновом проливе. Жилище дорсетцев, впервые обнаруженное здесь им, было сделано из камней и имело два круглых в плане помещения, каждое со спальней лежанкой и отдельным входным коридором.

Как было установлено впоследствии, это — поздний тип дорсетского жилища, испытавший значительное влияние культуры туле.

Первые подробные сведения о жилище людей дорсетской культуры датируются 1954 г., когда И. Мельдгорд обнаружил на крайнем северо-востоке полуострова Мелвилл, вблизи Аларнерка, современного летнего стойбища эскимосов иглулик, остатки 208 жилищ дорсетцев. Они располагались на большом числе террас на высоте от 8 до 22 м над уровнем моря. Это дало возможность Мельдгорду выделить пять зон обитания, соответствовавших пяти последовательным периодам в развитии типов жилищ и орудий труда дорсетцев. Хронологически общая протяженность заселения Аларнерка дорсетцами была определена И. Мельдгордом в 2000 лет — с VII в. до н. э. по XIII в. н. э.⁴⁴ На протяжении всего этого времени жилища дорсетцев имели прямоугольную форму и размер обычно 5 × 4 м. В то же время начиная уже со второго периода встречаются очень большие дома размером 14 × 7 м. Пол жилища был углублен в землю обычно на полметра. На полу — маленькие открытые очаги, а

⁴³ H. Collins. Recent developments in the dorset culture area. «Asia and North America». Salt Lake City, 1953, p. 32—39.

⁴⁴ J. Meldgaard. Origin and evolution of eskimo cultures in the Eastern Arctic..., p. 68—70.

вдоль стен — низкие лежанки. Стены жилища, очевидно, делались из земли и камней, а крыша из шкур. Входного коридора не было. Он появляется лишь в последнем, V периоде одновременно с появлением в культурных слоях и других элементов культуры туле. В это же время меняется внутренняя планировка жилища. Комната становится меньше. По бокам ее выделяются маленькие помещения для очага и кладовой, а к задней стене пристраивается высокая лежанка⁴⁵.

Что касается хозяйственного типа канадских дорсетцев, то они охотились на оленей карибу, зайцев, лисиц, а также на моржей, тюленей и белых медведей. Морская и сухопутная охота, по-видимому, играла в их жизни одинаковую роль.

В Гренландии первые найденные следы дорсетской культуры относятся к более позднему времени, чем в Канаде, а именно — к началу новой эры.

В дорсетском горизонте Сермермиута полностью отсутствуют орудия саркакских типов. Подавляющая часть орудий (80%) сделана из халцедона, а не из кремнистого сланца, как в саркаке. Господствующей формой орудий становятся ножевидные пластинки (длина от 2,2 до 4,2 см, ширина от 0,4 до 1 см). Наряду с ними встречаются асимметричные лезвия, вогнутые концевые скребки, а также некоторые другие орудия.

В дорсетском слое Сермермиута найдены фрагменты трех четырехугольных тонкостенных ламп из мыльного камня.

К сожалению, экспедиции Ларсена и Мельдгорда не удалось найти в районе залива Диско сколько-нибудь хорошо сохранившиеся остатки жилищ дорсетцев. Кроме того, даже найденные остатки не поддавались датировке. Поэтому не представляется возможным сказать что-либо определенное о форме и типе жилищ у дорсетцев залива Диско.

Не вполне ясным остается и вопрос о датировке дорсетской культуры залива Диско. И. Мельдгорд сопоставляет ее с хорошо изученным дорсетом района Иглулик (Канада) и приходит к выводу, что дорсет Сермермиута надо датировать V в. н. э.⁴⁶ В то же время его соавтор

⁴⁵ Там же, стр. 69—70.

⁴⁶ H. Larsen, J. Meldgaard. Paleo-eskimo cultures in Disko Bugt..., p. 19—20.

Х. Ларсен сближает дорсет залива Диско с находками той же культуры на канадском острове Саутгемптон (стоянка Т I), древность которых датируется радиоуглеродом в 2000 ± 300 лет. Таким образом, он относит дорсет залива Диско к последним векам до новой эры⁴⁷.

На составленной этими исследователями хронологической таблице культур сермермиута дорсет занимает всю первую половину I тысячелетия н. э.⁴⁸ Нам кажется весьма вероятным, что при дальнейшем исследовании дорсета Гренландии эти хронологические рамки значительно расширятся. В пользу этого говорит тот факт, что в Канаде, по данным радиоуглеродового анализа, дорсет длился с VIII в. до н. э. по XIII в. н. э. или, по датировке других образцов, — с 1000 г. до н. э. до 1350 г. н. э. (см. выше.)

Спорным до сих пор остается и вопрос о происхождении дорсетской культуры. Так, И. Мельдгорд, следуя в общем наиболее традиционной точке зрения, полагает, что дорсет имеет южное происхождение и что он сформировался под очень сильным влиянием таких древнеиндейских культур, как поздняя архаическая и ранний вудланд в лесном районе между Великими озерами, заливом Джемса и Ньюфаундлендом. По выражению И. Мельдгорда, многие новые (по сравнению с саркаком) черты раннего дорсета, такие как резьба по дереву, культ карибу и медведя и некоторые другие, «пахнут лесом». По его мнению, именно лесные индейские черты определили формирование дорсета и его коренное отличие от таких чисто эскимосских культур, как предшествовавший дорсету саркак и следовавшее за ним туле⁴⁹.

Мельдгорд отмечает, что если саркакский охотник, живший на 23-метровой террасе в Аларнерке, пользовался теми же орудиями и утварью, что и его предок за двенадцать веков до него, то, напротив, дорсетский охотник на 22-метровой террасе, которого от саркака отделяло менее ста лет, мало использовал опыт своего предшественника. В отличие от последнего у дорсетско-

⁴⁷ H. Larsen, I. Meldgaard. Paleo-eskimo cultures in Dusko Bugt..., p. 70.

⁴⁸ Там же, стр. 23.

⁴⁹ J. Meldgaard. On the formative period of the Dorset culture, p. 95; он же, Origin and Evolution of Eskimo Cultures..., p. 75.

го охотника не было ни лука, ни стрел, ни собак, помогавших в поисках зверя. Человек дорсета охотился на карибу с копьем и сам тащил за собой маленькие санки. В большом прямоугольном жилище при свете маленькой квадратной каменной лампы нового типа он изготавливал ножи, наконечники копий и другие изделия из нового вида сырья — сланца. А в это время его жена новой, заостренной с двух концов иглой шила одежду странного покроя — длинную и широкую с высоким воротником вместо традиционного эскимосского капюшона⁵⁰.

Противопоставлению дорсета другим древнеэскимосским культурам и взгляду на него, как на пришельца с юга и продукт индейского влияния, решительно возражает Э. Харп, автор новейшей монографии о дорсетской культуре⁵¹.

Э. Харп считает, что дорсет генетически связан не с индейскими культурами северо-востока Канады, а с ранними микролитическими культурами Аляски, особенно денби, и его распространение шло не с юга на север, из лесных районов в тундру, а с запада на восток, вдоль берега Ледовитого океана⁵². Аргументируя свою позицию, Харп обращает внимание на несколько моментов. Во-первых, он подчеркивает большой временной разрыв в 1000—2000 лет, существующий между древнеиндейскими культурами северо-востока (особенно лаврентийской) и дорсетом. Поэтому они не могли влиять на дорсет. Имеющиеся в них сходные элементы (например, треугольные наконечники) возникли, по мнению Э. Харпа, независимо друг от друга.

Что же касается возможных наследников лаврентийской культуры — индейцев беотук Ньюфаундленда, то теории об их взаимовлиянии с дорсетцами являются, по мнению Харпа, результатом недостаточно тщательного анализа археологического материала. Харп считает, что между дорсетом и беотуком почти нет параллелей, указывающих на родство этих культур, а имеющиеся обязаны еще Старому Свету, откуда в конечном счете ведут

⁵⁰ Там же.

⁵¹ E. Harp. The Cultural Affinities of the Newfoundland — Dorset Eskimo. Ottawa, 1964.

⁵² Там же, стр. 157—158, 160—163.

свое происхождение и индейские, и эскимосские культуры⁵³.

Вторым моментом, опровергающим идеи о распространении дорсета с юга, является то, что на севере ареала этой культуры она древнее, чем на юге. Так, Г. Коллинз, изучая последовательность в развитии у дорсетцев одной из форм орудий — резцов, обнаружил наиболее поздние формы (полированные нефритовые резцы) на Ньюфаундленде, а предшествующие им более древние формы этих орудий — у залива Фробишер на Баффиновой Земле. Наиболее древние формы подлинных резцов, по предположению Харпа, должны быть найдены в Гренландии. Еще одной чертой, отделяющей дорсет от индейских культур северо-востока, является широкое распространение в нем, так же как и в раннеалаяскинских культурах, призматических пластин и полиэдрических нуклеусов и порождающей их техники скалывания. Для индейских культур северо-востока подобные пластины и нуклеусы нетипичны.

Сам Э. Харп, как уже было сказано, считает, что дорсет происходит из Аляски и родствен ранним микролитическим культурам этой территории и особенно денби. Прежде чем перейти к изложению аргументации Харпа, надо оговориться, что этот исследователь, как, впрочем, и Г. Коллинз, считает в отличие от Мельдгорда, что в дорсетскую культуру входит и саркак как ее разновидность. Таким образом, расхождения во взглядах между Мельдгордом и Харпом касаются лишь собственно дорсета, потому что саркак как отдельную культуру (Мельдгорд) или как раннюю форму дорсета (Харп) оба они выводят из Аляски.

Обосновывая свою гипотезу происхождения дорсета (в его понимании), Харп обращает внимание на следующие элементы сходства между денби и дорсетом. Для них характерны наличие призматических пластин и полиэдрических нуклеусов и изготовление из таких пластин путем отжимания более мелких орудий, а также обилие одинаковых боковых и концевых лезвий-вкладышей. Наиболее характерный элемент денби — резцы, связанные с формами Старого Света, в дорсете встречаются в производных формах. Теснейшим образом родственны резцы денби и Западной Гренландии. По-видимому, ре-

⁵³ Е. Харп. Указ. соч., стр. 164—170.

тушированный каменный треугольный наконечник из денби, который Гиддингс предположительно определил как наконечник гарпуна, является прототипом такого же наконечника в дорсете, имевшего в этой культуре то же функциональное назначение⁵⁴. Еще в конце 1930-х годов Винтенберг обнаружил на Ньюфаундленде дорсетские костяные наконечники гарпунов с подобными каменными концевыми копьецами. Микролитический характер орудий также объединяет дорсет с денби.

Э. Харп отмечает и ряд черт, сближающих дорсет с ипиутаксом. Он разделяет мнение Ларсена и Рейни о том, что дорсет является «восточной параллелью ипиутакской культуры». Обе эти культуры основаны на одинаковых экологических факторах, сочетая более или менее в равной степени охоту на тюленя, моржа и оленя карибу. Обе они имеют развитую кремневую индустрию с такими сходными типами орудий, как боковые и концевые каменные вкладыши, костяные рукоятки топоров, ретушированные и шлифованные лезвия топоров, шлифованные и полированные поперечные резцы.

Харп обращает внимание и на отрицательные параллели: отсутствие в обеих культурах охоты на китов, упряжного собаководства, гончарства и лучковой дрели.

В то же время Харп отмечает ряд различий между дорсетом и ипиутаксом. Так, в ипиутакте неизвестна дорсетская техника изготовления кремневых нуклеусов с последующим отделением от них призматических пластинок, а также не встречаются характерные для дорсета ядрища с желобком.

Харп обращает также внимание на то, что искусство дорсета очень просто и примитивно, а искусство ипиутака весьма развито. Из этого, по его мнению, следует, что дорсет древнее ипиутака или не имел с ним контактов на поздних этапах и что он не произошел целиком от ипиутака⁵⁵.

Взгляды Харпа на дорсетцев как на чистых эскимосов, не испытавших сколько-нибудь заметного влияния индейцев и их культур, полностью подтверждаются недавними палеоантропологическими исследованиями Л. Ошинского, убедительно доказавшими, что люди

⁵⁴ Там же, стр. 160—161.

⁵⁵ Там же, стр. 159—160.

дорсетской культуры морфологически являются эскимосами и что в их физическом типе не прослеживается никаких индейских черт⁵⁶.

Таковы некоторые данные о людях саркакской и дорсетской культур. Исходя из наличия не содержащего культурных остатков слоя между саркакским и дорсетским горизонтами сермермиута, логично предположить, что по крайней мере в Гренландии вторые не были прямыми потомками и наследниками первых, что здесь имели место две отдельные волны иммиграции. Полное отсутствие саркакских типов в дорсетских слоях свидетельствует в пользу гипотезы Х. Ларсена о том, что саркакцы ушли из района залива Диско раньше, чем там появились дорсетцы. Но пока остается покрытым мраком неизвестности, как исчезли или куда ушли люди саркакской культуры.

Но интересно, что пришедшие им на смену дорсетцы не искали для своих поселений новые места, а предпочитали обосновываться на местах бывших саркакских стоянок. Так произошло на 21 из 23 раскопанных Х. Ларсеном и И. Мельдгордом стоянках залива Диско.

За небольшим исключением, эти стоянки располагались на галечных или песчаных террасах, лежащих на несколько метров выше уровня моря, у основания вдающихся в него скалистых мысов. Х. Ларсен пишет, что с таких мысов удобно высматривать тюленей, особенно весной, когда они лежат на льду, греясь на солнце. Кроме того, лед весной раньше всего ломается именно около таких мысов и в полыньях здесь собираются тюлени. По всему этому Х. Ларсен высказывает весьма логичное, на наш взгляд, предположение, что найденные им стоянки были весенними стойбищами охотников на тюленей⁵⁷.

Если у саркакцев и дорсетцев были лодки, то у мыса всегда можно найти для причала укрытое от волн место. В этом случае стоянки могли быть и летними стойбищами. Но пока ничего не известно о том, были ли лодки у палеоэскимосов Западной Гренландии. К этим интересным соображениям Х. Ларсена хотелось бы добавить только одно. На наш взгляд, выбор дорсетцами тех же мест для стоянок, какие были у саркакцев, свидетельст-

⁵⁶ *L. Oschinsky. The most ancient Eskimos. The Eskimo Affinities of Dorset Culture Skeletal Remains. Ottawa, 1964, p. 30, 32 et others.*

⁵⁷ *H. Larsen, J. Meldgaard. Paleo-eskimo cultures in Disko-Bugt..., p. 66.*

зует о наличии фундаментальных черт общности и преемственности в хозяйстве людей этих двух культур. Очевидно, несмотря на различие в происхождении и в типах каменных орудий, направление и приемы охотничьего промысла были у людей этих двух культур весьма сходны. Именно поэтому для них оказались наиболее удобными одни и те же места стоянок. Возможно, сходство во многом обязано тому, что саркакцы и дорсетцы в Гренландии жили в одинаковых условиях географической среды.

На рубеже VI в. н. э. дорсетская культура исчезает с побережий залива Диско. Первые же следы неоэскимосской культуры инугсук относятся здесь только к середине XIII в. н. э.⁵⁸ Видимо, в течение более чем семи веков в этом районе никто не жил. Археология Гренландии изучена еще недостаточно, чтобы можно было сказать, какова была судьба носителей дорсетской культуры и до какого времени они жили в других районах острова. Но достаточно определенно известно, что неоэскимосы — носители культуры туле — появились в Гренландии не ранее XII—XIII вв. По археологическим и фольклорным данным (норманнские саги) известно также, что на западном побережье Гренландии к югу от залива Диско ни в X, ни в XI в. не было эскимосского населения.

НЕОЭСКИМОССКИЕ КУЛЬТУРЫ

Как уже отмечалось, выше рассмотренные культуры объединяются большинством археологов под именем палеоэскимосской. Ее важнейшими чертами являются отсутствие китобойного промысла и большая роль у всех (кроме качемакцев и алеутов) охоты на оленей карибу.

От палеоэскимосской культуры К. Биркет-Смит, Ф. Рейни, Х. Ларсен отличают неоэскимосскую культуру, которая хронологически в основном следует за палеоэскимосской, а на своих ранних этапах сосуществует с ней. В неоэскимосскую культуру обычно включаются древнеберингоморская культура, оквик, пунук, бирнирк и его ответвление — культура туле с ее поздними формами — тикераком (тигара) и инугсуком, а также поздний

⁵⁸ Там же, стр. 23.

качемак. Не вполне ясно положение так называемого «почти ипиутака» мыса Хоп, который одни исследователи относят к неоэскимосской культуре (К. Биркет-Смит), другие же не отделяют «почти ипиутак» от культуры нортон (Ф. Рейни) и, следовательно, относят его к палеоэскимосской культуре⁵⁹.

Важнейшими чертами неоэскимосской культуры являются возникновение и постепенное развитие китобойного промысла, употребление сетей для ловли тюленей, наличие орудий и шлифованного сланца и керамики.

Ф. Рейни, на наш взгляд, правомерно рассматривает все неоэскимосские культуры как подтипы единой культуры охотников на кита, различающиеся главным образом по форме гарпунов и изменению художественного стиля⁶⁰. Позднее сходную точку зрения развил и обосновал на большом материале Р. Акерман, подчеркнувший, что локальные различия отдельных неоэскимосских культур не должны заслонять от исследователей их существенного единства⁶¹.

Эта культура существовала почти 2000 лет, примерно с последних веков до нашей эры на западе эскимосской территории и с рубежа I и II тысячелетий н. э. в Гренландии, когда там распространилась культура туле. Наиболее ранними этапами неоэскимосской культуры являются древнеберингоморье и оквик, очень близкие между собой. Соотношение этих двух этапов вызывает много споров⁶². Стоянки древнеберингоморья обнаружены в ряде пунктов на Чукотском полуострове, на островах Берингова пролива (остров Святого Лаврентия, острова Диомида), а также на Аляске до мыса Барроу.

Для древнеберингоморской культуры характерно исключительное значение охоты на морских животных. Жилища древнеберингоморцев — прямоугольные полуземлянки с длинным и узким коридором, собаководство отсутствует, очень своеобразен криволинейный орнамент, которым украшены гарпуны и другие костяные изделия.

⁵⁹ К. Birket-Smith. The Eskimos, p. 190, 193—195; F. Rainey, E. Ralph. Указ. соч., стр. 373.

⁶⁰ Ф. Рейни. Археология Американской Арктики, стр. 56.

⁶¹ R. Ackerman. Culture contact in Bering Sea; Birnirk-Punuk Period. «Prehistoric cultural relations», p. 27—34.

⁶² J. Giddings. Archaeology of Bering Strait, p. 123—124; он же. Cultural continuities, p. 159; К. Birket-Smith. The Eskimos, p. 187.

Что касается оквика, то, как отмечал еще С. И. Руденко, он отличается от других эскимосских культур «прежде всего специальным стилем орнаментации, более простым и более эскизным, чем криволинейный древнеберингоморский, а также особым типом наконечников гарпунов со сложной шпорой»⁶³.

По спорному вопросу о месте оквика среди эскимосских культур Берингоморья крупный вклад был сделан недавними раскопками М. Г. Левина и Д. А. Сергеева на Чукотке. Как отмечается в диссертации Д. А. Сергеева «Развитие древних культур эскимосов Западного Берингоморья» (М., 1966), «...вряд ли можно говорить о прямом развитии культуры оквик из древнеберингоморской и о смене древнеберингоморья оквиком. Это близкие между собой культуры, сосуществовавшие на определенном, достаточно протяженном этапе среди отдельных групп древнего эскимосского населения Берингоморья.

В зависимости от времени и места сложения одни памятники могут носить преимущественно древнеберингоморский облик, другие — преимущественно оквикский, как это имеет место на Аляске и на острове Святого Лаврентия. Однако в памятниках Чукотки, т. е. в Уэленском и Эквенском могильниках, в значительной части захоронений оквикские и поздние древнеберингоморские орнаментальные мотивы и формы орудий сосуществуют.

Зарождение и развитие оквикских форм относится к более позднему времени, чем развитие первоначальных древнеберингоморских форм, но отмирание оквикского и древнеберингоморского стилей произошло приблизительно в одно и то же время»⁶⁴. «...Около VII—VIII вв. нашей эры богато орнаментированные и конструктивно сложные орудия древнеберингоморского и оквикского типов сменяются скупо или совсем не орнаментированными, более простыми по форме, но, очевидно, практически более эффективными орудиями последующих культур»⁶⁵.

Свою точку зрения на соотношение Берингоморья с

⁶³ С. И. Руденко. Древние культуры Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947, стр. 9.

⁶⁴ Д. А. Сергеев. Развитие древних культур эскимосов Западного Берингоморья. Канд. дисс. М., 1966, стр. 83—84.

⁶⁵ Там же, стр. 120.

оквиком Д. А. Сергеев подкрепляет большим и тщательно проанализированным фактическим материалом.

Убедительной нам представляется и идея Д. А. Сергеева, кстати сказать хорошо согласующаяся с вышеизложенными взглядами Р. Акермана, что на основе берингоморско-оквикского комплекса возникают пунук и бирнирк и что они являются не сменяющими друг друга этапами, а результатами приспособления к различным местным условиям, а именно — к охоте на китов и моржей в Беринговом проливе и на тюленей в Арктической Аляске⁶⁶.

Для пунукской культуры характерны некоторое увеличение роли сухопутной охоты, изменение типов гарпуна, каменные орудия пунука, почти всегда шлифованные. Пунукский стиль орнаментации резко отличается от берингоморского, криволинейный берингоморский орнамент сменяется более прямыми линиями и кружками с точками в центре. В поздних слоях пунукских поселений найдены уже вещи русского происхождения. В районе мыса Барроу обнаружена культура иного облика, так называемая бирниркская. По сравнению с древнеберингоморской бирниркская культура производит впечатление менее художественно изысканной. Некоторые ее черты, например сходство в наконечниках стрел, типах наконечников гарпунов, керамика, указывают на родство с древнеберингоморской культурой. Другие черты свидетельствуют, что бирнирк — более молодая культура, чем древнеберингоморская.

Во второй половине I тысячелетия н. э., по наиболее распространенной точке зрения, на основе бирнирксской культуры на севере Аляски развивается так называемая культура туле, которая на рубеже I и II тысячелетий н. э. распространяется по арктическому берегу Канады и в Гренландию. Однако существует и другая гипотеза о возникновении культуры туле. Согласно ей, туле не происходит ни от бирнирка, ни от какой-либо культуры Аляски. По этой гипотезе, туле — результат приспособления к морю древнейших местных протоэскимосских культур Северной Канады⁶⁷. Вряд ли при настоящем уровне зна-

⁶⁶ Д. А. Сергеев. Развитие древних культур эскимосов Западного Берингоморья. Канд. дисс. стр. 119, 120, 128.]

⁶⁷ E. Holtved. Archaeological Investigations in the Thule district t. II. Kjøbenhavn, 1944, p. 177.

ний можно решить, где же возникла культура туле — на Аляске или в Канаде. Ясно только одно, что это произошло не в Гренландии. В то же время очевидно, что в Гренландию культура туле распространилась еще на начальном этапе своего развития. Об этом свидетельствует, в частности, ее несколько более сухопутный характер по сравнению с классическими формами канадского туле — высокоспециализированной культуры морских зверобоев и китобоев.

Носители культуры туле, переселившись в Гренландию в 1100—1200 гг. н. э., обосновались на северо-западе острова в пределах современного дистрикта Туле. Зимой они жили в небольших полужемлянках круглой или закругленной в плане формы, а летом, очевидно, перебирались в палатки из шкур. С самого начала жизни этих людей в Гренландии они занимались охотой на моржей, тюленей и китов, о чем свидетельствуют находки остатков гарпунов, каяков и умиаков, а также костей морских животных на местах поселений⁶⁸. Подробнее культура и история этих людей в Гренландии будет рассмотрена в главе VII. А теперь надо сказать еще об одной гипотезе происхождения туле.

Согласно этой новой гипотезе, выдвинутой в 1959 г. Дж. Фордом, а позднее развитой и частично пересмотренной В. Тейлором, туле возникло на севере Канады в районе побережья, между заливом Амундсена и островом Виктория из какой-то еще неизвестной прототульской культуры⁶⁹. По мнению Тейлора, бирнирк — старший родственник канадского туле, а не его предок. Что касается дальнейшего развития культуры туле в Канаде, то, как доказал Дж. Ван-Стоун, носители этой культуры были непосредственными предками так называемых центральных эскимосов, в частности эскимосов нетсилик. Эта точка зрения подтверждается и антропологическим материалом Дж. Андерсона и К. Мербса, показавших, что между черепами эскимосов туле и черепами центральных эскимосов нет никакой разницы⁷⁰.

⁶⁸ Там же, стр. 10—12.

⁶⁹ *J. Ford*. Eskimo Prehistory in the Vicinity of Point Barrow, Alaska. N. Y., 1959; *W. Taylor*. Hypothesis on the Origin of Canadian Thule culture. «Amer. Antiquity», 1963, v. XXVIII, N 4, p. 456—464.

⁷⁰ *J. Van Stone*. An Archaeological Collection from Somerset Island and Bootia Peninsula, N. W. T. «Royal Ontario Museum, Occasional Paper 4»; *J. Ander-*

Тем самым было опровергнуто господствовавшее в течение почти четырех десятилетий в эскимосоведческой литературе мнение, что центральные эскимосы — недавние пришельцы на североканадском побережье.

Недавние эскимосские культуры (XV—XIX вв.) в основном продолжают культурные традиции неоэскимосов, отличия же их в значительной мере связаны с ростом европейского влияния⁷¹.

Как отмечает Ф. Рейни, некоторые из постоянных поселений охотников на кита и морского зверя, например на острове Святого Лаврентия, островах Дионида, мысах Хоп и Барроу, до сих пор заняты эскимосами, современные поселения которых преемственно связаны с древними. В то же время в Центральной Канадской Арктике эскимосы в последние века были лишены возможности охотиться на китов в связи с опусканием уровня моря, что отрезало этим животным доступ в Центральную Арктику⁷². Кроме этого, сыграло свою роль и истребление животных европейскими китобоями.

По-видимому, именно прекращение охоты на китов, имевшее место в XVIII в., обусловило большую часть различий в культуре эскимосов туле от их наследников на севере Канады. Вынужденный отказ от китобойного промысла привел к значительному сокращению пищевых ресурсов района. В результате жителям центральной части Канадской Арктики пришлось покинуть свои прежние большие постоянные зимние селения, состоявшие из полуземлянок с остовом из китовых костей, и начать вести более подвижный образ жизни.

Переход к охоте на моржей и тюленей потребовал также рассредоточения населения. Вероятно, в это же время получили широкое распространение снежные хижины иглу, удовлетворявшие потребностям кочевой жизни и позволявшие создавать зимой целые селения на морских льдах вдали от берега⁷³. Мы присоединяемся к гипотезе Тейлора о том, что примерно в то же

son, C. Merbs. A contribution to the Human Osteology of the Canadian Arctic. «Royal Ontario Museum. Occasional Paper 4». Toronto, 1962.

⁷¹ J. Giddings. The Archaeology of Bering Strait, p. 124; K. Birket-Smith. The Eskimos, p. 194.

⁷² Ф. Рейни. Указ. соч., стр. 56.

⁷³ W. Taylor... and then came Man. People of Light and Dark. Ottawa, 1966, p. 4.

время, в конце XVII — начале XIX в., среди людей туле (бывших охотников за китами) в связи с исчезновением китов и с похолоданием климата могло произойти переселение части эскимосов с побережья во внутренние районы с переходом к охоте на оленей карибу⁷⁴.

Все века своего существования эскимосы имели свою этническую территорию, свой хозяйственно-культурный тип, отличавший их от южных соседей — индейцев. Эскимосы также отличались от индейцев по антропологическому типу и по языку.

Более сложен и не до конца исследован вопрос о древних этнических различиях между эскимосами Аляски, с одной стороны, и Канады и Гренландии — с другой.

Что эти различия существовали в течение нескольких тысяч лет, не вызывает сомнений. Действительно, такие древние эскимосские культуры, как чорис, качемак, оквик, древнеберингоморская и другие, имели ареал, ограничивавшийся Аляской и Чукоткой, и в то же время в Канаде и Гренландии существовали эскимосские культуры — саркак, дорсет, туле, по-видимому отсутствовавшие по крайней мере в своих типических формах на западе эскимосского мира. Но таксономические различия между древними культурами Аляски, с одной стороны, Канады и Гренландии — с другой, возможно, не крупнее различий между одновременными локальными культурами Аляски, например между культурами ее юго-запада и севера.

По-видимому, этнические группы эскимосов Аляски, с одной стороны, Канады и Гренландии — с другой, в доевропейский период истории Америки представляли собой своеобразные части общеэскимосской этнической общности из-за различия в экологических условиях между Аляской и более восточными районами Американского Севера и вследствие торговых и культурных контактов эскимосов Аляски с жителями Северо-Востока Азии.

⁷⁴ W. Taylor. An Archaeological Perspective on Eskimo Economy, p.117.

Глава вторая

ЭСКИМОСЫ АЛЯСКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—XX в.

Одним из своеобразных национальных меньшинств Соединенных Штатов являются эскимосы Аляски.

По утверждению Дж. Ван-Стоуна, они сохранили основы традиционного образа жизни в большей степени, чем любая другая этническая группа современного коренного населения Северной Америки¹. В настоящее время их численность в границах США составляет по разным оценкам от 23 тыс. до 30 тыс. человек, т. е. около 10% всего населения штата Аляска².

По археологическим данным, эскимосы как отдельная этническая группа отчетливо выделяются на Аляске по меньшей мере в течение 2000—2500 лет, т. е. со времени берингоморской культуры³.

Многие же исследователи (К. Биркет-Смит, Ф. Рейни и Э. Ральф и др.), к мнению которых присоединяется и автор настоящей работы, полагают, что уже такие древние культуры Аляски, как чорис (1500—500 гг. до н. э.), качемак I (VIII в. до н. э.) и другие, также принадлежат эскимосам⁴.

В XVIII в. с экспедиции Федорова-Гвоздева, достигшей в 1732 г. Аляски в районе мыса Принца Уэльского,

¹ *J. Van Stone, W. Oswalt. Three Eskimo communities. «Anthropological Papers of the University of Alaska», 1960, v. 9, N 1, p. 17.*

² *J. Malaurie. The Eskimos: a society geared for survival «Realities», 1966, april, N. 185, p. 45; D. Jenness. Eskimo Administration V. Analysis and reflections. Montreal, 1968, p. 40.*

³ *R. Spencer, J. Jennings et al. The Native Americans. N. Y., 1965, p. 88—89.*

⁴ *K. Birket-Smith. The Eskimos. London, 1959, p. 193; E. Rainey, E. Ralph. Radiocarbon dating in the Arctic. «Amer. Antiquity, 1959, v. XXIV, p. 373.*

началось систематическое освоение Аляски русскими. В 1743 г. в Северо-Западной Америке побывала первая русская торгово-промысловая экспедиция, возглавлявшаяся Емельяном Басовым. Она привезла много мехов и вести о богатстве вновь открытых земель пушным зверем. До конца века Аляску, Кадьяк и Алеутские острова посетило почти 90 русских экспедиций. До 60-х годов XVIII в. они направлялись в основном на прилежащие к Аляске острова, позднее участились посещения побережья материка. В этот период промыслом морского зверя в водах Аляски и меновой торговлей с коренным населением — алеутами и эскимосами занималось много мелких компаний. В 1799 г. была создана объединенная Российско-Американская компания, получившая монополию на владение и эксплуатацию Северо-Западной Америки и ее природных богатств. Под юрисдикцией компании оказалось и коренное население этих мест.

В первые десятилетия XIX в. компания создала на западе Аляски ряд поселений и торговых постов: в 1818 г. у Бристольского залива основала редут Нушагак в низовьях реки того же названия, в 1832 г. начал действовать торговый пост в устье Кускоквима, в 1833 г. к северу от устья Юкона заложили редут Св. Михаила, в 1840 г. на юго-восточном побережье залива Нортон открыли торговый пост Уналаклит, который до конца существования Русской Америки оставался самым северным аванпостом Российско-Американской компании. Кроме вышеперечисленных, в районе расселения эскимосов на Аляске в 1840-х годах функционировало еще несколько торговых постов и редутов. Во всех этих редутах с эскимосами не только торговали, но и нанимали их на различные временные работы.

В редут Св. Михаила ежегодно собирались для торговли эскимосы, жившие на берегах Берингова пролива и в низовьях Юкона. Те, кто жил к югу от этой реки, посещали русские селения на Кускоквиме, а жившие еще южнее отправлялись в редут Нушагак. В районы, лежащие к северу от Уналаклита, компания начиная с 1848 г. посылала ежегодно торговые экспедиции, получавшие у эскимосов пушнину в обмен на товары русского производства, прежде всего различные металли-

ческие изделия, оружие и боеприпасы, табак. Эти экспедиции не достигали северного побережья Аляски, но жившие там эскимосы также получали европейские товары русского происхождения через посредство эскимосских племен, живших на западе и во внутренних областях Аляски.

Уже к 20-м годам XIX в. русские товары достигли эскимосов, живших на границе с Канадой. Джон Франклин, исследовавший в 1825—1826 гг. восточную часть северного побережья Аляски по поручению Компании Гудзонова залива, обнаружил у встреченных им там эскимосов товары русского, а не английского происхождения⁵. Основная масса виденных Франклином эскимосов принадлежала к нунамиутам Северной Аляски. Они получали русские товары, в том числе железо, ножи, бусы, табак, почти исключительно через посредство эскимосов залива Коцебу и мыса Барроу⁶. Эскимосы, жившие в пограничной зоне между Аляской и Канадой, рассказали Дж. Франклину, что они знают о существовании своих восточных (т. е. канадских. — Л. Ф.) соседей — медных эскимосов Канады, но не имеют с ними никаких дел, так как это плохие люди с грубыми и неприятными обычаями.

Таким образом, в первые десятилетия XIX в. наблюдалось известное обособление аляскинских эскимосов от их канадских собратьев. Коренные жители Аляски входили в зону экономического влияния России. Они считали эскимосов северного побережья Канады, менее затронутых к тому времени европейским влиянием, грубыми и примитивными и отделяли себя от них.

В 1837 г. Дж. Симпсон, первым из европейцев обследовавший все побережье Северной Аляски — от р. Макензи до мыса Барроу, видел у эскимосов длинные русские ножи, железные ведра и другие русские товары.

В 1840-х годах Компания Гудзонова залива создала на северо-востоке Аляски свои первые торговые посты и прежде всего форт Юкон. Но они вели торговлю только с индейцами. Эскимосы Аляски стали посещать эти посты лишь в XX в.⁷

⁵ «Арктические походы Джона Франклина». Л., 1957, стр. 71—73.

⁶ N. Gubser. The Nunamiut Eskimos: Hunters of Caribou. New Haven, 1965, p. 4.

⁷ Там же, стр. 6.

В 1865—1866 гг. на Аляске работала экспедиция Американской западной объединенной телеграфной компании, искавшая пути для прокладки транстихоокеанского кабеля. Экспедиция имела базы в Св. Михаиле, Уналаклите, Порт-Кларенсе и Нулато. Служащие телеграфной компании нанимали эскимосов обоого пола погонщиками собак, для разбивки лагерей, заготовки дров, шитья одежды и т. п.

За работу эскимосам платили товарами американского производства. Но все же вплоть до продажи Аляски Соединенным Штатам эскимосы этой территории находились в зоне экономического влияния России. Их и торговые, и культурные связи были направлены на запад, к русским поселениям на Аляске, а также к сибирским эскимосам, чукчам, через посредство которых коренные жители Аляски получали русские товары в обмен на меха с начала XVIII в., т. е. задолго до основания Русской Америки. О том, какой отпечаток наложило русское влияние на культуру эскимосов Аляски, говорится во многих работах о Русской Америке и коренном населении Американского Севера. Касался этого вопроса и автор настоящей книги. Специально исследованию вопроса о русском наследии на Аляске посвящена недавно опубликованная статья Дж. Ван-Стоуна и В. Освальта⁸. Поэтому ограничимся указанием на вытекающий из всех исследований русского периода истории Аляски вывод о том, что он оказал бесспорное влияние на экономику, материальную и духовную культуру эскимосов Аляски, в особенности на живших к югу от Берингова пролива, и явился важным этапом в развитии отдельной аляскинской этнической группы эскимосов.

Что же касается изменения численности эскимосов за первую половину XIX в., то здесь трудно сказать что-нибудь определенное⁹. Во всяком случае, нет никаких указаний на то, что она претерпела кардинальное уменьшение, сопоставимое, например, с уменьшением численности алеутов за тот же период. На конец 1830-х годов

⁸ «Советская этнография», 1968, № 2.

⁹ К началу контактов с русскими на Аляске, по оценке В. Освальта, жило от 23 до 33 тыс. эскимосов. (W. Oswalt. Alaskan Eskimos. San Francisco, 1967, p. 24).

имеются оценки численности эскимосов, сделанные И. Вениаминовым, но они, будучи, по-видимому, точными для южных групп (угалахмюты — 150 человек, чугачи — 471 человек), явно завышены для более северных групп (кускоквимцы — 7000 человек и т. д.)¹⁰. Поэтому и итоговая цифра — 31437 человек представляется завышенной. Скорее можно принять предположение Д. Дженнесса, что на Аляске ко времени ее продажи Соединенным Штатам насчитывалось около 18 тыс. эскимосов¹¹, которые делились на значительное число племен. Каждое из них имело свою территорию, культуру, отличавшуюся какими-то деталями от культур соседних племен, и свой диалект или, точнее, говор эскимосского языка¹². По фонетическим особенностям речи эскимоса можно было, по словам Р. Спенсера, точно определить даже селение, где он родился¹³.

Каждое племя эскимосов Аляски имело свое название. При этом в XIX в. отдельные люди или группы людей, покинувшие племенную территорию и переселившиеся в другой район, сохраняли прежнее самоназвание. На это указывают наблюдения Л. А. Загоскина над эскимосами низовья Юкона, Кускоквима и побережья Бристольского залива¹⁴. По сути дела то же явление (только уже для XX в.) отмечено Н. Гебсером. Он пишет, что одна из групп эскимосов внутренних районов Аляски (нунамиуты), переселившихся к этому времени на побережье Северной Аляски, продолжала сохранять свою этническую общность¹⁵. У семи эскимосских племен тихоокеанского побережья, объединяемых исследователями под именем чугачей, существовали в XIX в. вожди племен, а также обычай, по которому в пределах своего племени можно было переселяться из селения в селение без согласия вождя¹⁶. Э. Нельсон отмечал, что у эскимосов побережья Берингова пролива за убитого

¹⁰ И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. I, СПб. 1840, стр. V—VII.

¹¹ D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska. Montreal, 1962, p. 5.

¹² K. Birket-Smith. The Eskimos, p. 66, 144.

¹³ R. Spencer. The North Alaskan Eskimo. Washington, 1959, p. 15.

¹⁴ Л. А. Загоскин. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке. М., 1956, стр. 213.

¹⁵ N. Gubser. Указ соч., стр. 23.

¹⁶ K. Birket-Smith. The Chugach Eskimo, p. 92—93.

члена племени должны были мстить все его соплеменники, если убийца был из другого племени, и только ближайшие родственники, если жертва и убийца принадлежали к одному племени. Тот же автор пишет о существовавшем в XIX в. обычае созывать для постройки кажима людей из разных селений одного племени¹⁷.

Все это, на наш взгляд, свидетельствует о наличии у эскимосов Аляски в XIX в., а местами, например у нунамиутов хребта Брукс, и позднее племенного этнического самосознания.

Как писал Н. Гебсер «нунамиуты чувствуют, что они единый народ, отличный от прибрежных эскимосов Аляски, эскимосов р. Макензи на востоке и эскимосов, живущих в лесистых долинах Кобука и других близлежащих рек, и что они имеют очень долгую историю, связывающую их с северными отрогами хребта Брукс и северным склоном Аляски»¹⁸.

Вместе с тем, по-видимому, эскимосы разных племен осознавали свою принадлежность к одной этнической общности, что отражалось, в частности, в общем для большинства эскимосов самоназвании «инуит», а также в таком негативном признаке, как отличие себя от индейцев и белых.

Индейцы говорили на непонятных для эскимосов языках, отличались от них по культуре, отчасти и по внешности. Поэтому восприятие эскимосами индейцев как чужих людей не вызывает удивления. Для эскимосов Аляски в общем было довольно типичным презрительное отношение к индейцам, что отразилось и в эскимосских названиях для последних. Так, например, эскимосы берингоморского побережья Аляски называли индейцев словом «ингалик», что означало «дети яичка вши»¹⁹ и было намеком на то, что волосы индейцев якобы кишат паразитами. Эскимосы нунамиуты, по наблюдениям Н. Гебсера, считали живших к югу от них индейцев коюкон низшими и относились к ним с презрением²⁰.

Но презрение это часто сочеталось со страхом перед индейцами, бывшим результатом длительных враждеб-

¹⁷ E. Nelson. The Eskimo about Bering Strait, Washington, 1899, p. 285—327.

¹⁸ N. Gubser. Указ. соч, стр. 44.

¹⁹ E. Weyer. The Eskimos. Hamden, 1967, p. 152.

²⁰ N. Gubser. Указ. соч., стр. 50.

ных отношений. Так, Э. Нельсон во многих местах своей книги пишет о войнах между эскимосами и индейцами, например между малемютами залива Коцебу и индейцами тинне, и о страхе эскимосов перед набегами индейских военных отрядов.

Насколько можно судить по фольклору эскимосов, войны между эскимосами и индейцами были более частыми в доевропейский период истории Аляски, в XIX в., особенно в его второй половине, они стали более редкими, вероятно, в связи с общим сокращением численности как эскимосов, так и индейцев в результате колонизации и образованием никем не занятых пограничных зон.

Например, у нунамиутов хребта Брукс последнее крупное столкновение с индейцами-кучинами имело место примерно в 1840—1850-х годах. Но до сих пор многие нунамиуты пугаются при одной мысли об атаке индейцев. Тени в кустах вечером, следы неизвестных людей служат поводом для волнения и большого обсуждения. Индейцами пугают непослушных детей, и индейцы, по словам Гебсера, до сих пор вызывают страх, сплывающий нунамиутов ²¹.

Однако отношения эскимосов с индейцами было бы неверно сводить только к взаимной вражде и военным столкновениям. Большое значение в их отношениях играла торговля, в которой были заинтересованы обе стороны. Так, по воспоминаниям нунамиутов, военные столкновения с кучинами в XIX в. чередовались с длившимися по несколько десятилетий периодами мирных и даже дружественных отношений.

Многие нунамиуты и кучины овладевали языками друг друга, устраивали совместные пляски и игры. В эти периоды нунамиуты обычно выступали в роли торговых посредников между береговыми эскимосами и жившими в глубине Аляски вблизи канадской границы кучинами. Так, через посредство нунамиутов кучины выменивали меха на тюленьи шкуры, а во второй половине XIX в. — на европейские товары. С другой группой своих индейских соседей — индейцами коюкон, около сотни которых жило в конце XIX в. в верховьях р. Коюкук, нунамиуты не имели ни дружеских, ни торговых контактов, но не

²¹ N. Gubser. Указ. соч., стр. 47, 49.

происходило между ними и военных столкновений. С индейцами коюкон были довольно тесно связаны торговлей так называемые лесные эскимосы р. Кобук.

Разрыв дружеских отношений эскимосов внутренней Аляски (нунамиут, кобукмиут, ноатакмиут) и военные столкновения с индейцами были чаще всего следствием нарушения индейцами границ охотничьих угодий, которые эскимосы считали исконно своими, а также споров из-за женщин. Так, например, в первой половине XIX в. одно из столкновений между нунамиутами и индейцами произошло из-за того, что в 1800—1820 гг. одна из групп кучинов переселилась с берегов озера Уолкер, где она прежде жила, в ущелье Хоуард на хребте Брукс, которое эскимосы считали своей территорией. Через несколько лет индейцы были вытеснены из этого ущелья и осели в долинах Киллик, Чандлер и некоторых других, лежащих к востоку от ареала нунамиутов. После этого мирные и дружественные отношения были восстановлены.

Другой вооруженный конфликт произошел из-за того, что нунамиуты, взяв в жены двух индейских женщин, не дали индейцам взамен своих женщин. Индейцы попытались после этого похитить эскимосских женщин, что повело к серии стычек и к прекращению всех мирных связей²².

Берингоморские эскимосы также имели непосредственные торговые сношения с некоторыми индейскими племенами. Так, например, атапаски участвовали в ежегодных ярмарках, устраивавшихся эскимосами на берегах залива Коцебу. Здесь атапаски меняли свои изделия из дерева — ведерки, блюда и т. п. на тюлений жир.

Наиболее тесными были контакты между эскимосами, жившими на юго-восточной границе эскимосской этнической общности на Аляске, и индейцами северо-западного побережья. В XIX в. такой пограничной эскимосской группой были чугачи, на материальную и духовную культуру которых, по мнению К. Биркет-Смита, значительное влияние оказали индейцы северо-западного побережья²³.

²² Там же, стр. 13, 44—50.

²³ К. Birket-Smith. The Chugach Eskimo.

В 1880-х годах чугачи, насчитывавшие в то время около 500 человек, занимали берега залива Принс-Вильям. У них были довольно часты браки с индейцами, в особенности браки эскимосок с мужчинами тлинкитами.

В XVIII в. к востоку от чугачей по побережью залива Аляска жила еще одна эскимосская группа — угалахмюты, но на протяжении XIX в. она, испытывая сильное давление тлинкитов, смешалась с ними и потеряла свой язык.

В целом можно заключить, что при наличии торговых и до некоторой степени также культурных и брачных связей индейцев с рядом эскимосских племен Аляски только на юго-восточной границе расселения эскимосов эти связи повели к изменению этнического типа эскимосов и даже к поглощению отдельных групп эскимосов индейцами.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРЕ ЭСКИМОСОВ В ГОДЫ КИТОБОЙНОГО ПРОМЫСЛА

В 1867 г. Россия продала Аляску Соединенным Штатам Америки. С тех пор прошло более ста лет. Что же означало это столетие для жизни коренного населения? Как сказалось на его этническом облике включение Аляски в состав США?

Надо сказать, что экономическая экспансия США в районы, где живут эскимосы Аляски, отчетливо ощущалась уже в первые десятилетия XIX в. В течение XIX и начале XX в. американское влияние на хозяйство и культуру эскимосов было прежде всего связано с развитием в омывающих Аляску водах китобойного промысла.

В 1820 г. первое американское китобойное судно вошло в воды Русской Америки. В 1841 г. 50 американских китобойцев действовали в Беринговом море. В 1848 г. первый американский китобоец прошел через Берингов пролив и начал промысел у северного побережья Аляски, а в 1852 г. китобойный флот, промышляв-

ший в водах Аляски, насчитывал уже 278 судов²⁴. Ежегодно у берегов Аляски находились суда с командами, насчитывавшими в общей сложности многие сотни и даже тысячи человек. Известно, что постоянный экипаж парусного китобойца насчитывал в среднем 38 человек, а парового китобойца — 44 человека.

Умножив эти цифры на количество судов, мы получили для отдельных лет следующие данные: в 1849 г. у берегов Аляски было около 6 тыс. моряков (38×154), в 1852 г. — около 10 тыс. (38×278), позднее, с конца 1890-х годов, эти цифры стали значительно меньше, но все же общее число моряков на судах арктического китобойного флота редко опускалось ниже тысячи человек.

С 1880-х годов парусные китобойцы в значительной мере были заменены паровыми, и последние стали зимовать у северных берегов Аляски, чтобы не тратить времени на долгий путь к своим портам в Новой Англии и на западном побережье США. В 1890—1905 гг. на участке от мыса Барроу до устья Макензи ежегодно зимовало в среднем около 20 судов с экипажем примерно в 900 человек. Таким образом, у эскимосов появились довольно многочисленные соседи в лице моряков.

В 1880—1890-х годах на севере и западе Аляски отдельными американскими предпринимателями и фирмами было основано большое число китобойных станций для промысла китов у побережья²⁵. На станциях имелся постоянный белый персонал. Все это вело к общению эскимосов с пришлым населением, командами судов, которые, как правило, состояли из «невежественных и неграмотных фермеров Новой Англии, бывших каторжников, фиджийцев и гавайцев»²⁶. Некоторые капитаны китобойцев по пути из портов Новой Англии на Аляску попутно занимались работоторговлей. Общение с подобными командами моряков, состоящими из грубых и не признающих законов людей, среди которых к тому же было немало преступников и людей, развращенных работор-

²⁴ D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska, p. 5; N. Gubser. Указ. соч., стр. 7, 53.

²⁵ J. Van Stone. Commercial Whaling in the Arctic Ocean. «Pacific Northwest Quarterly», 1958, v. 49, N 1, p. 1—2, 5, 9.

²⁶ N. Gubser. Указ. соч., стр. 7.

говлей, весьма отрицательно сказывалось на жизни эскимосов Аляски и их моральном облике. А между тем это общение было широким по ряду причин. Американские китобои в отличие, например, от голландских, ведших охоту только своими силами, нанимали на сезон промысла эскимосов²⁷. Так, гребцами китобойных вельботов были в основном эскимосы. Их нанимали и матросами на китобойцы на срок промысла²⁸, использовали в качестве гребцов на вельботах и для других работ, а также на китобойных станциях. Кроме того, нанятые китобоями эскимосы-охотники снабжали суда мясом во время зимовок, эскимосские женщины шили и чинили морякам меховую одежду, собирали для них дрова и т. п.

За работу эскимосам обычно платили не деньгами, а товарами: ружьями и боеприпасами, мукой, патокой, табаком, спичками и особенно спиртными напитками. Эта заработная плата была достаточно высока, чтобы побуждать многих жителей побережья пренебрегать добычей морского зверя для собственного потребления и наниматься к китобоям. А нунамиутов та же причина побуждала покидать свои исконные места обитания в глубине Аляски и переселяться на побережье. Упадку собственных традиционных промыслов эскимосов способствовало и хищническое истребление морского зверя китобоями, и поощрение ими убийства оленей карибу в больших количествах.

Темпы уничтожения китов, тюленей, моржей, оленей значительно превышали их естественный прирост. И это привело к резкому сокращению животного мира Аляски уже к 80—90-м годам XIX в.

Э. Нельсон писал, что в конце 70-х годов XIX в. во время его пребывания в Св. Михаиле (берег залива Нортон) на участке побережья протяженностью свыше ста миль эскимосы за год не убивали и дюжины оленей. Всего лишь за 20 лет до этого, в середине XIX в., тот же самый район изобиловал дикими оленями карибу. Но после перехода Аляски во владение Америки эскимосы получили огнестрельное оружие и истребили оленей на большей части побережья²⁹. Для северного побережья

²⁷ К. Birket-Smith. The Eskimos, p. 211.

²⁸ J. Van Stone. Point Hope. Seattle, 1962, p. 22—23.

²⁹ E. Nelson. Указ. соч., стр. 118.

Аляски сходные наблюдения имеются в книге Дж. Мердоха, жившего на мысе Барроу в 1881—1883 гг. Мердох отмечает, что олени редко встречаются в радиусе дня пути от этого мыса и что они стали очень пугливы после того, как на них стали охотиться с ружьями, и теперь (т. е. в 1881—1883 гг.) туземцы уже не могут добыть оленьё мясо для пищи и шкуры для одежды и таким образом попадают в зависимость от американских китобоев³⁰.

Кроме того, уменьшение числа оленей повело к относительно увеличению значения морской охоты и рыболовства по сравнению с охотой на оленей, а также к расширению торговли с сибирскими эскимосами, которые перепродавали своим американским собратьям шкуры домашних оленей, приобретаемые ими у чукчей-олёневодов³¹. Необходимость этой торговли вызывалась тем, что оленьи шкуры были по-прежнему нужны для зимней одежды.

Работа по найму, сопровождавшаяся упадком собственного хозяйства, внесла неустойчивость в экономику эскимосов Аляски, поставила ее в зависимость от конъюнктуры в мировом китобойном промысле.

Китобои хотя и платили по местным понятиям много, но нанимали они эскимосов на короткое время, и к тому же потребность в «туземной» рабочей силе значительно колебалась от года к году в связи с изменениями конъюнктуры, ледовой обстановкой в Чукотском море и море Бофорта и многими другими факторами. В годы, когда мало китобойцев приходило на север, над частью местных жителей нависала угроза голода.

Другой причиной, привлекавшей эскимосов к китобоям, была торговля, которой китобои стали заниматься вскоре после своего появления у берегов Аляски. Цены на китовый ус на мировом рынке были высоки. В 1880 г. он стоил 2 долл. за фунт, а добытый кит давал 1500—2000 фунтов этого ценного материала³². Эскимосы заготавливали китовый ус от добытых ими китов и продавали его китобоям. В обмен они получали ружья, бое-

³⁰ J. Murdoch. Ethnological results of the Point Barrow-expedition. Washington, 1892, p. 53, 263.

³¹ H. Anderson, W. Eels. Alaska natives. London, 1935, p. 78.

³² J. Van Stone. Commercial Whaling..., p. 1—2, 8.

припасы и виски. Эти три предмета торговли выше всего ценились коренным населением.

Эскимосы внутренних районов Аляски продавали китобоям также меха. Дж. Ван-Стоун опубликовал до того не печатавшиеся разделы рукописи офицера военно-морского флота США Стони, в 1883—1886 гг. исследовавшего побережье залива Коцебу и долину р. Кобук. В этих отрывках отмечается, что эскимосы р. Кобук привозили на побережье залива Коцебу и здесь продавали китобоям меха лисиц, бобров, выдр, волков, росомех и т. д. Единицей стоимости считалась шкурка рыжей лисы, которая приравнивалась к одному доллару. Так, одну шкурку стоили фунт пороха или табака, или нож, или колода карт; топор или капкан стоили 3 шкурки, фунт сахара $\frac{1}{4}$ шкурки и т. д. День работы по найму на белых приравнивался к $\frac{1}{2}$ шкурки³³.

Военно-морское судно США «Корвин», которое начиная с 1880 г. ежегодно патрулировало берега Аляски с целью защиты китобойных интересов США, имело также задание препятствовать продаже эскимосам спиртных напитков, но фактически продажа их велась в больших количествах.

В 80-х годах XIX в. капитан «Корвина» получил также и другое поручение — обеспечить соблюдение введенного властями США запрета на продажу эскимосам современных ружей и боеприпасов к ним. Этот запрет ставил коренных жителей Аляски в трудное положение, так как за предшествующие десятилетия они отучились пользоваться своими традиционными видами охотничьего оружия. Еще до введения запрета они купили ружья и постоянно нуждались в боеприпасах к ним. Поэтому эскимосы не меньше, чем торговцы-китобои, были заинтересованы в несоблюдении вышеназванного запрета, который затруднял охотничий промысел.

Еще одной причиной, обуславливавшей влияние китобоев на эскимосов, было общение этих двух групп людей во время зимних стоянок судов у берегов Аляски, а также когда моряки, покинувшие суда, затертые льдами или потерпевшие крушение, по многу месяцев жили в эскимосских селениях или во временных лагерях около

³³ J. Van Stone. Notes on Nineteenth Century Trade in the Kotzebue Sound Area, Alaska. «Arctic Anthropology», 1963, v. I, N 1, p. 126—128.

них. Так, например, в августе 1876 г. у северо-западной оконечности Аляски было затерто льдами 15 американских китобойных судов. Часть их команд осталась на борту и погибла, другая на двух судах, вырвавшихся из ледового плена, уплыла на юг, но многие остались в селениях в Вейнрайте и у мыса Смит и прожили с эскимосами, которые к ним хорошо относились, до конца лета 1877 г.³⁴

С сентября 1897 г. по август 1898 г. на мысе Барроу жили 275 моряков, покинувших свои суда, вмерзшие в лед. И опять-таки большую помощь им оказывали эскимосы³⁵. Когда команды покидали суда, это не только вело к тесному контакту моряков с эскимосами. Кроме того, последние брали с брошенных судов европейские изделия.

Так, в 1871 г. на северо-западе Аляски произошла крупнейшая в истории арктического китобойного промысла катастрофа, когда было покинуто 27 судов, вмерзших в лед. Эти суда стали для эскимосов Вейнрайта и Айси-Кейп богатым источником европейских изделий, железа и дерева. Эскимосы мыса Барроу были хорошо снабжены китобойным снаряжением после гибели американского китобойного флота в 1876 г.

Европейские орудия охоты за китами эскимосы выменивали на китовый ус. Как пишет капитан К. Хупер в отчете о плавании американского патрульного судна «Корвин», почти каждый эскимосский умиак, который он видел, был снабжен копьями со стальными наконечниками, гарпунными ружьями и манильскими линиями³⁶.

У эскимосов нередко прятались моряки, дезертировавшие с китобойцев. Для многих эскимосов это были первые тесные контакты с белыми. В годы китобойного промысла обычными становились связи между моряками и эскимосками. В результате в некоторых эскимосских селениях Аляски, например на мысе Барроу, во второй половине XIX в. появилось немало метисов.

³⁴ *H. Aldrich. Arctic Alaska and Siberia or Eight Months with the Arctic Whalers.* N. Y., 1889, p. 210—218.

³⁵ *J. Van Stone. Commercial Whaling,* p. 8, 9.

³⁶ *C. Hooper. Report of the Cruise of the U. S. Revenue Steamer «Corwin» in the Arctic Ocean, 1880.* Washington, 1881, p. 39.

Общение с китобоями повело к спаиванию эскимосов, к распространению среди них туберкулеза, венерических болезней, к вспышкам эпидемий кори и гриппа с большим числом смертельных исходов. Это вызвало значительное сокращение численности коренного населения Аляски, особенно на севере, где действовала большая часть китобойного флота США. Многие эскимосские стойбища за несколько лет потеряли до половины жителей.

По мнению Дж. Ван-Стоуна, «можно с уверенностью сказать, что население Северо-Западной Аляски так и не восстановило свою прежнюю численность после эпидемий заразных болезней, занесенных с китобойных судов»³⁷.

Это мнение Дж. Ван-Стоуна полностью подтверждается данными из других источников, прежде всего из новейшего статистического справочника по населению и экономике Аляски. Из приведенных в нем цифр следует, что только за одно десятилетие — с 1880 по 1890 г. — численность эскимосского населения Северо-Западной Аляски сократилась на 38,5%. За 50 лет — с 1840 по 1890 г. — из 12 тысяч эскимосов этого района осталось менее 4 тысяч человек. А еще 70 лет спустя в Северо-Западной Аляске насчитывалось столько же жителей, сколько и в 1840 г., но 20% из них были белыми³⁸. Иными словами, коренное население так и не восстановило свою прежнюю численность.

Кстати сказать, в районах Аляски, в прибрежных водах которых не велся китобойный промысел, численность коренного населения в конце XIX в. сократилась несколько меньше, чем на северо-западе.

Страшную картину вымирания эскимосов наблюдал врач уже упоминавшегося судна «Корвин» Дж. Росс во время плавания 1881 г. Он писал, что торговцы в нарушение закона выменивают у эскимосов отборные меха на неочищенный алкоголь самого низкого качества, который, чтобы обмануть таможенников, наливали в бутылки с этикетками марочных напитков — ямайского джина, рома залива и т. п. Кроме того, торговцы на законном ос-

³⁷ J. Van Stone. Commercial Whaling, p. 10.

³⁸ «Alaska's Population and Economy», College, Alaska», v. 1, 1963. p. 33—35 54—57.

новании продают туземцам муку и сахар для изготовления самогона. Эти спиртные напитки привели к голоду и большой смертности на острове Святого Лаврентия. По данным Дж. Росса, только с 1878 по 1881 г. здесь умерло 1000 эскимосов из 1500 живших на острове. Он рассказывает, что в 1881 г. первая из посещенных «Корвином» прибрежных деревень была полностью покинута, во второй не было ни одного живого человека, зато 54 трупа лежали непохороненными в домах и около них. Ту же картину Росс увидел и в третьей деревне. Всюду в беспорядке лежали мертвецы. Только в одном жилище он насчитал 16 трупов. «Это была Голгофа в полном смысле слова»,— восклицает потрясенный Росс. И лишь на крайнем северо-западе острова моряки нашли селение, где жило несколько сот эскимосов. Но и здесь 200 человек перед этим умерло от голода, а оставшиеся в живых ели сухие моржовые кожи и съели всех собак, кроме одной. Росс пишет, что вымирание было результатом совместного действия голода и черной оспы³⁹.

Голод же, добавим мы, был следствием того, что эскимосы острова все свои силы тратили на добывание тех продуктов, которые можно было выменять на алкогольные напитки. Страсть к алкоголю местным жителям привили китобой и торговцы.

Этот же автор приводит сообщение газеты «Аляска Геральд» от 3 августа 1875 г., согласно которому только в июле этого года от занесенной моряками на Кадьяк и прилежащие островки черной оспы умерло 130 человек⁴⁰.

То, о чем пишет Росс, полностью подтверждается основанными на обширных архивных материалах исследованиями Д. Дженнесса. Он воссоздает ужасающую картину систематического спаивания эскимосов китобоями и торговцами, посещавшими каждое селение на побережье Аляски и нередко платившими одной бутылкой виски за меха стоимостью в 200 долл.

Д. Дженнесс приводит данные о вымирании эскимосов Аляски в результате голода. Он возник как след-

³⁹ J. Rosse. Medical and Anthropological Notes on Alaska. Washington, 1883, p. 20—21.

⁴⁰ Там же, стр. 18.

ствие истребления белыми американцами животного мира Аляски и как следствие принесенных ими же болезней и алкоголя. «Целые селения были покинуты, целые районы лишались всех обитателей», — отмечает Д. Дженнесс. В книге Дженнесса есть таблица падения численности населения, составленная по официальным данным.

Т а б л и ц а 1

Население *

Место	1828 г.	1863 г.	1890 г.
Мыс Барроу . . .	1000 человек	309 человек	100 человек
Мыс Франклин .	большое	?	никакого
Мыс Хоп	2000 человек	?	350 человек
Бухта Шишмарева	1000—2000 человек	?	3 дома

* D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska, p. 5—7.

Не все из этих оценок численности бесспорны. Они несколько разнятся от других оценок численности эскимосов этих мест, имеющихсЯ в литературе. Но в одном все исследователи единодушны — деятельность на Аляске американских китобоев и торговцев привела к 1890 г. к резкому сокращению численности эскимосов. А еще 10 лет спустя, в 1900 г., от эпидемии оспы умерло около 75% эскимосов Аляски⁴¹.

По мнению Дженнесса, одним из немногих, кто в конце XIX в. защищал эскимосов на Аляске, был экипаж патрульного судна. «Однако многие годы Вашингтон оставался холодно безразличным к героическим усилиям своего патрульного судна: он преднамеренно закрывал глаза на прискорбное положение своих эскимосских подданных, отчаянно боровшихся против моря бедствий, угрожавшего им полным уничтожением»⁴².

Стремясь снять с себя вину за гибель тысяч людей, правительство США в отчете, опубликованном в 1891 г.,

⁴¹ D. Jenness. Eskimo administration I. Alaska, p. 31.
⁴² Там же, стр. 7.

связывало вымирание эскимосов только с уменьшением числа промысловых животных в результате чрезмерной охоты и голодом как следствием этого.

Китобойный промысел привел также к значительным передвижкам местного населения, к скоплению вблизи баз китобойцев на мысе Хоп, в Вейнрайте, на мысе Барроу и в некоторых других местах, служивших центрами найма на работу, эскимосов из разных районов Аляски, людей, принадлежащих к различным территориальным группам этого народа. Это вело к стиранию культурных и языковых различий между отдельными эскимосскими группами, к этнической унификации эскимосов Аляски. Несколько ниже будут приведены примеры такого смешения.

После этих общих замечаний о влиянии американского китобойного промысла на эскимосов Аляски попытаемся конкретизировать вышесказанное на примере эскимосов отдельных районов. При этом мы не будем касаться эскимосов районов к югу от Берингова пролива, так как там американцы почти не вели промысел китов, и после прекращения в 1867 г. деятельности Российско-Американской компании, влияние которой в основном распространялось как раз на этот район, на юго-западе Аляски наступил период запустения и упадка европейского влияния, длившийся почти до начала второй мировой войны, так как ничто в данном районе больше не привлекало американцев. Здесь не было в больших количествах ни китов, ни ценных видов пушного зверя, например серебристых лис, не было также и ценных минералов.

Кроме того, Берингово море в прибрежной полосе мелководно, поэтому американские промысловые и торговые суда избегали посещать эти места. Прибрежный же участок суши помимо отсутствия природных богатств был еще труднопроходимым, представляя собой лабиринт из рукавов рек, болот и озер. Поэтому эскимосы этого района долгое время оставались вне сферы того интенсивного экономического и культурного воздействия американцев, которое испытывали эскимосы Северной Аляски.

По единодушному мнению исследователей, эскимосы участка между Юконом и Кускоквимом и расположенного неподалеку острова Нунивак до последнего време-

ни сохраняли свою традиционную культуру в большей степени, чем эскимосы других частей Аляски⁴³.

Итак, после этого отступления обратимся к влиянию китобойного промысла на отдельные группы эскимосов Аляски и попытаемся рассмотреть его на примере трех групп приморских эскимосов мыса Уэльс, мыса Хоп, мыса Барроу и одной внутриматериковой — нунамиуты хребта Брукс.

Киникмиут — эскимосы мыса Уэльс или, точнее, мыса Принца Уэльского, издавна, еще до европейской колонизации Американского Севера, выступали в роли торговых посредников между Северо-Востоком Сибири и Аляской, потому что они жили на крайнем западе Аляски в самом узком месте Берингова пролива. С середины XVII в. через посредство чукчей и сибирских эскимосов, с одной стороны, Берингова пролива и эскимосов мыса Принца Уэльского — с другой, на Северо-Запад Аляски стали поступать различные изделия русского производства. И позднее, во второй половине XIX в., когда через Берингов пролив ежегодно проходило большое число китобойных судов, жители мыса Принца Уэльского сохранили свое положение торговых посредников. Они не только приобретали европейские товары непосредственно у китобоев, но и покупали ружья, боеприпасы, спиртные напитки, листовой табак и другие товары у чукчей, которые в свою очередь получали их от китобоев в обмен на китовый ус и моржовый клык. Европейские товары киникмиут выменивали на меха у эскимосов рек Кобук и Ноатак, ежегодно спускавшихся к морю для торговых сделок. Так, меха из внутренних районов Аляски через посредство тех же эскимосов мыса Принца Уэльского попадали в Сибирь. Обмен продукцией собственных промыслов и европейскими товарами в основном совершался у бухты Готгам (залив Коцебу), где ежегодно эскимосами Северо-Западной Аляски устраивались торговые ярмарки⁴⁴. По свидетельству уже упоминавшегося выше лейтенанта Стони, в июле и августе 1883 г. на такую ярмарку собралось одновременно около 1000 эски-

⁴³ «Американский север», М., 1950, стр. 120; *H. Anderson, W. Eels*. Указ. соч., стр. 173; *J. Van Stone, An Archaeological Reconnaissance of Nunivak Island, Alaska. «Anthropological Papers of the Univ. of Alaska», 1957, v.5, N2, p.97.*

⁴⁴ *J. Van Stone. Notes on Nineteenth Century Trade...*, p. 126, 128.

мосов. По его же наблюдениям, сибирские эскимосы редко сами посещали эту ярмарку, так как эскимосы мыса Принца Уэльского регулярно плавали на Чукотку к мысу Дежнева, успешно выполняя роль посредников в торговле между коренным населением Северо-Западной Аляски и Северо-Восточной Сибири.

Посредничество в меновой торговле ускоряло те изменения, которые происходили в культуре и общественных отношениях эскимосов мыса Принца Уэльского под влиянием контактов с китобоями.

Контакты эти, очевидно, были весьма обширны, так как недалеко от мыса Принца Уэльского расположен Порт-Кларенс, бывший главным центром вербовки эскимосов на американские китобойцы, идущие на промысел. В Порт-Кларенс каждый год к приходу китобойцев с юга, из Сан-Франциско и других портов США собирались эскимосы из всех племен Северной Аляски и, конечно, жившие вблизи Порт-Кларенс киникмиут.

Кроме того, не вызывает сомнения, что на мысе Принца Уэльского и вблизи него существовали американские китобойные станции, также использовавшие труд эскимосов⁴⁵. В 1890—1893 гг. у этих эскимосов жил американский миссионер Г. Торнтон, собравший интересные материалы об изменениях в жизни своих подопечных. Кстати сказать, он был первым миссионером и, по-видимому, вообще первым европейцем, долгое время жившим среди эскимосов мыса.

В то время здесь было два эскимосских селения, расположенных менее чем в 400 м одно от другого. В одном из них в 1890 г. жило 308 человек, а в другом — 231⁴⁶. Думается, что такое скопление большого числа жителей в одном месте, в 5 раз превышавшее среднюю численность жителей эскимосского селения в те годы, было связано с выгодным торговым положением мыса Принца Уэльского, а также с его близостью к Порт-Кларенс. Говоря об изменениях в культуре киникмиут, Торнтон отмечает, что в 1861 г. у них появились винтов-

⁴⁵ Эти сведения о деятельности китобойцев в районе мыса Принца Уэльского были сообщены автору в личном письме Дж. Ван-Стоуном, за что мы приносим ему глубокую благодарность.

⁴⁶ *H. Thornton. Among the Eskimos of Wales, Alaska, 1890—1893, Baltimore—London, 1931, p. 20.*

ки, заряжавшиеся с дула, а в 1879 г. — винтовки, заряжавшиеся с казенной части. В 1890 г. Г. Торнтон провел статистическое обследование снаряжения у 135 охотников. В результате он выяснил, что у них имелось 67 винтовок и 5 дробовых ружей, заряжавшихся с казны, 46 винтовок и 34 дробовых ружья, заряжавшихся с дула. Таким образом, 135 охотников имели 152 винтовки и ружья. Охоту в эти годы киникмиут вели с помощью огнестрельного оружия. Копья и гарпуны совершенно вышли из употребления. Исключение представлял промысел китов. При охоте на этих животных эскимосы мыса Принца Уэльского применяли покупные гарпуны американского производства. В то же время, судя по имеющимся данным, гарпунными ружьями местные жители в 1890 г. не пользовались.

Торнтон отмечает, что кроме огнестрельного оружия и китовых гарпунов у киникмиут имелись в значительных количествах и другие товары европейского производства: ножи, топоры, одежда, табак, мука, виски⁴⁷. Все это они получали от китобоев в обмен на меха, моржовый клык, китовый ус, а также как плату за работу. Часть европейских товаров (ружья, одежду, табак, виски), а также часть продуктов от своей охоты (тюленьи шкуры, ремни, мясо, жир) жители мыса сбывали внутриматериковым эскимосам — кобукмиут и ноатакмиут. В обмен они получали шкуры медведя, росوماхи, бобра, норки, карибу. Таким образом, киникмиут в те годы продолжали выступать в качестве торговых посредников между китобоями и охотниками внутренних районов Аляски⁴⁸. В июле, августе и сентябре эскимосы мыса совершали торговые поездки на острова Диомида и на Чукотку и выменивали там продукты своего промысла на оленьи шкуры. Торговое посредничество и работа по найму способствовали быстрому переходу эскимосов этого района от натурального хозяйства к товарному, разложению общины «на множество частных производителей»⁴⁹. Стало развиваться имущественное расслоение. Появилось разделение на богатых и бедных. Резко возросло в общине значение тех, кто владел китобойны-

⁴⁷ *H. Thornton. Among the Eskimos of Wales, Alaska, 1890—1893, Baltimore — London, p. 139—141, 149.*

⁴⁸ Там же, стр. 120.

⁴⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 323.*

ми лодками-умиаками. Кит стал прежде всего цениться не за мясо, а за китовый ус, который можно было продать белым. За ус одного большого кита в начале XX в., когда цена за фунт дошла до 5 долл., платили до 10 тыс. долл.⁵⁰ Став товарной ценностью, пойманный кит перестал быть собственностью всей общины, как это было раньше. Владелец умиака — умиалик — стал забирать себе почти весь ус. Команда умиака фактически стала наниматься умиаликом, хотя зачастую это и было замаскировано родственными отношениями. Весь сезон промысла умиалик кормил команду, деля между нею тюленей и белуг, убитых попутно во время поисков кита. Мясо убитого кита получали в первую очередь члены команды, остаток делился между всеми жителями селения. То, что являлось товарной продукцией — китовый ус, забиралось умиаликом и продавалось им на китобойные суда. Полученные в обмен оружие, боеприпасы и другие европейские товары становились собственностью умиалика. На них он приобретал у эскимосов внутренних районов Аляски, Диомидовых островов и Чукотки пушнину и перепродавал ее европейцам. Таким образом, умиалики все больше выделялись из числа рядовых общинников. Накопленное европейское имущество и торговые операции позволяли умиалику продержаться в те годы, когда ему не удавалось убить кита. Здесь надо сказать, что в 1880—1890-х годах эскимосы мыса за год добывали в лучшем случае несколько китов, а иногда и ни одного, и все же промысел оправдывал себя и приносил богатство владельцам умиаков⁵¹. Но следует иметь в виду и другую сторону этого промысла. Лишь немногие могли стать умиаликами. Для этого надо было не только иметь умиак и покупное охотничье оснащение, но и обладать достаточными средствами, чтобы целый сезон содержать команду в неудачные годы, когда не попадалось китов.

В начале 1890-х годов, по наблюдениям Торнтона, самые богатые люди общины были и самыми влиятельными ее членами и носили звание старейшин⁵². Так, ав-

⁵⁰ J. Sonnenfeld. Changes in an Eskimo hunting technology, an introduction to implement geography. «Annual Association of American Geographers», 1960, v. 50, N 2, p. 176, 177.

⁵¹ Н. Thornton. Указ. соч., стр. 169—171.

⁵² Там же, стр. 19.

торитет богатства сменил авторитет стариков, знатоков обычаев и преданий своей группы и природного окружения, в котором она жила. Развитие имущественного неравенства должно было привести к изменению старых норм наследования. Если у эскимосов, меньше затронутых европейским влиянием, вдова, как правило, не наследовала имущество покойного мужа⁵³, у киникмиут этот порядок уже не мог сохраняться. В общине развилось имущественное неравенство, малая семья приобрела значительно большую экономическую самостоятельность, чем раньше. Наследование имущества покойного по старым родовым нормам его сыновьями, братьями и другими лицами, принадлежавшими к одной с ним линии родства, сменяется наследованием в пределах малой семьи. Действительно, как пишет Торнтон, вдовы наследуют собственность умерших мужей. Торнтон также отмечает, что жена умершего богача-умиалика до некоторой степени сохраняет его социальное положение⁵⁴. Так одновременно с американизацией культуры киникмиут у них исчезли остатки первобытной доклассовой общины.

Другим районом, типичным для демонстрации влияния китобоев на эскимосов, был мыс Хоп. Он был первым пунктом остановки для идущих на север китобойных судов после того, как они покидали Порт-Кларенс вблизи мыса Принца Уэльского, где обычно производилось первоначальное укомплектование местными жителями судовых команд.

Мыс Хоп, по-видимому, является одним из мест Аляски, где наиболее длительное время, еще со времен ипиутака, непрерывно жили эскимосы. По наблюдениям Дж. Ван-Стоуна, жители мыса Хоп — тикерармиут — ощущают свое единство и «считают себя связанными друг с другом принадлежностью к одной общине, имеющей на мысе Хоп корни, уходящие в глубь времен». Такого чувства единства не ощущается в соседних селениях Кивалина, Коцебу, Пойнт-Лей и других, образовавшихся сравнительно недавно из семей, пришедших из разных мест⁵⁵.

⁵³ N. Giffen. The roles of men and women in Eskimo culture. Chicago, 1930.

⁵⁴ H. Thornton. Указ. соч., стр. 107.

⁵⁵ J. Van Stone. Point Hope, p. 17.

Невозможно точно определить, какова была численность жителей селения на мысе Хоп до начала общения с европейцами и особенно с китобоями.

К. Расмуссен обнаружил в старом селении эскимосов мыса Тигаре, датируемом по современным данным XVII—XVIII вв., остатки 122 жилищ⁵⁶. Судя по этому, Тигара была крупнейшим из эскимосских селений Аляски предколониционного времени.

Х. Ларсен и Ф. Рейни, подробно изучавшие эти остатки, считают, что население Тигары на рубеже XIX в. составляло около 1000 человек, но в XIX в. численность эскимосов мыса Хоп резко сократилась в результате занесенных китобоями эпидемий заразных болезней⁵⁷. В 1880 г. по 10-му цензу США в селении на мысе Хоп жило 276 человек⁵⁸. Осенью 1902 г. китобойная шхуна занесла на мыс Хоп корь, от которой умерло 12% его жителей.

История контактов эскимосов мыса Хоп с европейцами была прослежена Дж. Ван-Стоуном⁵⁹.

По его предположению, русские товары достигли мыса Хоп из Сибири еще в конце XVIII в. Но никаких определенных данных по этому вопросу не найдено. В период Российско-американской компании неизвестно ни о каких контактах между служителями компании и жителями Тигары. Правда, в 1838 г. А. Ф. Кашеваров, направившийся к северу на бриге «Полифем», очевидно, проплывал мимо мыса Хоп, но он не упоминает его. По-видимому, первым европейцем, открывшим мыс Хоп, а также давшим ему нынешнее название, был британский капитан Ф. Бичи, судно которого прошло мимо мыса в 1826 г. Первыми белыми, встретившимися с эскимосами мыса, были китобои. Встреча эта произошла в начале 1850-х годов.

Каждую весну местные жители ждали прихода китобойных судов, которые останавливались у мыса Хоп доукомплектовывать команду местными жителями, а также приобрести у эскимосов китовый ус.

⁵⁶ K. Rasmussen. Across Arctic America. N. Y. London, 1927, p. 329.

⁵⁷ H. Larsen, F. Rainey. Ipiutak and the Arctic whale hunting culture, p. 25—26.

⁵⁸ I. Petroff. Report on the population, industries and resources of Alaska. 10-th census U. S., v. VIII, Washington, 1884, p. 4.

⁵⁹ J. Van Stone. Point Hope, p. 18—27.

М. Хили, капитан «Корвина», писал в отчете о своем плавании 1884 г., что эскимосы мыса заготавливают к приходу китобоев большие количества китового уса и что в обмен они получают виски⁶⁰. Китобои обучили эскимосов Тигары, так же как и жителей других селений Аляски, гнать самогон и выменивать продукты, необходимые для этого, на китовый ус.

В 1887 г. одна фирма из Сан-Франциско открыла на мысе Хоп китобойную станцию. Вскоре еще ряд станций был открыт на близлежащем участке побережья между мысом Хоп и мысом Сеппингс. В 1897—1898 гг. на этом участке протяженностью в несколько десятков километров действовали 13 китобойных станций, имевших постоянный персонал из белых американцев. Эти китобойные станции комплектовали команды своих вельботов из эскимосов. Эскимосы мыса Хоп не могли одни удовлетворить потребность в рабочей силе всех 13 станций. В результате на мыс Хоп на сезон китобойного промысла стали переселяться эскимосы из соседних районов Аляски — с берегов залива Коцебу (кигиртаругмиут), с рек Ноатак и Кобук (ноатакмиут и кобукмиут) и других мест. Цель у всех переселенцев была одна — работа на китобойных станциях. Это означало, что все они отказывались на лето от ведения своего собственного охотничьего промысла — морского или сухопутного.

Сезонники образовали примерно в 10—11 км от Тигары большое летнее селение, получившее у китобоев название Джаббертаун — дословно «город бормотанья», потому что в нем говорили на многих эскимосских диалектах. Здесь же месяцами жили матросы с китобойных судов — люди разных национальностей, говорившие на разных языках.

Совместная работа на китобойных станциях и жизнь в Джаббертауне вели к стиранию этнических и языковых различий между эскимосами различных племен Северо-Западной Аляски, к превращению их просто в эскимосов Аляски без дальнейших подразделений. Жизнь же и работа с американскими китобоями знакомила эскимосов с американским образом жизни в худшем смысле этого слова — правом сильного, пьянками,

⁶⁰ М. Healy. Report of the Cruise of the Revenue Marine Steamer «Corwin» in the Arctic Ocean in the year 1884, Washington, 1889.

драками, преступлениями, несоответствием между словами и делами людей христианского мира. Это общение оказывало отрицательное влияние на моральный облик эскимосов Северо-Западной Аляски.

Вместе с тем при совместной работе на китобойных станциях эскимосы неизбежно должны были усваивать какую-то сумму навыков обращения с европейскими орудиями труда, а также европейские обычаи, что в дальнейшем должно было хотя бы в небольшой мере подготовить их к участию в экономической и социальной жизни Аляски в XX в. На наш взгляд, период китобойного промысла стал первым, но важным этапом в складывании эскимосского национального меньшинства американской нации.

В американизации эскимосов мыса Хоп и вообще Северо-Западной Аляски известную роль сыграли также беглые матросы. В конце XIX в. в связи с открытием золота на Аляске еще более участились и до того нередкие случаи дезертирства с китобойных судов. Те, кто покидал суда осенью, обычно проводили зиму в эскимосских селениях, прежде чем весной отправиться на поиски золота. Они жили не отдельно, а в семьях эскимосов, передавая им свои обычаи, знания, навыки. К сожалению, этот интересный процесс отмечен в литературе лишь в общей форме, но не исследован конкретно. Дезертирство с судов имело и другую сторону, а именно: порождало потребность в периодическом пополнении команд местными жителями — эскимосами.

Существование китобойных станций и торговля с китобоями привели и к изменению социальных отношений на мысе Хоп. Влияние человека в общине стало измеряться количеством имевшихся у него европейских товаров, его умением торговать с китобоями. Эскимосы мыса до сих пор помнят об одном из таких людей — Ат-тунгоруке, который в конце 80-х годов XIX в. был самым богатым в деревне и в торговле выступал в качестве посредника между своими односельчанами и китобоями. Он подчинял своей воле односельчан, пользуясь, по выражению Дж. Ван-Стоуна, диктаторской властью над ними⁶¹. Такие отношения господства и подчинения были новым явлением, отсутствовавшим в традиционном

⁶¹ J. Van Stone. The Autobiography of an Alaskan Eskimo. «Arctic», 1957, v. 10, N 4, p.196.

эскимосском обществе. В 1889 г. Аттунгорука убили за то, что он стал насильно отнимать жен у своих односельчан.

На рубеже XIX и XX вв. начался упадок китобойного промысла у берегов Аляски, и в жизни эскимосов мыса Хоп наступил новый этап, связанный с товарной пушной охотой и попытками развития оленеводства.

Третьим центром контактов китобоев с эскимосами был мыс Барроу. Он был открыт в 1826 г. английским капитаном Ф. Бичи во время исследовательского плавания на судне «Блоссом». На берег высадился один из офицеров судна — Элсон. Он посетил селение нувунгмиутов, как называли себя жители оконечности мыса Барроу. Для них это была первая встреча с белыми. Элсон видел у местных жителей табак и некоторые изделия русского производства, например медные котлы. Их получали из Сибири через посредство эскимосов Диомидовых островов. В августе 1837 г. Томас Симпсон, находившийся на службе у Компании Гудзонова залива, плывя на эскимосском умياке, достиг мыса Барроу с востока — со стороны р. Макензи. Он пробыл на этом мысе три дня. Т. Симпсон обнаружил у эскимосов небольшое количество русских товаров (в частности, длинные ножи), проникших к ним предположительно в конце XVII — начале XIX в. через посредство сибирских, а также западноаляскинских эскимосов. Ружей у эскимосов мыса Барроу в то время еще не было. Т. Симпсон установил с ними дружеские отношения и немного торговал с ними, в чем ему помогло знание эскимосского языка.

В 1849 г. на мысе Барроу провела два дня группа моряков с английского судна «Пlover», искавшего пропавшую в 1847 г. экспедицию Дж. Франклина. Члены этой группы торговали с эскимосами. Ее руководители — Пуллен и Хупер видели у старейшины эскимосской общины старый английский мушкет. В 1852/53 и 1853/54 гг. «Пlover» зимовал у мыса Барроу. Именно в эти две зимы местные эскимосы впервые близко познакомились с белыми.

В результате многочисленных связей матросов «Пловера» с местными женщинами на мысе Барроу появились первые метисы ⁶².

⁶² J. Murdoch. Указ. соч., стр. 51—52, 193.

С лета 1854 г. мыс Барроу начали ежегодно посещать многие китобойные суда, а с 1880-х годов часть китобойцев стала здесь зимовать.

В 1884 г. на мысе была основана крупнейшая в Арктической Аляске китобойная станция, а в 1881—1883 гг. здесь жили члены американской экспедиции по исследованию земного магнетизма. В ее составе были П. Рей, Дж. Мердох и ряд других исследователей. Экспедиция собрала обширные коллекции эскимосских вещей. Все они были получены путем меновой торговли.

Каково же было влияние всех этих контактов на эскимосов мыса Барроу и прилежащего района?

В середине XIX в. здесь проживало несколько территориальных групп эскимосов, каждая в своем селении, а именно: нувунгмиуты на оконечности мыса Барроу, уткеавингмиуты на мысе Смит, там, где находится современный поселок Барроу, кугмиут в устье р. Кук у залива Вейнрайт, кайааксеревингмиут у Айси-Кейп.

В 1852—1853 гг., по подсчетам Дж. Симпсона, в селении нувунгмиутов — Нувук было 54 дома с 309 жителями. Дж. Симпсон отмечает, что в предыдущем 1851 г. в этом селении от гриппа (очевидно, занесенного каким-либо из предшествующих судов.— Л. Ф.) умерло 40 человек, а зимой 1853/54 г. 27 человек умерло от голода. В 1853 г. из-за нехватки топлива 6 домов селения были покинуты и все разместились в остальных 48⁶³. Дж. Симпсон не пишет о причинах нехватки топлива, но думается, что она возникла в результате зимовки «Пловера», во время которой были в значительной мере истощены запасы плавника, имевшиеся вблизи селения Нувук.

Следующий подсчет численности жителей этого селения был произведен зимой 1882/83 г. П. Реем. К тому времени в селении в результате большой смертности от занесенных моряками болезней оставалось только 150 жителей⁶⁴.

В селении уткеавингмиутов в 1852—1853 гг. было 40 домохозяйств и 250 жителей, а к зиме 1882/83 г.

⁶³ J. Simpson. Observations on the Western Eskimo and the country they inhabit. London, 1855, p. 237.

⁶⁴ P. Ray. Ethnographic sketch of the natives. Report of the Polar Intern. Expedition to Point Barrow. Alaska, Washington, 1885, p. 38.

Осталось 23 домохозяйства и 130 жителей⁶⁵. Уменьшение произошло опять-таки за счет большой смертности от занесенных моряками болезней, от голода, а также от снижения рождаемости в результате распространения среди эскимосских женщин проституции и венерических болезней. Так, в селении уткеавингмиутов с 1881 по 1883 г. умерло 15 человек, а родилось только двое⁶⁶.

Кугмиутов в 1852—1853 гг. было 10 семей (80 человек). Численность же кайааксеревингмиутов на Айси-Кейп остается неизвестной, но, по сообщениям информаторов Р. Спенсера, она была невелика⁶⁷. В середине XIX в. их селение было одним из центров эскимосской охоты на китов на севере Аляски.

Превращение мыса Барроу в место зимовок американских китобоев и открытие китобойной станции привели к тому, что эскимосы стали покидать свои прежние селения и концентрироваться вблизи мест стоянки китобойных судов, вблизи китобойной станции.

Так, в конце XIX в. на месте селения уткеавингмиутов появилась деревня Барроу. В конце 1880-х годов сюда переселились жители Айси-Кейп, несколько позже оставили свое прежнее селение также нувунгмиуты и жители нескольких мелких эскимосских стойбищ, расположенных к востоку от мыса Барроу.

С 1890-х годов началось переселение на арктическое побережье Аляски и особенно на мыс Барроу нунамиутов из внутренних районов Аляски. Переселение было вызвано несколькими причинами. Во-первых, голодом из-за уменьшения числа карибу, которое в свою очередь было следствием хищнического отстрела их во время зимовок китобойных судов. Во-вторых, стремлением непосредственно приобретать у белых европейские товары в обмен на оленьё мясо и меха, а также за работу на китобоев. В основном процесс концентрации в Барроу эскимосов ряда прибрежных селений и нунамиутов из внутренней Аляски закончился к 1905 г., т. е. почти совпал с окончанием китобойного промысла в водах Северной Аляски.

Если в 80-х годах XIX в. на хребте Брукс жило свы-

⁶⁵ J. Simpson. Указ. соч. стр. 237; P. Rey. Указ. соч., стр. 37, 39.

⁶⁶ J. Murdoch. Указ. соч., стр. 39, 43, 54.

⁶⁷ R. Spencer. Указ. соч., стр. 16.

ше 1000 нунамиутов, то к 1905 г. в горах оставалось только 150—200 человек. Остальные или эмигрировали на побережье, или умерли от болезней (грипп, корь и др.), полученных во время торговых поездок на мыс Барроу⁶⁸.

Часть же нунамиутов была в конце XIX и начале XX в. вывезена китобоями в Канаду на остров Хершел и в устье р. Макензи. Зимовавшие здесь моряки нуждались в наемных охотниках, которые снабжали бы их мясом. Местные же эскимосы — кикертармиуты и кугпагмиуты — к тому времени почти вымерли под влиянием занесенных китобоями инфекционных заболеваний, а также алкоголизма — другого дара американской цивилизации. Из приблизительно 2000 человек, живших в низовьях Макензи в середине XIX в., т. е. перед появлением китобоев, к 1912 г. в живых оставалось только 40 коренных уроженцев, а еще около 350 человек, живших здесь в то время, были нунамиутами, вывезенными из Аляски вместе с семьями, собаками и домашним скарбом.

После прекращения в 1907 г. китобойного промысла в районе эти переселенцы (нунамиуты) не вернулись в свои родные места, а остались жить у устья Макензи, слившись с остатками кикертармиутов и кугпагмиутов⁶⁹.

Из тех же нунамиутов, которые переселились на побережье в пределах Аляски, почти все сосредоточились в селении Барроу. Таким образом, в этом селении, где раньше жили только уткеавингмиуты, оказались и нунамиуты, и нувукмиуты, и люди еще из нескольких территориальных групп эскимосов, каждая из которых имела свое самоназвание, свои особенности в языке и культуре. К сожалению, никто не исследовал, как эти отдельные группы эскимосов утратили свои прежние различия и сплелись в одно целое, но, очевидно, этот процесс не мог не произойти. Во всяком случае, известно, что к 1920 г. большое число нунамиутов было ассимилировано эскимосами Барроу⁷⁰. В то же самое время,

⁶⁸ *N. Gubser*. Указ. соч., стр. 52, 53, 55.

⁶⁹ *C. Whittaker*. Arctic Eskimo. London, 1938, p. 230, 231, 239, 241; *V. Stefansson*. The Eskimo and civilization. «The American Museum Journal», 1912, v. XII, N 6, p. 197.

⁷⁰ *N. Gubser*. Указ. соч., стр. 55.

т. е. в конце XIX и начале XX в., имели место как кратковременные, так более или менее длительные связи между американскими и европейскими моряками и служащими китобойных станций, с одной стороны, и эскимосскими женщинами мыса Барроу — с другой. Результатом этих союзов явилось появление среди эскимосского населения мыса большого числа метисов, многие из которых носят европейские имена и фамилии⁷¹.

Таким образом, следствием промышленного китобойного промысла у берегов Северной Аляски стала не только консолидация разных групп эскимосов в одно целое, но и межрасовое смешение эскимосов с европейцами.

Контакты с китобоями повели также к значительным изменениям в материальной культуре эскимосов Северной Аляски и прежде всего — в технике охотничьего промысла. С 1850-х годов эскимосы мыса Барроу стали во все возрастающих размерах пользоваться винтовками вместо гарпунов для морской охоты и луков со стрелами для сухопутной. Огнестрельное оружие и боеприпасы жители Барроу начали получать в значительных количествах с 1854 г., т. е. с начала регулярных посещений мыса американскими китобойными судами. По-видимому, примерно в то же время или лишь немногим ранее местные эскимосы стали приобретать через посредство своих южных и юго-западных соседей — нунамиутов и малемютов — русские гладкоствольные пистонные ружья тульского производства. К 1883 г. у эскимосов мыса были во всеобщем употреблении и ружья, и винтовки. У всех охотников имелись металлические ножи, луком продолжали пользоваться лишь некоторые охотники, слишком бедные, чтобы купить ружье.

В то же время гарпунные ружья с разрывными гранатами, широко применявшиеся американскими китобоями, имелись в начале 80-х годов XIX в. лишь у немногих эскимосских зверобоев с мыса Барроу, так как они и особенно боеприпасы к ним стоили очень дорого⁷². В целом надо сказать, что за последние полтора-два десятилетия XIX в. огнестрельное оружие практиче-

⁷¹ R. Spenser. Указ. соч., стр. 378.

⁷² J. Murdoch. Указ. соч., стр. 53, 150, 193—195. J. Sonnenfeld. Указ. соч., стр. 174, 184.

ски вытеснило у эскимосов этого района традиционные орудия охоты. В результате отказа от традиционной охотничьей техники эскимосы мыса Барроу утратили свою прежнюю экономическую самостоятельность. Их хозяйство из натурального стало товарным, так как, только продавая продукцию своего промысла, они могли получить в обмен охотничье оружие: с конца 1880-х годов начался упадок собственного китобойного промысла у эскимосов мыса Барроу. Им было не под силу конкурировать с китобойными судами в отыскании китов и погоне за ними. И к середине 1890-х годов многие эскимосы этого района, отказавшись от собственного промысла, стали наемными охотниками и гребцами у китобоев⁷³.

Значительно медленнее, чем орудия охоты, менялись другие аспекты материальной культуры (жилища, одежда, пища и т. д.), а также духовная культура. Правда, уже между 1854 и 1871 гг. жители мыса стали делать свои летние палатки не из тюленьих шкур, а из брезента. Появилась у них и европейская одежда. Но за редкими исключениями они ее не надевали, а хранили где-нибудь в углу жилища. В основном неизменными к 80-м годам XIX в. оставались обычаи местных эскимосов, касающиеся общественной жизни общины и правил заключения брака, по-прежнему матрилокального. Невелики были изменения и в языке. В него вошли несколько английских ругательств и восклицаний и несколько полинезийских слов (вахине — женщина, хана-хана — работа и т. п.). В целом же Дж. Мердох был поражен большой устойчивостью самобытной культуры эскимосов мыса Барроу⁷⁴.

Что касается уже упоминавшихся выше нунамиутов, то большие перемены в их жизни происходили в 1890—1905 гг. и были связаны с переселением на побережье и наймом китобоями многих мужчин-нунамиутов для охоты на карибу. Именно в эти годы как в связи с заменой луков винтовками, так и в результате превращения охоты на карибу в товарную отрасль хозяйства она стала вестись индивидуально, а не коллективно, как

⁷³ N. Gubser. Указ. соч., стр. 8.

⁷⁴ J. Murdoch. Указ. соч., стр. 54, 55, 84, 109, 410, 427.

прежде. Последняя коллективная охота на оленей загонном была устроена нунамиутами в 1905 или 1906 гг.⁷⁵

И переселение на побережье, и индивидуализация охотничьего промысла привели к разрушению существовавших до этого у нунамиутов кочевых общин, состоявших в основном из родственников и основывавшихся на первобытно-коллективистских отношениях. И, как отмечает Н. Гебсер, эмигранты, переселившиеся на побережье, хотя и стремились сохранить «свою индивидуальность как нунамиутов», но в то же время они «подражали образу жизни береговых эскимосов»⁷⁶.

С 1890 г. среди эскимосов Северной и Северо-Западной Аляски начали действовать миссионеры. При этом религиозные организации США разделили Аляску между собой на зоны влияния. Мыс Принца Уэльского оказался в зоне конгрегационалистов, мыс Хоп — у епископальной церкви, а мыс Барроу — у пресвитерианской. Стремясь привлечь к себе эскимосов, миссионеры сочетали проповедь христианской религии с медицинской помощью, а также дарили пищу, одежду и т. п. Благодаря этому миссионерам удалось довольно быстро подорвать влияние шаманов и добиться посещения эскимосами церкви и усвоения ими некоторых догм христианского вероучения, например концепций бессмертия души и спасения⁷⁷. На север Аляски проникало (в основном через нунамиутов) также влияние квакеров, действовавших южнее по берегам залива Коцебу и на р. Кобук. Так, по свидетельству В. Стефансона, эскимосы мыса Барроу строго соблюдали в 1909 г. квакерский запрет работать и охотиться в воскресенье. Это отрицательно сказывалось особенно на охоте на китов, которые в те годы редко встречались у берегов мыса. Когда пресвитерианский миссионер попытался убедить свою паству не соблюдать запрет, эскимосы в свою очередь предложили ему попросить бога, чтобы киты не появлялись по воскресеньям⁷⁸. Запрет работать в воскресенье квакеры энергично проводили в жизнь и в позднейшие

⁷⁵ N. Gubser. Указ. соч., стр. 55.

⁷⁶ Там же, стр. 20.

⁷⁷ J. Van Stone. Some Aspects of Religious Change among Native Inhabitants in West Alaska and in the Northwest Territories. «Arctic Anthropology», 1964, v. 2, N 2, p. 23.

⁷⁸ N. Gubser. Указ. соч., стр. 17.

годы. К. Расмуссен писал, что миссионеры запретили эскимосам, жившим по берегам залива Коцебу, ловить рыбу во вторую половину дня в субботу и в воскресенье. В результате соблюдения этого запрета местные жители в период пребывания у них Расмуссена, совпавший со временем хода лосося, каждое воскресенье теряли 100—200 рыб. Кроме того, квакеры запретили своей пастве петь эскимосские песни, устраивать празднества, играть в футбол и т. п.⁷⁹

Разделение Аляски на зоны влияния разных религиозных сект не способствовало сплочению отдельных групп эскимосов в единое целое. Но, насколько можно судить по имеющимся в литературе данным, в конце XIX и начале XX в. влияние миссионеров на жизнь эскимосов Северной Аляски было не очень велико.

Что же касается влияния государства, то, как известно, после покупки у России Аляски США установили на ней военное управление, существовавшее до 1884 г., когда власть была передана гражданским чиновникам. Но в XIX в. все это фактически касалось лишь Южной Аляски. На севере же деятельность государства ограничивалась ежегодной посылкой одного военного судна, патрулировавшего в водах Берингова пролива и у арктического побережья полуострова. Оно должно было охранять интересы американского китобойного промысла, а также препятствовать продаже эскимосам спиртных напитков. Но последний запрет легко был обойден китобоями, которые в конце 1880-х годов научили эскимосов гнать самогон и продавали им на законном основании продукты для его изготовления.

Таким образом, в течение всей второй половины XIX в. и первых годов XX в. китобои оставались основной и решающей внешней силой, воздействию которой подвергалось эскимосское общество.

В начале XX в. начался упадок китобойного промысла у северных берегов Аляски. Он был вызван резким падением цен на китовый ус в связи с тем, что были найдены его заменители, и заметным сокращением числа китов в этом районе в результате более чем полувека нерегулируемой охоты. Цена на китовый ус падает с 4 долл. 90 центов в 1905 г. до 2 долл. в 1908 г.

⁷⁹ К. Rasmussen. The Alaskan Eskimos. Copenhagen, 1957, p. 53, 54.

Владельцы китобойных судов начинают во все большей степени сочетать китобойный промысел с торговлей. Уже раньше, в конце XIX в., большинство китобойных судов привозило различные товары (наиболее ходовые из них упоминались выше), которые выменивались не только на китовый ус, но и на меховую одежду и свежее мясо для команд. Теперь же судовладельцы приобретают постоянных покупателей среди эскимосов и начинают завозить по их предварительным заявкам китобойные снасти, большие медные котлы и другие изделия, не входившие в обычный набор товаров для торговли, имевшихся на китобойцах. Но даже сочетание промысла с торговлей уже не возмещало больших расходов на организацию плавания. И число судов, отправлявшихся на промысел к берегам Аляски, падало с каждым годом. В 1908 г. их было восемь, в 1910 г. — только шесть. Более успешно в те годы действовали китобойные станции, содержание которых обходилось дешевле, чем китобойных судов. Они также сочетали торговлю, для которой использовали маленькие шхуны, с промыслом китов. Для него нанимали местных эскимосов. В 1910 г. на Аляске продолжали свои операции китобойные станции в Пойнт-Хоп, Кейп-Лисбурн, Айси-Кейп и Пойнт-Барроу. Но в 1915 г. после очередного падения цен на китовый ус и они прекратили свою деятельность. 1916 г. был последним годом, когда китобойное судно промышляло у берегов Аляски⁸⁰.

Кроме вымирания эпоха китобойного промысла привела к значительной концентрации оставшегося в живых эскимосского населения. В результате, например, на арктическом побережье Аляски — от мыса Барроу до границы с Канадой — вне поселка Барроу в 1906 г. жили только две-три семьи, его же население достигало 300—400 человек⁸¹. Тот же процесс имел место и на западе Аляски, где эскимосы покинули многие мелкие стойбища и сосредоточились на мысе Принца Уэльского, мысе Хоп, мысе Лей и в Вейнрайт, служивших базами для американских китобоев или центрами их торговли с коренным населением. Эта концентрация населения привела к значительной этнической консолидации эскимосов Аляски.

⁸⁰ J. Van Stone. Commercial Whaling, p. 10.

⁸¹ E. Leffingwell. The Canning River Region. Northern Alaska. Washington, 1919.

В тот же период, как уже отмечалось, в результате промысла американских китобоев и зверобоев значительно уменьшились запасы китов и моржей в водах Аляски, а потребность в обеспечении мясом команд китобойных судов привела к резкому сокращению числа карибу.

Это сокращение численности традиционных объектов охоты эскимосов вместе с возросшей потребностью в фабричных товарах явились важными факторами, подготовившими превращение эскимосов в специализированных охотников за пушниной, их дальнейшее втягивание в капиталистическое общество США в качестве своеобразной группы населения, в которой длительное время подавляющее большинство мужчин имело профессию траппера.

ПОДЪЕМ И КРАХ ЭСКИМОССКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА

Итак, на рубеже XX в. основы натурального хозяйства эскимосов Аляски оказались подорванными вследствие сокращения количества морского зверя и оленей. В результате большинство общин к северу от Берингова пролива, а также некоторые общины к югу от него оказались под угрозой голода, и тогда, говоря словами Д. Дженнесса, «эскимосы встали на путь, с которого не было возврата: они связали себя с денежной экономикой белого человека и искали любое занятие, которое приносило бы деньги для покупки муки и чая, шерстяной одежды, брезентовых палаток и других предметов цивилизации, которые становились необходимыми»⁸². Не многим эскимосам с берегов Бристольского залива удавалось наниматься на местные рыбные промыслы. Подавляющее число рабочих этих промыслов составляли организованные белые рабочие из США, завербованные по соглашению с соответствующими профсоюзами. Последние были против найма неорганизованных местных рабочих, очевидно, прежде всего потому, что это могло снизить уровень заработной платы. Еще небольшое число эскимосов Южной Аляски подвизалось на различ-

⁸² D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska. p. 11.

ных временных неквалифицированных работах в порту Св. Михаила или на судах, ходивших по Юкону. Основная же масса эскимосов, по оценке Д. Дженнесса не менее 75%, обратилась к трапперству — промыслу пушного зверя (песцов, лис, а в низовьях Кускоквима — мускусных крыс) посредством капканов и других ловушек, так как цены на меха в то время были довольно высоки, а спрос велик.

В переходный период в конце XIX — начале XX в., когда одновременно с разрушением натурального хозяйства шел к упадку и подорвавший его китобойный промысел, а эскимосы искали новых занятий и источников средств к существованию, в жизни Аляски произошли два события — начало развиваться оленеводство и вспыхнула золотая лихорадка.

Оленеводство, введенное на Аляске по инициативе Шелдона Джексона, в прошлом пресвитерианского миссионера, а с 1884 г. правительственного чиновника, руководителя Бюро просвещения на Аляске, было попыткой целенаправленной перестройки экономики и всей жизни эскимосов. К чести Ш. Джексона надо сказать, что, хотя он и был в прошлом миссионером, подъем уровня жизни эскимосов он считал более важным, чем их духовное усовершенствование. «Мало пользы основывать школы среди голодающих людей», — писал Джексон в одном из отчетов о деятельности Бюро просвещения на Аляске⁸³.

Как подчеркивает Д. Дженнесс, Ш. Джексон был сторонником скорейшей ассимиляции эскимосов. Развитие оленеводства было в его представлении не только экономическим планом, призванным удовлетворить насущные нужды эскимосов в пище и одежде. Прежде всего оно, по идее Джексона, должно было стать важным инструментом для перестройки всей эскимосской культуры, для ликвидации у них старых коллективистических норм и понятий, для развития частной собственности, индивидуальной предприимчивости, «духа лидерства» у отдельных лиц и других норм американского общества. Иными словами, оленеводство должно было послужить экономическим рычагом для превращения эскимосов в граждан капиталистического общества

⁸³ С. Lomen. Fifty years in Alaska. N. Y., 1954, p. 29.

США, для исчезновения их как отдельной этнической и хозяйственно-культурной группы. Первоначально Шелдон Джексон обратился к конгрессу США с просьбой ассигновать деньги на покупку оленей в Сибири. Свое обращение он мотивировал необходимостью ввести на Аляске оленеводство, чтобы предотвратить экономический и социальный кризис, угрожавший самому существованию эскимосов. Однако конгресс ответил отказом.

Тогда Джексон начал сбор пожертвований среди американской общественности, и на полученные деньги в 1891 г. были куплены и привезены на Аляску, на полуостров Сьюард 16 оленей, а в 1892 г. — еще 171. После этого конгресс под давлением общественного мнения проголосовал за субсидии на развитие оленеводства, и к 1902 г., последнему году импорта оленей из Сибири, на Аляску было ввезено около 1280 животных. Бюро просвещения также завербовало в Норвегии и привезло в 1894 г. на Аляску небольшую группу пастухов-лопарей для обучения эскимосов навыкам оленеводства.

Олени передавались эскимосам взаимобразно стадами по 100 голов. Через 5 лет человек, получивший стадо, обязан был вернуть его государству в прежнем размере, а весь приплод мог оставить себе. В последние годы XIX в. интерес правительства США к развитию оленеводства на Аляске резко возрос в связи с притоком сюда большого количества золотоискателей, что увеличило спрос на оленьё мясо, а также мех для одежды. В 1897—1898 гг. на Аляску было привезено еще 133 оленевода из Норвегии в том числе 77 лопарей и членов их семей, но лишь немногие из них стали инструкторами оленеводства, а большинство отправились искать золото. За свою работу инструкторы получали от правительства США и религиозных миссий плату натурой — оленями.

К 1910 г. на Аляске было уже 27 325 оленей. Их стада имелись у эскимосов от мыса Барроу на севере до берегов Бристольского залива и острова Кадьяк на юге. К тому времени эскимосам принадлежал 41% всего поголовья, или около 11 тысяч оленей, правительству США — 23%, миссиям — 22 и лопарям — 14. А в 1914 г. на Аляске было уже 58 872 оленя, из которых эскимосам принадлежало 64% поголовья, лопарям — 17, миссиям —

12 и 7% оставались в руках правительства⁸⁴. Таким образом, в 1914 г. эскимосы владели более чем 37 тысячами оленей. Один олень на Аляске стоил в те годы около 25 долл., следовательно, общая стоимость принадлежавших эскимосам оленей составляла немногим менее миллиона долларов — заметная сумма в пересчете на те 3500 эскимосов, которые в 1910—1914 гг., по оценке Д. Дженнесса, зависели в своей экономике в основном от оленеводства. Кстати сказать, эти люди составляли тогда почти треть всего эскимосского населения Аляски. Кроме того, оленеводство, по-видимому, улучшало в некоторой мере экономическое положение еще нескольких тысяч эскимосов, хотя и не владевших оленями, но связанных с оленеводами родственными или соседскими узами взаимопомощи.

При оценке экономической роли оленеводства для эскимосов в начале XX в. надо иметь в виду, что в то время разведение оленей не только обеспечивало значительную часть коренного населения мясом и шкурами для одежды. Оно давало и некоторый денежный доход, так как вследствие притока золотоискателей на Аляску был большой спрос на мясо и меховую одежду и цены на них были высоки. Нам не удалось найти в литературе данных о денежных доходах эскимосов от оленеводства в годы перед первой мировой войной, но известно, что немного позднее, в 1917 г., когда принадлежавшие эскимосам стада оленей насчитывали около 95 тысяч голов, денежный доход от них составил 91 430 долл.⁸⁵ Это мизерная цифра, если принять во внимание, что оленеводством тогда занималось несколько тысяч коренных жителей Аляски. Но надо учесть, что в первые десять — двенадцать лет нашего века, пока не схлынула волна золотоискателей, возможности реализации продукции оленеводства были лучше и цены на нее были более благоприятны, чем в 1917 г. Кроме того, как уже говорилось, оленеводство давало эскимосам значительное количество мяса и шкур для одежды.

В последующие полтора-два десятилетия численность

⁸⁴ D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska, p. 14, 35; M. Lantis. The Reindeer industry in Alaska. «Arctic», 1950, v. 3, N 1, p. 30; она же. Eskimo herdsman introduction of reindeer herding to the natives of Alaska. «Human problems in technological change». N. Y., 1965, p. 127—148.

⁸⁵ D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska, p. 35.

оленьих стад, находившихся во владении эскимосов, продолжала увеличиваться и достигла в 1932 г. 374,2 тысячи голов⁸⁶. В то время примерно 2500 эскимосов Аляски владели стадами оленей. Некоторые из стад принадлежали не отдельным лицам, а эскимосским оленеводческим кооперативам. Например, в 1926 г. такой кооператив образовался в Тигаре. В него вошли все местные оленеводы. Принадлежавшее им объединенное стадо насчитывало в 1926 г. 4100 голов, а в 1932 г. — свыше 6000⁸⁷. К сожалению, Дж. Ван-Стоун не пишет ни о том, сколько эскимосов объединилось в этом кооперативе, ни о том, как распределялись между ними мясо и шкуры, полученные от забоя оленей. Не освещены также в американской литературе и такие вопросы эскимосского оленеводства на Аляске, как имущественное расслоение оленеводов, применение наемного труда соплеменников, степень сохранения старых обычаев коллективного потребления пищи в отношении оленьего мяса и т. п. Но как бы то ни было, на рубеже 1930-х годов оленеводство было основным источником мяса и шкур для одежды не только для 2500 владельцев оленей, но еще примерно для 10 500 эскимосов, очевидно, членов семей владельцев оленей, т. е. всего для 13 тысяч человек, или 85% тогдашнего эскимосского населения Аляски⁸⁸. Таким образом, значение оленеводства как источника пищи и зимней одежды для эскимосов Аляски в 1910—1930-х годах было весьма существенным. Но сколько-нибудь важным источником денежных доходов олени для эскимосов были только до первой мировой войны, когда, во-первых, как уже отмечалось, среди пришлого населения Аляски существовал большой спрос на оленье мясо и меховую одежду и, во-вторых, само оленеводство находилось в руках эскимосов.

Как только оленеводство показало, что оно может приносить доход, им заинтересовались американские предприниматели — неэскимосы. Уже в 1898 г. несколько белых американцев предприняли попытки заняться коммерческим оленеводством, рассчитывая реализовать

⁸⁶ *H. Anderson, W. Eels. Указ. соч., стр. 198.*

⁸⁷ *J. Van Stone. Point Hope, p. 26.*

⁸⁸ «*Annual Report of the Governor of Alaska to the Secretary of the Interior for the Fiscal Year Ended*», June, 30, 1930. Washington, 1930, p. 99—100.

оленье мясо в Номе, куда во множестве съехались золотоискатели.

В 1907 г. правительство США издало распоряжение, долженствовавшее защитить оленеводство эскимосов от конкуренции со стороны белых американцев. Согласно ему, запрещалось продавать живых важенок, т. е. самок оленей, «нетуземцам». Однако, когда в 1914—1921 гг. компания К. Ломена из Номы приобрела у лопарей и двух религиозных миссий в общей сложности 8,7 тысячи оленей с обычным процентом важенок и нарушила тем самым вышеуказанное распоряжение, власти США не предприняли никаких мер против нарушителей⁸⁹. Кстати сказать, ни одна из покупок Ломена не была должным образом оформлена в суде. Свой стада компания К. Ломена выпасала на общественных пастбищах на полуострове Сьюард рядом со стадами, которыми владели эскимосы. В течение нескольких лет стада смешались и Ломен захватил чужих оленей. В конце 1920-х годов корпорация Ломена претендовала на совладение любым стадом, в котором оказывалось хотя бы несколько оленей с ее клеймом. Эскимосы-олeneводы обвиняли компанию в краже оленей, но безрезультатно. Этот факт, а также невозможность конкурировать в реализации продукции оленеводства с компанией Ломена, располагавшей и хорошими корралями, и холодильниками, и транспортным флотом, снизили материальные выгоды эскимосов от оленеводства, породили разочарование в этой новой, так и не ставшей для них привычной отрасли хозяйства.

Кроме конкуренции ломеновской и более мелких капиталистических компаний известную роль в упадке эскимосского оленеводства на Аляске в 1930-х годах сыграли и некоторые другие факторы историко-культурного и экологического характера. Эскимосы-олeneводы не хотели покидать побережье моря и круглый год вести уединенную жизнь в тундре в полном отрыве от своих прежних общин. Не хотели они целиком отказываться от промысла морского зверя. В результате владельцы оленей предпочитали так называемый открытый, или вольный, выпас оленей закрытому, т. е. олени бродили

⁸⁹ М. Lantis. The Reindeer industry in Alaska, p. 33—34; С. Lomen. Указ. соч, стр. 87.

без пастухов, где хотели. Их собирали только для забоя. При этой системе значительная часть поголовья терялась, уводилась дикими оленями карибу, гибла от волков и других хищников.

Оценивая значение оленеводства для эскимосов в период между двумя мировыми войнами, надо сказать, что оно укрепляло остатки их прежнего натурального хозяйства, так как, давая мясо для еды и шкуры для одежды, почти не приносило денежных доходов. Система же открытого выпаса требовала сравнительно небольшой затраты труда, оставляя людей свободными для других занятий. Что же касается компании Ломена, то первоначально она процветала, экспортируя в США оленьё мясо. К началу 1930-х годов капитал компании составлял около 5 млн. долл., а количество принадлежавших ей оленей, по утверждению самого Ломена, достигало 250 тысяч. Но по другим данным, оно было значительно больше — до 1 миллиона голов. В 1929 г. у Ломена работало 579 пастухов-эскимосов⁹⁰. Таким образом, от работы по найму у Ломена зависели вместе с членами семей около 2 тысяч человек, или около 15% всех эскимосов Аляски. Однако постепенно компания Ломена стала испытывать все возрастающие трудности в сбыте оленьего мяса. В значительной мере они были связаны с конкуренцией скотоводческих компаний США, которые в конечном счете добились от правительства США запрещения ввоза в некоторые штаты оленьего мяса.

В то же время, особенно начиная с 30-х годов, семья Ломенов, по собственному признанию ее главы, подвергалась все возрастающей критике за ограбление эскимосов, захват у них оленей и пастбищ и тому подобные действия. Резкие критические статьи были опубликованы в январе 1932 г. в ежемесячнике «Индийская Правда» — органе Филадельфийской ассоциации по защите прав индейцев, а также в одной нью-йоркской и одной сиэтлской газетах. В 1933 г. миссионерская газета «Северный крест» напечатала статью, в которой отмечалось, что, когда отдельные потерявшиеся олени Ломена случайно попадали в стадо, принадлежавшее эскимосам, Ломен под предлогом возвращения своих оленей захва-

⁹⁰ Там же, стр. 213, 275, 277.

тывал и чужих. В 1932—1933 гг. министерство внутренних дел США получило более 500 писем от различных общественных организаций США с протестами против ограбления эскимосов компанией Ломена⁹¹. В то же время, несмотря на протесты Ломена, по просьбе эскимосов был произведен раздел эскимосских и ломеновских стад и пастбищ. В этих условиях, а также учитывая, что оленеводство перестало быть выгодным вложением капитала, Ломен добился, чтобы правительство США откупило оленьи стада у него и других белых владельцев. Это предложение он мотивировал, в частности, интересами развития эскимосского оленеводства, которое, здесь кстати это напомнить, он же и подорвал.

В 1939—1940 гг. «Аляскинская туземная служба» — наследница упраздненного еще в 1931 г. Бюро просвещения — выкупила всех сохранившихся оленей, а именно: 82,5 тысячи голов у Ломена и еще у 39 мелких владельцев-неэскимосов, включая лопарей и миссии⁹².

В 1941 г. перед началом войны США с Японией на Аляске насчитывалось около 241 тысячи оленей, из которых эскимосам принадлежала 161 тысяча, включая сюда и часть бывших ломеновских стад; в руках государства было около 44 тысяч оленей, оставшаяся часть принадлежала белым американцам.

Годы второй мировой войны были периодом дальнейшего катастрофического упадка оленеводства и, следовательно, уменьшения его значения в жизни коренного населения. Большой спрос на шкурки новорожденных оленят для меховой одежды военным, расквартированным на Аляске, привел к массовому забою важенков и пыжиков.

С другой стороны, возможность хорошо заработать, нанявшись на строительство оборонных сооружений или на работы по обслуживанию армии, отвлекала эскимосов от оленеводства. При выполнении различного рода военных программ США на Аляске были уничтожены многие оленьи пастбища. Все это вело к резкому снижению числа оленей. Так, например, стадо эскимосской общины на мысе Хоп перед войной насчитывало 4000 оленей, а к концу ее — всего 500. В 1947 г. в нем оста-

⁹¹ С. Lomen. Указ. соч., стр. 219—221, 263—264.

⁹² D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska, p. 37.

валось всего 327 оленей, и эскимосы передали его властям США, так как оно перестало окупать себя. В 1947—1948 гг. на Аляске было 28 стад оленей (7 у правительства, 7 у эскимосских кооперативов и 14 у отдельных эскимосов).

В 1949 г. на Аляске насчитывалось всего около 28 тысяч оленей, из которых около 15 тысяч, сгруппированных в 13 стад, принадлежало отдельным эскимосам, 720 (два стада) — эскимосским кооперативам на острове Святого Лаврентия и в Вейнрайте и 12 тысяч находилось в руках государства. Таким образом, только с 1947 по 1949 г. прекратили свое существование пять эскимосских оленеводческих кооперативов из семи. Их стада были потеряны в результате плохого присмотра, а остатки их переданы отдельным эскимосам или возвращены государству. М. Лантис приводит в своей работе данные о потерях оленей эскимосскими кооперативами и делает вывод, что в условиях США эта форма организации туземного оленеводства оказалась неэффективной. По мнению Д. Дженнесса, в начале 1950-х годов оленеводство было главным источником средств к существованию не более чем для 100 семей, или 400—500 человек⁹³.

В последние годы наблюдался незначительный прирост поголовья оленей, но сколько-нибудь существенных изменений не произошло.

Оценивая в целом значение оленеводства, мы присоединяемся к мнению бывшего губернатора Аляски Э. Грюнинга, полагающего, что оленеводство «спасло тысячи эскимосов от голодной смерти»⁹⁴.

В то же время оленеводство не осуществило тех надежд, которые возлагались на него Ш. Джексоном. Оно не привело к ассимиляции эскимосов и ускоренному развитию у них капиталистических отношений. Такое развитие, может быть, и имело бы место, если бы не конкуренция белых капиталистов, вследствие чего эскимосское оленеводство, едва успев стать товарным, снова на десятилетия — вплоть до второй мировой войны — превратилось почти исключительно в натуральную отрасль хозяйства. Поэтому оно не способствовало изменению ма-

⁹³ M. Lantis. The Reindeer Industry in Alaska, p. 35, 38, 39, 44; J. Van Stone. Point Hope, p. 26—27; D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska, p. 44.

⁹⁴ E. Gruening. The State of Alaska. N. Y., 1954, p. 359.

териальной культуры эскимосов, их ассимиляции в американскую нацию.

Гораздо более кратковременным, но интенсивным было влияние на эскимосов золотой лихорадки в конце XIX — начале XX в. В последние годы прошлого века десятки судов бороздили Юкон, перевозя тысячи золотоискателей. Вслед за юконской лихорадкой в 1900 г. вспыхнула золотая горячка в районе Нома, куда устремился новый поток золотоискателей из США. Старатели поодиночке и группами проникали в самые глухие части Аляски, посещая при этом эскимосские селения, охотясь в местах, которые коренное население искони считало своими. Сами эскимосы редко занимались добычей золота и не селились в лагерях старателей. Но в то же время в поисках заработков они нанимались для перевозки грузов летом на лодках, зимой на собаках, работали дровосеками и водоносами, а также выполняли и более квалифицированные работы по обслуживанию судовых и стационарных двигателей. Если в предшествующий период китобои платили эскимосам за работы товарами, то золотоискатели, не имевшие с собой товаров для обмена, расплачивались деньгами. Поэтому работа на золотоискателей послужила мощным толчком для перехода от обмена товарами к денежной экономике. Переход этот совершился в основном в период с 1896 по 1914 г. Золотая лихорадка способствовала оживлению морского, особенно каботажного, судоходства в Беринговом море, и многие эскимосы составили экипажи моторных шхун, плававших у берегов Аляски.

Эскимосы Уналаклита на деньги, полученные от работы по найму, к 1907 г. построили семь или восемь маленьких шхун и перевозили на них грузы и пассажиров в заливе Нортон и в низовьях Юкона. Эскимосы острова Кинг на лето разбивали лагерь около Нома и работали на разгрузке прибывавших сюда многочисленных судов.

Общение с белыми американцами способствовало в тот же период созданию англо-эскимосского жаргона, своего рода «пиджин инглиш».

Примерно после 1906—1908 гг. на Аляске все сильнее чувствовалось истощение золотых приисков и начался постепенный отток золотоискателей. Это привело к сокращению численности населения. В 1910 г. оно со-

ставляло 64 356 человек, в 1920 г. — 55 036, в 1930 — 59 278 человек⁹⁵. Особенно сократилась численность пришлого населения на западе и севере Аляски, в районах расселения эскимосов. На ее крайнем юге оно было менее заметным в связи с начавшейся в 1906 г. разработкой медных руд в районе р. Коппер.

С окончанием золотой лихорадки возможность для эскимосов получить работу по найму резко уменьшилась, сократились их непосредственные контакты с белыми американцами.

Основным источником получения денежных доходов становится пушной промысел.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕХОДА К ПУШНОЙ ОХОТЕ

Развитие пушного промысла происходило постепенно и, казалось, безболезненно, так как он был лишь одним из специализированных видов охоты — занятия, определявшего всю жизнь эскимосов в течение многих веков. В то же время переход от охоты на моржей, тюленей, карибу в основном для собственного потребления к звероловству нес в себе далеко идущие последствия. На них обратили внимание многие авторы (Уиттакер, Дженнесс, Гебсер и др.). Анализируя все наблюдения по этому вопросу, можно сказать следующее.

Переход к пушному промыслу лишал эскимосов их прежней экономической независимости. Он не оставлял трапперу достаточно времени для мясной охоты и ставил его существование в зависимость от покупки привозных съестных припасов у белого торговца.

Одновременно трапперство разрушало традиционное эскимосское общество с его коллективизмом в добыче средств существования и потреблении их, с тесными отношениями сотрудничества и взаимопомощи, с обычаями совместной жизни в зимних селениях.

Если охота на кита, моржа, оленя карибу была в прошлом — до широкого распространения огнестрельного оружия — коллективным занятием, то пушного зверя

⁹⁵ B. Wattenberg. This USA. An unexpected family portrait of 194 067 296 americans drawn from the Census. N. Y., 1965, p. 397.

могли совместно промыслять в лучшем случае две семьи, чаще же каждая семья на промысле была вынуждена жить отдельно от других.

Так, сезон пушного промысла, длящийся почти полгода — с ноября до начала апреля, — превратился для эскимосов из периода наиболее интенсивной в году общинной жизни с совместными празднествами и плясками в кажиме, с визитами в соседние стойбища и приемом гостей в период изоляции и одиночества в маленьких деревянных хижинах, расположенных на расстоянии одного или даже нескольких дней пути одна от другой. В прошлом именно зима была временем сплочения общины и укрепления связей между ее членами, теперь она стала временем расчленения общины. Малые семьи большую часть года жили порознь и в поддержании своего существования стали зависеть не от взаимных связей, а от собственных усилий каждой семьи, от ее связей с торговцем. В результате первобытная община эскимосов стала быстро разлагаться. Кроме того, изоляция от соплеменников, на которую оказались обречены трапперы, зависимость от малопонятного им мира белых подрывали веру эскимосов в собственные силы, отрицательно влияли на их психику. Думается, что этот фактор сыграл немалую роль в дальнейшем развитии алкоголизма у эскимосов. Алкоголь стал для них средством снятия чрезмерного психического напряжения, пришедшим на смену служившим той же цели празднествам и другим увеселениям в кажимах.

Эти новые явления вместе с нарушением выработанного веками рациона питания, простого, но отвечавшего условиям жизни эскимосов, привели к ухудшению их здоровья, снизили сопротивляемость инфекционным заболеваниям.

Переход к трапперству ускорил европеизацию материальной культуры. Вспоминая о своем пребывании у эскимосов Северной Аляски в 1913 г., Дженнесс писал, что эскимосы мыса Барроу и других поселений этого района покупали у торговцев кроме ружей, приобретавшихся в больших количествах и раньше, также капканы — основное орудие пушной охоты, примуса, керосиновые лампы, свитера и т. д. Даже свои традиционные средства передвижения — каяки и сани — эскимосы все реже делали сами. Вместо этого они приобрета-

ли у торговцев лодки и сани, изготовленные на предприятиях США. Большое место в питании семей трапперов заняли мука, различные консервы, сушеный картофель, чай, сахар. Покупка большого числа промышленных и продовольственных товаров стала в начале второго десятилетия XX в. необходимостью для эскимосов Северной Аляски⁹⁶.

Итак, на севере и западе Аляски пушной промысел интенсивно развивался с конца первого десятилетия XX в. Здесь скупщик пушнины пришел на смену китобою. А южнее среди эскимосов, живших на Юконе и к югу от него и не связанных с китобойным промыслом, трапперство развилось уже в конце XIX в. И. Петров, проводивший перепись населения Аляски, отмечал, что к началу 80-х годов XIX в. эскимосы, жившие в низовьях Юкона и к югу от него, выменивали все добытые меха на муку, чай, сахар, объем отправки которых в район Юкона возрастал с каждым годом. Так, например, в 1880 г. действовавшие на Юконе американские торговые компании из Сан-Франциско продали эскимосам 150 тыс. фунтов муки, 10 ящиков чая по 52 фунта каждый, 150 бочек коричневого и 50 бочек белого сахара общей стоимостью (очевидно, по ценам в Сан-Франциско.— Л. Ф.) в 20 тыс. долл.

В обмен на эти товары было получено 27 356 шкурок общей стоимостью в 75—80 тыс. долл.⁹⁷ Из сравнения этих оценок стоимости, приведенных в работе И. Петрова, видно, что торговля с эскимосами была для американских купцов весьма выгодной, давая даже при больших накладных расходах несколько сот процентов прибыли в год.

Из 10-й переписи населения США следует, что в районе Юкона (Южный отдел переписи) жило в 1880 г. 4276 эскимосов, 8 белых и 16 креолов⁹⁸.

Таким образом, в денежном выражении объем проданной пушнины и полученных взамен европейских товаров был невелик в пересчете на одного человека. Но тем не менее пушной промысел явно занимал немалую

⁹⁶ D. Jenness. Dawn in Arctic Alaska. Minneapolis, 1957.

⁹⁷ I. Petroff. Geographical and Ethnographical Notes on Alaska, Washington, 1891, p. 5, 12, 14.

⁹⁸ H. Anderson, W. Eels. Указ. соч., стр. 31.

долю «рабочего времени» мужчин. Ведь из четырех тысяч эскимосов-мужчин охотников вряд ли было многим более тысячи. Следовательно, в год каждый из них добывал в среднем 25 шкурок. Продажа этих шкурок была основным источником получения европейских пищевых продуктов. То, что на каждого эскимоса Юкона, включая маленьких детей, приходилось в год почти по 40 фунтов, или 16 кг муки, свидетельствует о заметной роли покупных продуктов в их пищевом режиме в 70 — 80-х годах XIX в. В районе же бывшего китобойного промысла трапперство, как уже говорилось, стало для эскимосов главным источником денежных доходов в конце первого десятилетия XX в. Основным объектом промысла был песец. Цены на него на мировом рынке были довольно высоки. Но с самого начала эскимосы попали в зависимость от белых торговцев, которые, фактически монополизировав скупку пушнины у коренного населения, приобретали ее за бесценок. Бюро просвещения на Аляске — орган, в ведении которого находилось ее коренное население, пыталось бороться с обкрадыванием эскимосов торговцами. С этой целью оно стало выступать в роли торгового посредника, организовав отправку шкурок по почте непосредственно из эскимосских селений в Сиэтл, где находилась штаб-квартира этого бюро. В одном из годовых отчетов директора бюро отмечалось, что посредством продажи по почте эскимос-траппер получал 8,5 долл. за шкурку, за которую торговец давал всего лишь 50 центов.

Работники Бюро просвещения возлагали большие надежды на торговлю по почте, считая ее важным средством для улучшения положения эскимосов. Так, директор Бюро просвещения на Аляске писал в отчете за 1910 — 1911 гг., что взятие торговли в руки Бюро, пересылка мехов по почте приведут к тому, что эскимосы обретут экономическую независимость и поселятся в хороших домах. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Как отмечает Д. Дженнесс, вскоре эта политика Бюро просвещения подверглась резкой критике в печати и в конгрессе США, как ущемление частной инициативы и свободы предпринимательства. Более того, альтруистическая политика Бюро просвещения была заклеймлена в печати США как колониализм по отношению к эскимосам. Это был далеко не последний

конфликт между работниками Бюро просвещения, а позднее сменившей его «Аляскинской службы по делам туземцев» и интересами торгового капитала США. И, как правило, те, кто боролся за существенное улучшение положения коренного населения, терпели поражение.

В 20-х годах нашего века эскимосы-охотники находились в экономической кабале у торговцев. Г. Андерсон и В. Илз, авторы обширного исследования «Туземцы Аляски», несмотря на свою ясно выраженную склонность идеализировать положение коренного населения и политику США по отношению к нему, не смогли не отметить, что торговцы посредством кредитования закабаляют эскимосов-охотников, так что последние перестают быть свободными участниками экономических сделок. «Их старые долги съедают всю добычу пушнины за сезон охоты, и охотники продолжают быть должными больше, чем они смогут когда-нибудь выплатить. Многие эскимосы находятся в экономическом пенеже у торговцев»⁹⁹.

В 1920 г. «Аляскинская служба по делам туземцев» сделала еще одну попытку освободить своих подопечных от ограбления и закабаления торговцами, связанными, как правило, с крупными мехоторговыми фирмами США. В этом году были созданы эскимосские сбытовые кооперативы. Хотя они были организованы по инициативе государства, но его поддержку они не получили. По наблюдениям тех же Г. Андерсона и В. Илза, к 1930 г. эти кооперативы имели недостаточный капитал, плохо управлялись и не были способны конкурировать с белыми торговцами. Не изменилось это положение и в последующие годы. В 1950 г. у эскимосов Аляски было 33 сбытовых кооператива, но они так и не смогли освободить охотников от власти белых торговцев. Последние душили не только кооперативы, но и мелкие частные лавки, основывавшиеся отдельными эскимосами. В 1930 г. лишь один из эскимосских торговцев успешно конкурировал с белыми¹⁰⁰. В результате у эскимосов Аляски к этому времени почти не было своей буржуазии.

⁹⁹ H. Anderson and W. Eels. Указ. соч., стр. 199, 201.

¹⁰⁰ Там же, стр. 202; D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska, p. 34.

Подводя итоги своему исследованию положения эскимосов Аляски на 1930 г., Андерсон и Илз писали, что «политика правительства в отношении экономики эскимосов и алеутов была нерешительной... в большинстве случаев она допускала свободную конкуренцию между белыми и эскимосами». Между тем «доход эскимосов слишком мал, чтобы делить его с белыми торговцами, и несправедливо позволять торговцам жить за счет экономической продукции аборигенов. Алеуты и эскимосы не обретут экономической независимости, пока само их существование зависит от местного белого торговца»¹⁰¹.

Другим существенным фактором, из десятилетия в десятилетие ухудшавшим положение охотников, был систематически возрастающий разрыв между ценами на пушнину и продукты питания. Цены на продовольственные товары росли быстрее, чем цены на пушнину. Так, в 1914 г. в Коцебу и Барроу охотник получал за шкурку песца в среднем 15 долл., а за 50-фунтовый мешок муки, ставшей основным продуктом питания траппера, платил 1 долл. или 1 долл. 30 центов. А в 1960 г. такая же шкурка стоила 35 долл., а мешок муки от 9 долл. до 9 долл. 50 центов.

Третьим фактором, не позволявшим охотничьему промыслу стать сколько-нибудь надежным источником средств существования для эскимосов Аляски, были резкие скачки цен на меха. В 1929 — 1931 гг., очевидно, в связи с экономическим кризисом 1929 г. цены на меха резко упали, спрос на них стал меньше предложения. Согласно данным Р. Спенсера, шкурка песца в 1931 г. стоила в Барроу не более 5 долл., и спрос на меха сократился. В результате после 1930 г. в Барроу большинство эскимосов отказалось от промысла пушнины и, лишенное каких-либо источников денежных доходов, пыталось возродить свое прежнее натуральное хозяйство, охотясь на моржей, тюленей, остатки стад карибу, уцелевших от истребления в годы китобойного промысла. Одновременно возрождались и старые нормы общинной взаимопомощи — коллективного раздела добычи и т. п. Вновь появились и некоторые традиционные элементы материальной культуры. Так, из-за отсутствия денег на покупку керосина некоторые жилища

¹⁰¹ H. Anderson and W. Eels. Указ. соч., стр. 210—211.

вновь стали отапливаться жировыми лампами. Этот период экономической изоляции и депрессии длился в Барроу более десятилетия¹⁰². К сожалению, нам не удалось найти в литературе других данных о влиянии мирового экономического кризиса 1929 г. на положение эскимосов Аляски, но, вероятнее всего, эскимосы-трапперы других районов Аляски испытывали такие же трудности, как и эскимосы Барроу.

В целом первые четыре десятилетия XX в. были периодом дальнейшего экономического и культурного обнищания эскимосов Аляски. Ослабились в эти годы и процессы этнической консолидации эскимосов и их метисации, интенсивно шедшие в конце прошлого века. Мрачную, но справедливую оценку положения эскимосов Аляски за эти четыре десятилетия дает Д. Дженнесс. Он пишет: «Такие занятия, как рыболовство и охота на морских животных, трапперство, оленеводство, кустарные промыслы и случайная работа по найму, помогли удержать призрак голода за дверьми эскимосских хижин, но все они лишь позволяли людям выжить. Эти занятия не давали возможности ни улучшить питание, ни построить такие удобные дома, как у белых жителей Аляски, ни получать материальные и социальные блага, которыми пользовались белые. Контакт с белыми увеличил число потребностей и желаний эскимосов, но не дал достаточных средств для удовлетворения их. Между условиями жизни эскимосов и белых на Аляске зияет широкая пропасть. Белые образованнее, здоровее и теснее связаны с внешним миром, чем эскимосы. Чтобы достичь равенства с ними, эскимосам нужна гораздо более сильная экономика. Но никакой надежной основы или основ для такой экономики не было видно»¹⁰³.

ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ В ЖИЗНИ ЭСКИМОСОВ АЛЯСКИ

Вторая мировая война положила начало новому этапу в жизни эскимосов Аляски. Здесь были размещены многие части и соединения армии США. Численность воен-

¹⁰² R. Spencer. Указ. соч., стр. 361—362.

¹⁰³ D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska, p. 38.

нослужащих в годы войны достигла на Аляске 150 тыс. человек, что было вдвое больше населения этой территории, коренного и пришлого в 1940 г.¹⁰⁴

На Аляске велось также большое военное строительство различного рода укреплений, военно-морских баз, аэродромов и т. п. Некоторое представление об объеме этого строительства дает сумма затрат на него, составившая за 1941—1945 гг. 1 млрд. долл.

Колоссальный по аляскинским масштабам приток пришлого населения, подобного которому не было со времен золотой лихорадки, и огромный размах строительных работ в районах, долгие годы пребывавших в экономическом упадке и запустении, не могли не оказать существенного влияния на всю жизнь эскимосов.

Как пишет Д. Дженнесс, «с того времени, когда белые впервые начали селиться на побережье, нанимать эскимосов и торговать с ними, у коренных жителей Аляски появилось естественное стремление сосредоточиваться, насколько это возможно, вокруг миссий, школ и торговых факторий. Поэтому, когда военные и связанные с ними учреждения внезапно создали дотоле неслыханные возможности для найма на работу, эскимосы стали неудержимо тянуться к ним, как мотыльки к свече»¹⁰⁵.

В 1931 г. в эскимосских селениях, расположенных к северу от Берингова пролива, жило в среднем по 165 человек, а в селениях к югу от него всего по 80 человек. В 1940 г. из более чем 200 эскимосских селений только 20 имели более 200 жителей и не одно не имело 500¹⁰⁶. С началом войны картина меняется. Особенно быстро росло число жителей в селениях, около которых имелись военные объекты (табл. 2).

Многие эскимосы в эти же годы переселялись на окраины Нома, Фэрбенкса, Анкориджа, где были созданы

¹⁰⁴ В 1940 г. на Аляске жило 72 524 человека, в том числе 500 военнослужащих, все они, за исключением 25 человек, были расквартированы на юго-востоке территории, т. е. вне зоны расселения эскимосов. См.: «Alaska's Population and Economy», v. II, p. 20.

¹⁰⁵ D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska, p. 40—41.

¹⁰⁶ M. Lantis. Present Status of the Alaskan Eskimos. «Science in Alaska. Proceedings of the Second Alaskan Science Conference». Washington, 1957, p. 38—39.

Т а б л и ц а 2

Рост числа жителей четырех эскимосских селений
в 40—60-х годах XX в. *

Населенный пункт	1930 г.	1940 г.	1950 г.	1960 г.
Барроу	330 человек	363 человека	951 человек	1274 человека
Коцебу	291 »	372 »	623 »	854 »
Уналаклит	261 »	329 »	469 »	525 »
Бетел	278 »	376 »	651 »	1000 »

* D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska, p. 41.

крупные военные базы США, на которых можно было найти работу.

На военных работах эскимосы получали равную зарплату с неквалифицированными белыми рабочими. Она значительно превышала тот скудный денежный доход, который давала им в предвоенные годы охота на пушного зверя. И эскимосы бросали свои ловушки, оставляли насиженные места и переселялись поближе к военным базам. По тем же причинам почти пропал у эскимосов в годы войны и интерес к ведению оленеводства. Кроме того, как уже отмечалось, в результате выполнения различных военных программ некоторые принадлежавшие эскимосам стада оленей оказались без пастбищ и погибли. Так, в эти годы лишилось пастбищ и погибло стадо в 5000 голов, которым владели эскимосы, жившие в районе Нома, а стадо, принадлежавшее эскимосскому кооперативу на мысе Хоп, сократилось с 4000 до 500 голов.

В то же время годы войны были временем бурного развития эскимосских кустарных промыслов, продукция которых (всевозможные изделия из меха, сувениры из кости и т. п.) охотно покупались военными. За один 1944 г. эскимосская «Ном Скин Сьюинг Кооператив Асошиейшн» продала армии на 200 тыс. долл. меховых изделий¹⁰⁷. Этот расцвет местных кустарных промыслов был весьма кратковременным: ни до войны, ни после

¹⁰⁷ D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska, p. 40, 46, 47.

нее они не имели большого значения для экономики эскимосов в целом. Достаточно сказать, что уже в 1945 г. эта организация продала меховых изделий только на 35 тыс. долл. Примерно на такую же сумму было продано изделий в 1946 г.¹⁰⁸

В целом годы войны были временем переключения все большей части эскимосов от охоты и оленеводства к работе по найму. Этот процесс, продолжавшийся там, где для этого имелись условия и в послевоенные годы, имел различные и далеко идущие последствия. Близ военных баз и вообще мест, где можно было найти работу, селились эскимосы, пришедшие из многих мест Аляски, исторически принадлежавшие к различным эскимосским племенам. В результате неизбежно происходило стирание прежних языковых и культурных различий между племенами или, как предпочитают писать некоторые авторы, подгруппами эскимосов Аляски. К сожалению, этот интересный процесс этнической консолидации эскимосов, насколько мы знаем, не послужил предметом специальных исследований и о нем отсутствуют какие-либо работы. Но как любезно сообщил нам Дж. Ван-Стоун, по его наблюдениям, к настоящему времени культурные различия между разными подгруппами эскимосов Аляски в основном исчезли; в то же время языковые различия между ними еще заметны. Исчезновение культурных различий между отдельными группами эскимосов Аляски, очевидно, шло не только за счет унификации еще сохранившихся элементов традиционной культуры, но прежде всего за счет американизации материальной культуры эскимосов и их образа жизни. При этом необходимо иметь в виду, что эта американизация материальной культуры, выразившаяся в замене традиционных орудий труда, предметов домашнего обихода и т. п., изготовлявшихся прежде самими эскимосами, соответствующими фабричными изделиями, не означала улучшения условий жизни эскимосов до уровня белых американцев. Взамен своей самобытной культуры эскимосы получили лишь жалкое подобие материальной культуры белых граждан Аляс-

¹⁰⁸ Ch. Hughes. Under four flags; recent culture change among the Eskimos. «Current Anthropology», v. 6, 1965, N 1, p. 34.

ки. Об облике материальной культуры эскимосов Аляски в послевоенные годы дают представление многие работы ¹⁰⁹.

Годы войны привели к значительному изменению морального облика эскимосов, работавших по найму. У эскимосов, живших около военных баз, широкое распространение получило пьянство. Как пишет Д. Дженнесс, мужчины и их сыновья пропивали зарплату в барах, а их жены и дочери занимались проституцией. Их сыновья и дочери арестовывались полицией, так как они нарушали законы белого человека. «И так эти мужественные люди, лишь недавно вышедшие из каменного века, сбивались с пути и погружались в трясину на военных базах Соединенных Штатов, и народ, который в течение пяти тысяч лет побеждал в борьбе за существование суровую Арктику, грозил распасться и превратиться в орду дегенератов» ¹¹⁰.

На наш взгляд, немалую роль в развитии пьянства и в разрушении моральных устоев среди части эскимосов, работавших по найму, сыграло сознание своего неполноправия по сравнению с белыми. С притоком на Аляску в годы войны нового населения из различных штатов США, с увеличением использования эскимосов в качестве рабочей силы на Аляске очередной раз усилилась расовая сегрегация и дискриминация коренного населения. Эскимосов не пускали в рестораны, клубы и многие другие общественные места, посещаемые белыми, в кинотеатрах для белых и эскимосов были отведены места по разные стороны от прохода. Ежедневно подвергавшиеся унижению своего человеческого достоинства эскимосы-рабочие предавались пьянству. Алкоголизм сводил на нет сравнительно высокую зарплату, которую они получали на военных работах, и привел к тому, что за годы войны материальное положение коренного населения Аляски не только не улучшилось, а, напротив, стало более тяжелым.

Кроме того, алкоголизм наряду с плохим питанием, плохим жилищем и т. п. вел к ухудшению здоровья эскимосов и особенно к распространению туберкулеза.

¹⁰⁹ W. Oswalt. *Napaskiak, an Alaskan Eskimo community*. Tucson, 1963, p. 15—17; J. Van Stone and W. Oswalt. *Three Eskimo communities*, p. 25, 35 and others.

¹¹⁰ D. Jenness. *Eskimo Administration I. Alaska*, p. 42.

В этом отношении типичны данные, собранные Ч. Хьюзом о жителях эскимосского селения Гембелл на острове Святого Лаврентия. В этом селении смертность от туберкулеза с 1940 по 1955 г. составляла в среднем 1067 человек на 100 000, а в среднем по США в 1954 г. она была в 100 раз меньше — примерно 10 человек на 100 000 человек¹¹¹. За тот же период 53% жителей селения умерли, не достигнув 20 лет. Для половины из них причиной смерти был туберкулез. После 1940 г. целиком вымерли два эскимосских рода. Забегая немного вперед, надо отметить, что и через 10 лет после окончания войны положение со здоровьем жителей Гембелла оставалось катастрофичным.

В 1955 г. из 300 с небольшим жителей Гембелла 24% были больны туберкулезом. Весной 1954 и 1955 гг. в основное время охоты лишь несколько из 11 вельботов, имевшихся в селении, выходили в море. И на них были не их постоянные команды, а временные, составленные из членов разных родов, что в обычное время не было принято. В других случаях больные люди с высокой температурой отправлялись на охоту, так как боялись остаться без средств к существованию. В этих условиях не удивительно, что одной из главных причин, вызывавших у жителей Гембелла стремление переселиться на материк (см. ниже), была потребность в квалифицированной медицинской помощи. Но было ли много лучше положение на материке Аляски, чем на острове Святого Лаврентия?

По данным группы ученых Питтсбургского университета, которые провели в начале 1950-х годов медицинское обследование коренного населения Аляски, смертность от туберкулеза среди него составляла в 1950 г. в среднем 673 человека на 100 000 человек. Из приложенной к отчету карты видно, что смертность от туберкулеза на Аляске в 1950 г. была особенно высока на севере и западе Аляски, т. е. в районах преобладания эскимосского населения, и резко падала на юго-востоке полуострова, где преобладает белое население. В этом же отчете отмечается, что 40% эскимосских

¹¹¹ Ch. Hughes. An Eskimo village in the modern world. Ithaca. N. Y., 1960, p. 78—80, 82—83.

юношей, привлекаемых для несения военной службы в специальных разведывательных батальонах, признаются негодными из-за плохого здоровья¹¹². В том же отчете констатируется, что в 1950 г. из каждой тысячи эскимосских и индейских детей на Аляске 101 умирали, не дожив до одного года, и что на эскимосов, составляющих около 10% населения Аляски, приходится 90% всей смертности от туберкулеза¹¹³.

И нельзя не согласиться с авторами указанного отчета, что «коренное (эскимосское) население Аляски является жертвами болезней, физических дефектов и преждевременных смертей в степени, превзойденной лишь в очень немногих местах мира»¹¹⁴.

Путь к изменению этого трагического положения авторы отчета видят не в развитии медицинской помощи самой по себе, а прежде всего в том, чтобы обеспечить эскимосов полноценным питанием и жильем. Это, конечно, верно, но, как показали последующие годы, почти невыполнимо при существующих условиях.

Даже те эскимосы, которые получили в 1950-х годах с помощью кредитов от государства современные дома, не получили тем самым хороших жилищных условий, так как у них не хватало денег на покупку угля или нефти для отопления этих домов. Обычно отапливается только одна комната, где живут все вместе: больные туберкулезом и здоровые. Основная причина туберкулеза — нищета эскимосов, реальных же путей для ее искоренения, как мы попытаемся показать ниже, пока не видно.

С окончанием второй мировой войны и последовавшей затем ликвидацией многих военных баз значительно сократились возможности найма на работу.

В то же время в связи с выходом из моды муфт и воротников цена на песцовую шкурку упала в 10 раз — с 30 до 3 долл. Подавляющее большинство эскимосов Аляски оказалось без средств к существованию. Одним из немногих, если не единственным местом на Аляске, где в первые послевоенные годы потребность в

¹¹² «Alaska's health: a survey report to the United States Department of the Interior». Pittsburgh, 1954, chapter 3, p. 13; chapter 4, 54—55.

¹¹³ Тот же отчет, гл. 3, стр. 3 и гл. 4, стр. 32.

¹¹⁴ Там же, гл. 1, стр. 2.

эскимосской рабочей силе не уменьшилась, а, напротив, возросла, было Барроу. Здесь, на крайнем севере Аляски, еще в 1944 г. были начаты поиски нефти, а в 1945 г. стала создаваться и функционировать база для снабжения нефтью военно-морских сил США.

В июле 1946 г. для работы на этой базе было впервые нанято 35 эскимосов. К концу года число работавших на базе эскимосов достигло 80 человек. В период с 1946 по 1952 г. на базе ежегодно работало 75—80 человек. Правда, работа эта была не круглогодичной, а сезонной с перерывом на зиму¹¹⁵.

Если в военные годы многие эскимосы из Барроу уезжали в Фэрбенкс, чтобы наняться на работу, то с 1946 г., напротив, в Барроу в поисках работы приезжали люди одни или с семьями почти из всех селений Аляски, лежащих к северу от полярного круга, а некоторые приезжали в Барроу даже из мест, расположенных южнее полярного круга, например, с мыса Принца Уэльского¹¹⁶. В результате во второй половине 40-х годов XX в. в быстро растущем поселке Барроу жили эскимосы из Коцебу, с островов Бартер и из других районов, исторически принадлежавшие к различным племенам. К сожалению, никто еще не исследовал, как происходил в Барроу процесс консолидации различных эскимосских групп, как исчезали их прежние культурные и языковые особенности. Но нет никакого сомнения, что процесс этот шел.

С 1947—1948 гг. на Аляске начался новый военно-строительный бум, связанный с созданием военно-воздушных баз, а позднее радарных станций, с планами милитаристских кругов США по превращению Аляски в плацдарм для будущей войны против СССР.

В годы войны США в Корее (1950—1953 гг.) деятельность всевозможных военных организаций приобрела на Аляске еще больший размах.

В 1947—1957 гг. затраты на строительство военных объектов на Аляске составили 835 млн. долл., в 4 раза

¹¹⁵ P. Roberts. Employment of Eskimos by the Navy at Point Barrow. Alaska. «Proceedings of the 3d Alaska Science Conference». College. Alaska, 1954, p. 40—43.

¹¹⁶ R. Spencer. Указ. соч., стр. 4.

превысив затраты на гражданское строительство¹¹⁷. В 1957 г. из 110,2 тыс. человек самодеятельного населения 47 тыс. непосредственно работало на военных объектах, с обслуживанием нужд армии США было связано и большинство людей, занятых в строительстве, на транспорте и в торговле¹¹⁸. Военная колонизация Аляски, большой размах военно-строительных работ вызвали значительный приток сюда нового населения из других районов США. Если в 1940 г. на Аляске жило 72 524 человека, то в 1950 г. их уже было 128 643, а в 1960 г. 226 167 человек¹¹⁹. Соответственно уменьшилась доля коренного населения в общей численности населения Аляски. В 1940 г. 44,7% всего населения Аляски составляли ее коренные жители, прежде всего эскимосы и алеуты, так как индейцев было меньше, чем их. В 1950 г. коренное население составляло только 26,3% всего населения Аляски, а к 1960 г. его доля уменьшилась до 19%. В районах расселения эскимосов и алеутов их доля в общей численности населения менялась следующим образом: на северо-западе она с 1940 по 1950 г. уменьшилась с 83,2 до 79,6%, в следующее десятилетие осталась на том же уровне, на юго-западе уменьшение доли коренного населения было более значительным — с 84,5% в 1940 г. до 61,2% в 1950 г. Наиболее значительным было изменение соотношения коренного, преимущественно индейского, и белого населения во внутреннем и центральном районах Аляски, где расположены Фэрбенкс и Анкоридж. В первом из этих районов доля коренного населения упала с 33,5% в 1940 г. до 15,9% в 1950 г. и 9,4% в 1960 г. Во втором коренное население в 1940 г. составляло 26,7% всего населения, в 1950 г. — 7,5%, в 1960 г. — 5,1%¹²⁰.

Военное строительство, обслуживание военных объектов и т. п. имели своим следствием не только приток на Аляску населения из более южных районов США, но и повели к некоторому расширению найма коренного

¹¹⁷ Г. А. Агранат. Новая техника и освоение зарубежного Севера. М., 1960, стр. 20.

¹¹⁸ J. Bloch. Alaska: the economic outlook. «Financial Analysts Journal», 1960, N 1, p. 31—42.

¹¹⁹ B. Wattenberg. Указ. соч., стр. 397.

¹²⁰ «Alaska's Population and Economy», v. II, p. 30.

населения на различные, в основном неквалифицированные работы. В связи с этим вновь, как это уже имело место в годы войны, возросли миграции коренного населения. В первую очередь они связаны с поисками работы. Наиболее подвижной частью среди эскимосов являются молодые неженатые мужчины. Хорошее представление о жизни молодежи, наполненной частыми переездами с места на место в поисках работы, дает изданная Дж. Ван-Стоуном автобиография молодого эскимоса, уроженца мыса Хоп¹²¹. Только с 1946 по 1951 г. он переменил не менее восьми мест работы. Он работал на золотых приисках, на железной дороге, на разгрузке судов, посудомойкой, на военно-воздушной базе и в других местах.

Вопрос об увеличении миграций эскимосов в послевоенные годы исследовал также Ч. Хьюз в своей работе об эскимосах селения Гэмбелл острова Святого Лаврентия. Он отмечает, что до 1940 г. миграции эскимосов происходили только в пределах острова. С другой стороны, в 1955 г. из 347 уроженцев селения Гэмбелл в нем находилось только 282 человека (81%), 31 человек (9%) навсегда покинули остров, переселившись на материк, еще 26 человек (8%) уезжали на время, но потом вернулись на остров. Восемь жителей селения (2%) служили в армии США на Аляске или учились там в школе. Ч. Хьюз не включал в число эмигрантов 19 островитян, находившихся в 1955 г. в госпиталях Аляски. Но фактически после госпиталя, так же как и после учебы в школе, некоторые люди не возвращались в свое селение, а оставались жить на материке¹²². Особенно увеличилась эмиграция или временная миграция на Аляску молодежи в поисках работы, для учебы и лечения. Что касается старшего поколения, то эмиграции препятствовали более глубокие социальные и культурные связи со своим селением, а также незнание английского языка. Правда, в 1958 г. несколько семей эскимосов переселились из Гэмбелла в Фэрбенкс, Сиэтл, а также в Чикаго и Окленд, но все семьи, кроме одной, вернулись на остров Святого Лаврентия, так

¹²¹ J. Van Stone. The Autobiography, p. 195—210.

¹²² Ch. Hughes. An Eskimo village..., p. 71—72.

как не смогли приспособиться к жизни в городе и успешно конкурировать на рынке рабочей силы¹²³.

Ч. Хьюз подчеркивает, что, по его наблюдениям, приспособление уроженцев селения Гембелл к жизни на материке затрудняется отсутствием у эскимосов Святого Лаврентия необходимых знаний и навыков для успешной конкуренции на рынке рабочей силы: образования, профессиональной подготовки, производственного опыта в новых для эскимосов специальностях. Эмигрировав на материк, эскимосы острова Святого Лаврентия сталкиваются с деморализующим действием непостоянства экономических возможностей (так Хьюз именует циклический характер капиталистического производства с сопутствующим ему увеличением и уменьшением безработицы), с социальной изоляцией и расовой дискриминацией, различными побуждениями к пьянству, плохими жилищными условиями и низким уровнем жизни.

Действие всех этих отрицательных факторов, как справедливо отмечает Хьюз, еще более усиливается тем, что даже для белого населения экономика Аляски не имеет устойчивой основы. «Такое ненадежное существование наиболее разлагающе действует на иммигрантов эскимосов, и условия, в которых они живут, по большей части оказываются знакомыми для них условиями болезней, нищеты и социального распада¹²⁴.

И все же, несмотря на трудности, с которыми жители острова Святого Лаврентия сталкивались на материке, они в 1950-х годах все более настойчиво стремились туда. В 1955 г. в селении Гембелл один из наиболее влиятельных жителей говорил Хьюзу, что если бы на материке можно было найти работу и место, где дети могли бы получить хорошее образование и где были бы хорошие врачи, он бы покинул остров. И эти три причины для переселения — желание иметь работу, возможность образования для детей и врача для себя и семьи — называли Хьюзу все желавшие уехать с острова. Хьюз опросил 22 человека, из них 14 было за переселение при возможности получить работу. За 15 лет до этого, в 1940 г., все в Гембелле были против переселения, так

¹²³ Там же, стр. 375—376.

¹²⁴ Там же, стр. 387—388.

как, по словам одного из старейших и наиболее уважаемых людей селения, несколько раз посетившего материк еще до 1940 г., «там — слишком много людей, всюду солдаты и законники, слишком много закона. На острове лучше. Здесь никто не голодает, когда ловят кита, его разрезают так, что каждый дом получает по куску...»¹²⁵.

В середине 50-х годов XX в. картина жизни общины была совершенно иной. Прежние отношения первобытного коллективизма быстро разрушались. В селении начались кражи. Раньше их совершенно не было.

Сами занятия островитян — охота на моржа, кита, тюленя, песца — под влиянием отношения к ним белых стали казаться делами низшего сорта. По наблюдениям Ч. Хьюза, отсутствие работы по найму и необходимость охотиться стали порождать ложное ощущение собственной неполноценности. Хорошей пищей стали считаться хлеб, консервированное мясо, консервированные фрукты, но никак не моржовое мясо. Единственной хорошей, достойной человека одеждой стал считаться костюм европейского типа.

Стремление во всем походить на белых возникло, на наш взгляд, в результате презрительного отношения приезжих американцев к занятиям и культуре эскимосов острова.

У жителей Гембелла создалось представление о собственной неполноценности из-за своего отличия от белых и в то же время все более развивается стремление преодолеть эту неполноценность путем отказа от своей культуры, стремление к ассимиляции. Но возможности осуществить это желание нет, так как жителям острова очень трудно получить постоянную работу по найму, так как, добавим мы, продолжает существовать дискриминация эскимосов во всех сферах жизни Аляски¹²⁶.

Мы так подробно остановились на работе Ч. Хьюза об эскимосах Святого Лаврентия, так как то, что происходит в селении Гембелл, типично и для многих эскимосских, а также алеутских селений Аляски. Повсюду на Аляске морская и пушная охота не могут обеспечить сколько-нибудь сносного существования. Повсюду эски-

¹²⁵ Ch. Hughes. Au Eskimo village..., стр. 72—73.

¹²⁶ Там же, стр. 376—378, 381, 383, 389.

мосы и алеуты стремятся найти работу по найму и по большей части не могут найти ее. Повсюду они чувствуют себя обездоленными и неполноправными. Американская система образования для коренного населения, расизм, с которым эскимосы и алеуты сталкиваются, породили у молодежи неуважение к своей собственной культуре. И теперь принадлежность к эскимосам, к алеутам представляется им самым главным барьером на пути к «благам западного общества», и молодежь уже стыдится своего эскимосского или алеутского происхождения, стремится отождествить себя с белыми американцами и негодует, когда другие отделяют ее от белых. Стремясь выжить, эскимосы и особенно алеуты в 50-х — начале 60-х годов быстро теряли свой этнический тип. Именно эта тенденция привела Д. Дженнесса к выводу, что у алеутов и эскимосов нет никаких перспектив для самостоятельного этнического развития и более того, нет даже надежных средств существования на их родине — Аляске и Алеутских островах.

И, по мнению Д. Дженнесса, единственный путь спасения эскимосов не только от этнического, но и от физического исчезновения, от систематического недоедания и болезней — их переселение в крупные города США и полное растворение в американской нации. Но этот план спасения эскимосов, на наш взгляд, не учитывает в достаточной степени огромной безработицы, существующей во всех штатах Америки. Очень показательны, что из 459 эскимосов и 107 алеутов, переселившихся между 1956 и 1962 гг. в города Калифорнии, Колорадо, Иллинойса, Миссури и других штатов США, 70 эскимосов и 21 алеут вернулись на Аляску в первый же год, так как не смогли найти работу и приспособиться к новому образу жизни²⁷. Теряя

²⁷ О судьбах эскимосов и алеутов как этнических общностей и о перспективах их ассимиляции американской нацией см.: S. Parker. Ethnic identity and acculturation in two Eskimo villages. «American Anthropologist», v. 66, 1964, N 2, p. 325—340; G. Berreman. Aleut Reference Group. Alienation, Mobility and Acculturation. «American Anthropologist», v. 66, 1964, N 2, p. 231—250, p. 231—233; G. Berreman. Inquiry into community in an Aleutian village. «Amer. Anthropol.», v. 57, 1955, N 1, p. 58; Ch. Hughes. An Eskimo village..., p. 389; Ch. Hughes. Under four flags, p. 30; D. Jenness. Eskimo Administration I. Alaska, p. 58—59; M. Teague. The Poorest Americans. «Geographical Magazine», v. XXXIX, 1966, N 1, p. 52—59.

свою культуру, эскимосы и алеуты США не избавляются от нищеты и дискриминации. Как заявил в 1967 г. в Конгрессе Эрнст Грюнинг, бывший губернатор, а затем сенатор США от штата Аляска: «В этом году отмечается столетняя годовщина со дня присоединения к США Аляски — этой богатой ресурсами, стратегически важной, представляющей уникальную ценность и во многих других отношениях территории, которая теперь стала 49-м штатом Америки.

Тем более удивительно и печально, что многое из того, что могло бы быть сделано для Аляски, для ее народа, как и для народов Соединенных Штатов, не было сделано. Дискриминационная федеральная политика такого рода означает пренебрежение и недостаток заботы о жизненных интересах народа Аляски и народов Соединенных Штатов в целом.

Ни один американец не может гордиться условиями жизни на большей части Северной и Западной Аляски. Ее индейское и эскимосское население находится в состоянии глубокой экономической депрессии, страдает от бедности и безработицы. Все это достойно сожаления и непростительно. Они, быть может, самые забытые люди из всех живущих под флагом Соединенных Штатов»¹²⁸.

В начале 60-х годов на Аляске снова увеличилась потребность в рабочей силе, но рабочие были нужны почти исключительно вне районов исконного расселения коренных жителей этого штата. Большинство их живет на Северо-Западе и Юго-Западе Аляски, в ее наиболее неразвитых в экономическом отношении частях. Сотрудник Аляскинского университета Дж. Роджерс, специально исследовавший в 1965—1966 гг. вопрос о занятости коренного населения и о перспективах получения им работы по найму, писал по этому поводу, что сложности с получением индейцами и эскимосами работы вызываются не только отсутствием или в лучшем случае недостатком у них общего образования и профессиональной подготовки, но и тем, что коренное население сосредоточено в местах, далеких от центров экономического развития, и рост его численности обгоняет самые радужные оценки роста числа рабочих мест в этих рай-

¹²⁸ «Литературная газета», 14 июня 1967 г.

онах, прежде всего на Юго-Западе и Северо-Западе Аляски¹²⁹.

Отсутствие работы в их родных местах и в то же время все сокращающиеся возможности для продолжения промыслового хозяйства вызывают увеличение миграций эскимосов в Фэрбенкс и другие города, а также на юг за пределы штата Аляска, что ведет к утере мигрантами своего этнического облика.

Миграции эскимосов в города, где преобладает пришлое население, создают большую угрозу дальнейшему существованию эскимосского национального меньшинства на Аляске. Наблюдения, проведенные многими зарубежными исследователями в 50—60-х годах XX в., показывают, что как миграции эскимосов и алеутов в районы с преобладающим пришлым населением, так и увеличение числа белых в старых эскимосских поселках или вблизи них довольно быстро ведут к утере коренными жителями своего этнического типа. Этому процессу способствует не только переход от традиционных промыслов к работе по найму, но не в меньшей, если не в большей мере, продолжающаяся дискриминация коренного населения в экономическом, социальном и также, если так можно выразиться, в психологическом отношении. Эта дискриминация в послевоенные годы обычно не выступала в форме открытой расовой сегрегации, как это имело место в годы второй мировой войны. Но все же и теперь, как отмечает, например, Д. Дженнесс, многие белые американцы, в том числе многие учителя, работающие в эскимосских школах, убеждены, что в умственном отношении эскимосы ниже белых¹³⁰. В школах Аляски и Алеутских островов детям коренного населения в течение десятилетий прививали презрение к своей культуре и преклонение перед всем американским. Общаясь с белыми американцами, коренные жители также постоянно сталкиваются с пренебрежительным отношением к своей культуре. И у них нередко создается представление, что именно этнические различия являются

¹²⁹ G. Rogers. Alaska's native population and employment prospects. «Inter-Nord», 1967, N 9, p. 154, 161. Развитие добычи нефти на арктическом склоне Аляски, конечно, может изменить это положение.

¹³⁰ D. Jenness. Eskimo administration, V. Analysis and reflections. Montreal, 1968, p. 45.

тем препятствием, которое надо преодолеть, чтобы поднять свой уровень жизни до уровня жизни белых и стать равными им во всех отношениях.

Дж. Берреман, исследовавший современные этнические процессы у алеутов селения Никольское (остров Умнак), отмечал, что местные алеуты американизировали свою культуру настолько, насколько это оказалось возможным. Вслед за пришлыми жителями они теперь отрицательно отзываются о своих старых обычаях и занятиях. Более того, алеуты Никольского начали утрачивать свое этническое самосознание. Они перестают считать себя чем-то отличным от белых американцев и обижаются, если приезжие люди проводят такое различие. Во всех своих поступках алеуты Никольского руководствуются нормами англо-американской культуры и стремятся раствориться в американской нации¹³¹.

На материке Аляски в поселке Коцебу, расположенном в районе исконного расселения эскимосов, в 1960 г. жило 1290 человек, в том числе 250 белых. Но большинство населения продолжали составлять эскимосы. Несмотря на это, 90% жителей Коцебу были в это время рабочими и членами их семей, а не охотниками. Почти все жители пользовались английским, а не эскимосским языком. Кроме того, под влиянием расистских представлений, бытующих у части пришлого населения, молодежь поселка начала стыдиться своей принадлежности к эскимосскому народу и считать ее барьером на пути к социальному и экономическому равенству с белыми¹³².

Надо сказать, что этим интенсивным процессом этнических изменений в 50-х — начале 60-х годов были захвачены не все территориальные группы эскимосов Аляски. Эскимосы междуречья Юкона и Кускоквима, которое в течение многих десятилетий оставалось одним из наименее освоенных Соединенными Штатами районов Аляски, продолжали вести промысловое хозяйство. Так, в селении Алаканук в низовьях Юкона в 1960 г. из 278 жителей все, за исключением четырех человек, были охотниками, рыбаками или членами их семей. Они не

¹³¹ G. Berreman. Aleut Reference Group Alienation, Mobility and Acculturation. «American Anthropologist», v. 66, 1964, N 2, p. 231—233.

¹³² S. Parker. Ethnic identity and acculturation in two Eskimo villages. «American Anthropologist», v. 66, 1964, N 2, p. 330—331.

собирались отказываться от своего образа жизни, своей культуры и языка ¹³³.

Но междуречье Юкона и Кускоквима не только наиболее устойчивый в этническом отношении, но и самый бедный район Аляски. Входящий в него дистрикт Уейдхемптон с двумя эскимосскими селениями Хупер Бей и Эммонак считается самым бедным дистриктом США. Годовой доход жителей здесь составляет 150 долл. в год на душу (по данным на 1965—1966 гг.), высока детская смертность от болезней и плохого питания. Основными источниками средств к существованию являются охота и рыболовство для собственного потребления и государственные пособия, которые получает 80% жителей дистрикта.

Товарное рыболовство не получило большого распространения и не занимает существенного места в бюджете местных жителей из-за низких закупочных цен. Так, эскимос из Хупер Бей получает за королевского лосося весом в 20—25 фунтов в лучшем случае 3,5 долл., а в Нью-Йорке его продают не ниже, чем за 120—150 долл. Расширению товарного рыболовства препятствует в числе других причин неосвоенность района в транспортном отношении и отсутствие здесь холодильников ¹³⁴. Таким образом, этническая устойчивость выступает здесь как следствие крайней экономической отсталости, отсутствия работы по найму, плохих транспортных связей с внешним миром и т. п.

В целом в конце 50-х — начале 60-х годов многим исследователям казалось несомненным, что эскимосов и алеутов ждет быстрая ассимиляция. Однако в последние годы в их социальном развитии наметились некоторые новые тенденции, которые, очевидно, скажутся и на этнических процессах.

Если в предшествующие десятилетия эскимосы Аляски были политически пассивны, то в 60-х годах они стали выступать как самостоятельная политическая сила, активно борющаяся за экономическое и социальное равноправие коренного населения с пришлым. Это явилось кульминацией довольно длительного подспудного

¹³³ Там же, стр. 329.

¹³⁴ М. Teague. The Poorest Americans. «Geographical Magazine», v. XXXIX, N 1, p. 52—57.

развития, ход и направление которого были довольно подробно проанализированы в докладе, сделанном М. Лантис на симпозиуме по циркумполярным проблемам севера, состоявшемся в Стокгольме в сентябре 1969 г.¹³⁵

В основном в 60-х годах на Аляске было создано восемь ассоциаций коренного населения (четыре преимущественно эскимосских, одна алеутская и три индейских). В 1966 г. они объединились, создав организацию «Аляска Федерейшн оф Нейтивз». Летом 1968 г. в федерацию входила уже 21 организация. Эта федерация ведет активную борьбу как за экономические, так и за социальные права коренного населения штата. Важным средством в этой борьбе стала практика предъявления земельных исков. Когда в 1867 г. Россия продала Аляску Соединенным Штатам, права коренного населения на землю не были специально оговорены. Фактически на протяжении последующих 100 лет у общин эскимосов, алеутов и индейцев было отнято много земель. Разрозненные протесты коренных жителей против этого не имели успеха. Так, например, не удовлетворялось требование алеутов о выдаче денежной компенсации за земли, отображенные у них властями США после второй мировой войны.

В 60-х годах в связи с открытием на Аляске богатых нефтеносных земель правительство штата наметило широкую программу изъятия их из общественного пользования и сдачи в аренду нефтяным компаниям. Это стало одной из причин, вызвавших взрыв политической активности эскимосов. Раньше других выступили эскимосы Северной Аляски. Их ассоциация официально опротестовала изъятие нефтеносных земель в этом районе и потребовала, чтобы доходы от сдачи в аренду этих земель получали бы эскимосы района. Их интересы защищает адвокат, начавший иск против штата Аляска на том основании, что земля принадлежит эскимосам как первопоселенцам. Этот иск включает 96 млн. акров земли¹³⁶. К середине 60-х годов исками коренного населения было охвачено около 70% всей территории штата Аляска (290 млн. акров из 375 млн. акров). Со своей

¹³⁵ M. Lantis. The Current Nativistic movement in Alaska, MS.

¹³⁶ R. Cooley. Alaska. A challenge in conservation. Madison, 1967, p. 74.

стороны правительство штата просило министерство внутренних дел США об изъятии на Аляске из общественного пользования около 18 млн. акров для последующей сдачи их штатом в аренду нефтяным и другим компаниям. Наличие этих встречных исков привело к решению министерства внутренних дел о приостановке каких бы то ни было изъятий из фонда общественных земель до решения вопроса о земельных правах коренного населения Аляски¹³⁷.

В этих условиях отношение к коренному населению властей штата и вообще господствующей белой верхушки резко изменилось. Появилось стремление путем частных мер и различных обещаний задобрить прежде всего эскимосов, так как именно они живут на нефтеносных землях, привлечь этих людей на свою сторону. Этому стремлению способствовало и то, что эскимосы стали активно участвовать в политической жизни штата: издавать совместно с индейцами газету «Тундра Таймз», участвовать в выборах, что они обычно не делали еще 10—15 лет назад. Голоса эскимосов приобрели большое значение, так как последние и сейчас образуют подавляющую часть населения на Северо-Западе Аляски, да и в целом из 270 тыс. жителей Аляски (по оценке на 1967 г.) свыше 50 тыс., т. е. около 10%, составляет коренное население. Во время избирательной кампании 1966 г. эскимосских выборщиков обхаживали как никогда раньше. Один кандидат в губернаторы объезжал глухие эскимосские селения с джазом, а его соперник обещал создать специальный департамент по делам аборигенов. Новая администрация, пришедшая в результате выборов, увеличила жилищное строительство в районах с коренным, преимущественно эскимосским населением. Университет Аляски создал специальные стипендии для эскимосов. Федеральный комитет по развитию Аляски большую часть своего бюджета на 1966—1968 гг. уделил Северо-Западной Аляске. Трудно сказать, сколько времени эскимосам удастся играть роль политической силы в жизни Аляски, но представляется почти несомненным, что они не согласятся на возврат к прежнему бесправному положению. Свидетельством этого являются, например, демонстрации коренного населения осенью 1969 г.

¹³⁷ G. Rogers. Eskimo Administration. «Arctic», v. 20, 1967, N 4, p. 269—270.

в Анкоридже, когда там проводился нефтяной аукцион. Участники этих демонстраций резко протестовали против изъятия земель в пользу нефтяных компаний. Думается также, что возникновение организаций коренного населения и борьба за свои права вызовет рост национального самосознания и замедлит процесс ассимиляции, а кроме того, приведет к определенному сближению эскимосов и индейцев Аляски, так как в их положении много общего и перед ними стоят одни и те же социально-экономические проблемы.

Глава третья

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ КАНАДСКОЙ АРКТИКИ И СУДЬБЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

ВЛИЯНИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И КИТОВБОВ НА ЭСКИМОСОВ КАНАДСКОЙ АРКТИКИ С КОНЦА XVI в. ПО НАЧАЛО XX в.

Рассматривая вопрос о влиянии на культуру эскимосов освоения Канадского Севера европейцами, необходимо различать изменения в культуре коренного населения Арктики, происшедшие в результате непосредственных контактов с европейцами, и изменения, явившиеся следствием опосредованного влияния.

Наиболее существенным образом последнее сказалось на изменении этнических границ эскимосов Канады, а также на изменении направления хозяйства и характера расселения.

До начала контактов индейцев Канадского Севера с европейцами этническая граница между ними и эскимосами совпадала с границей леса и тундры. Как только индейцы получили от европейцев ружья, они в поисках пушнины начали двигаться дальше на север в зону тундры и теснить эскимосов. Так, на востоке Лабрадора (как мы подробнее увидим ниже) микмаки и монтанье вытеснили эскимосов с берегов залива Св. Лаврентия, на западе Лабрадора они оттеснили эскимосов с Истман-Ривер до Грейт-Уэйл-Ривер, на западном берегу Гудзонова залива под давлением чайпеваев эскимосы отодвинулись из района Черчилла дальше на север примерно до Эскимо-Пойнт.

В западной части Канадского Севера индейцы продвинулись вниз по Макензи в глубь бывшей эскимосской этнической территории до форта Гуд-Хоп. Все эти изменения этнических границ имели место на протяжении

XVII—XIX вв.¹ В тот же временной период, особенно в XVIII в., произошло крупное изменение в хозяйстве и характере расселения эскимосов арктического побережья Канады, отчасти также вызванное деятельностью европейцев. Как уже отмечалось в главе I, в это время в результате совместного действия нескольких факторов: обмеления морей, похолодания климата и промысла европейских китобоев число китов в арктических водах Канады резко уменьшилось, и эскимосы были вынуждены отказаться от охоты на китов. Для того чтобы обеспечить свое существование, местным жителям пришлось покинуть большие постоянные селения, существовавшие на протяжении всей эпохи культуры туле, и перейти к кочевой жизни небольшими группами, занимавшимися в зависимости от сезона охотой на тюленей или на оленей карибу. Лишь уменьшение плотности населения в сочетании с периодическими передвижениями с места на место позволило эскимосам выжить в условиях сокращения пищевых ресурсов после исчезновения китов. В связи с увеличением подвижности населения большее распространение приобрели жилища из снега — иглу².

Так, опосредованно через индейцев и через изменения в фауне сказывалось в XVII—XVIII вв. европейское влияние на эскимосах Канады. Но, кроме него, в тот же период имели место и непосредственные контакты эскимосов с путешественниками и китобоями. Возможно, что жители Баффиновой Земли уже в первые века II тысячелетия н. э. имели какие-то контакты с норманнами Гренландии. В пользу такой гипотезы может быть истолковано наличие у эскимосов Баффиновой Земли железа ко времени их встречи с европейскими мореплавателями в XVI в. (см. ниже). Но наличие железа может быть объяснено и торговыми связями с южными соседями эскимосов — индейцами. Если же оставить в стороне гипотетические контакты с норманнами, то первое достоверное знакомство европейцев с эскимосами арктического побережья Канады, Баффиновой Земли и других островов Арктического архипелага обязано поискам северо-западного прохода в Китай. С 1576 по 1578 г.

¹ D. Jenness. *Eskimo Administration* II. Canada, Arctic Institute of North America, Techn. Paper, N 14, Montreal, 1964, p. 7—8.

² W. Taylor... and then came Man. «People of Light and Dark». Ottawa, 1966, p. 4; D. Jenness. *Eskimo Administration* II. Canada, p. 8.

М. Фробишер совершил три путешествия к юго-восточным берегам Баффиновой Земли. В 1585 г. примерно в том же районе плавал Дж. Дэвис.

В 1610—1611 гг. Г. Гудзон проплыл по проливу между южным побережьем Баффиновой Земли и северным побережьем Лабрадора, а также вдоль западного берега этого же полуострова. В 1616 г. Р. Байлот и В. Баффин первыми из европейцев достигли островов, лежащих к северу от Баффиновой Земли, и высаживались на островах Королевы Елизаветы.

В 1619—1620 гг. у западного побережья Гудзонова залива, примерно в районе современного г. Черчилл, побывал Мунк, а в 1631 г. Джеймс и Фокс проплыли вдоль западного побережья этого залива на участке примерно от Честерфилда до Черчилла.

Европейские мореплаватели встречались с эскимосами и в некоторых случаях вели с ними меновую торговлю. Описание первой встречи европейцев с эскимосами Канадской Арктики принадлежит историографу экспедиции М. Фробишера 1576 г. К. Холлу. Он писал, что жители юго-востока Баффиновой Земли по внешнему виду похожи на татар. У них длинные черные волосы, широкие лица, плоские носы и светло-коричневый цвет кожи. Одеваются они в тюленьи шкуры. Покрой одежды одинаков у мужчин и женщин. Из тюленьих же шкур сделаны их лодки³.

Во время своего второго плавания 1577 г. М. Фробишер снова встречался с жителями юго-востока Баффиновой Земли и несколько раз дарил им ножи, бусы и некоторые другие предметы. Именно в это плавание было обнаружено, что у эскимосов указанного района имеется, хотя и в небольших количествах, железо. «Они изготовляют из него наконечники стрел, ножи и другие мелкие инструменты, с помощью которых они делают свои лодки, луки, стрелы и дротики». Наряду с железными орудиями, очевидно, в связи с нехваткой металла, продолжали употребляться и каменные орудия⁴.

³ *Ch. Hall*. The first voyage of Master Martin Frobisher to the North-West for Search of the Passage or Strait to China, written by Christopher Hall, and made in the year of our Lord 1576, «Voyages in Search of the North-Weast Passage, from the Collection of R. Hakluyt». London, 1892, p. 88—89.

⁴ *D. Settle*. The second voyage of Master Martin Frobisher made to the West and North-West Regions in the year 1577 with a description of the Country and People, written by Dionise Settle, «Voyages in Search ..», p. 112—113.

За путешествиями М. Фробишера последовали путешествия Дж. Девиса. Известно, что он в довольно широких размерах вел меновую торговлю с жителями Западной Гренландии. Это позволяет предполагать, что и с эскимосами Баффиновой Земли он имел подобные торговые связи, когда в 1585 г. проплывал у юго-восточных берегов этого острова⁵.

Встречались с эскимосами и другие вышеупомянутые европейские мореплаватели, искавшие Северо-западный проход. Таким образом, мы можем констатировать, что к 30-м годам XVII в. эскимосы юго-восточной части Баффиновой Земли и побережья Гудзонова залива имели спорадические контакты с европейцами. Но дальше на запад мореплаватели долгое время не могли проникнуть. Путь им преграждали большие массы суши, между которыми находились узкие, забитые льдом проливы. Углубиться в них европейским мореплавателям удалось только в начале XIX в. Первые белые люди, которых увидели эскимосы арктического побережья Канады, пришли к ним не с моря, а из глубины материка. В 1771 г. служащий компании Гудзонова залива С. Херн прошел по суше от форта Черчилл до низовьев р. Копермайн, где встретился с эскимосами, получившими у европейцев название медных, так как они наряду с камнем и костью умели пользоваться медью. Индейцы, сопровождавшие С. Херна, открыли по эскимосам огонь из ружей, и это было первым знакомством медных эскимосов с оружием белого человека и с ним самим.

В 1789 г. А. Макензи, спустившись по реке, названной его именем, видел в ее низовьях эскимосов.

С 20-х годов XIX в. возобновились и расширились поиски Северо-западного прохода. За первую половину XIX в. европейские исследователи Парри, Росс, Диз и Симпсон, Франклин, Ричардсон, Рей и другие прошли на судах, на шлюпках и по суше вдоль всего арктического побережья Канады, открыли многие острова Арктического архипелага. Особенный размах экспедиции в Канадскую Арктику приобрели после исчезновения в конце 40-х годов XIX в. Дж. Франклина и его спутников.

⁵ *J. Marchant. The first Voyage of Master John Davis, undertaken in June 1585, for discovery of the North-West Passage, written by John James Marchant, servant to the workshopful Master William Sanderson. «Voyages in Search»...»* p. 137—153.

Только за одно последующее десятилетие в Канадской Арктике побывало около сорока поисковых партий. Они внесли большой вклад в географическое исследование этого района⁶. Участники почти всех экспедиций и поисковых партий встречались с эскимосами, вели с ними в небольших размерах меновую торговлю, нанимали отдельных эскимосов в качестве проводников. Так. В. Парри неоднократно общался во время своих плаваний в 1819—1825 гг. с эскимосами, поддерживал с ними дружеские отношения и торговал с ними. В 1820 г. Парри дал эскимосам, живущим на Баффиновой Земле у устья р. Клайд, ножи, топоры, медные котлы, иглы и другие европейские предметы, получив взамен эскимосские изделия⁷. Парри отмечает, что торговлю с эскимосами вели и команды его судов. В 1822 г. Парри первым из европейцев достиг эскимосов иглулик⁸. Но уже до Парри эскимосы иглулик полуострова Мелвилл и острова Иглулик имели в незначительном количестве железные и медные изделия (железные ножи, медные котлы, куски железа, старые лезвия, стальные топоры)⁹. Они были получены через посредство южных соседей с берегов Гудзона залива.

Джон Франклин во время своих путешествий 1820—1822 и 1826 гг. раздавал подарки и вел торговлю с медными эскимосами, эскимосами макензи и нунамиут. В 1837 г. Т. Симпсон, о котором уже говорилось в главе, посвященной Аляске, поддерживал дружеские отношения и вел торговлю не только с аляскинскими, но и с канадскими эскимосами, живущими от устья р. Макензи на запад.

Кроме проникновения к эскимосам Канадской Арктики железа и некоторых предметов европейской материальной культуры, работа в качестве проводников и информаторов не могла не оказывать влияния на духовную культуру эскимосов, на их представления об окружающем мире. Известно, что Джон Росс, Джон Франклин,

⁶ *L. Nicholson. The Northwest territories. Geographical aspects. «Canadian Geographical Journal», v. LX, 1960, N 1, p. 4—5.*

⁷ *W. Parry. Journals of the first, second and third voyages for the discovery of a North-West Passage from the Atlantic to the Pacific in 1819—20—21—22—23—24—25, v. 1—5. London, S. a., v. II, p. 209.*

⁸ *W. Parry. Указ. соч., т. 5, стр. 257.*

⁹ Там же, стр. 209, 211.

Томас Симпсон широко пользовались услугами эскимосов в качестве информаторов. Кстати сказать, Франклин и Симпсон немного говорили по-эскимосски, что значительно расширяло возможности для общения с коренным населением¹⁰. К сожалению, лучше известно, какими познаниями эскимосы поделились с европейскими путешественниками, а не то, чем последние поделились с ними.

Так, например, для В. Парри эскимосы составили чертеж полуострова Мелвилл, для В. Росса нарисовали береговую линию залива Бутия, для тех, кто искал Франклина, делали чертежи, на которых отмечали места кораблекрушений европейских судов.

В то время как путешественники преодолевали один за другим проходы между островами Арктического архипелага, наносили на карту северное побережье американского материка, в восточных районах, открытых для мореплавания в конце XVI — начале XVIII вв. Фробишером, Дэвисом, Баффином, Мунком и другими, развивался китобойный промысел.

Уже в конце XVIII — начале XIX в., т. е. до проникновения исследователей в глубь Арктического архипелага, китобойные суда датчан, голландцев, шотландцев, англичан и американцев каждое лето бороздили воды Девисова и Гудзонова проливов. Они торговали с эскимосами Гренландии и Баффиновой Земли, нанимали их в качестве гребцов. Эти контакты заметно влияли на культуру коренного населения.

Так, по наблюдениям китобоя и исследователя Арктики В. Скорсби-младшего, к 20-м годам XIX в. эскимосы указанного района были хорошо снабжены гарпунами с железными наконечниками для охоты на китов и не пользовались для этой цели каменными и костяными орудиями¹¹.

Л. Мак-Клинток, посетивший в 1857 г. эскимосов Понд-Инлит, писал, что они начали торговать с китобоями в 1840-х годах. Некоторые из эскимосов уже имели ружья, полученные у китобоев в обмен на китовый ус и клыки нарвала. Один из «двух вождей» общины показал Мак-Клинтоку склад из 30 принадлежащих ему клы-

¹⁰ N. Gubser. The Nunamiut Eskimos. Hunters of Caribou. New Haven, 1965, p. 3—4.

¹¹ W. Scoresby. An account of the Arctic Regions with a History and Descriptions of the Northern Whale-Fishery, v. I—II. Edinburgh, 1820, v. I, p. 11.

ков и сказал, что он имеет значительно большее количество их в других местах¹².

К сожалению, остается не вполне ясным, действительно ли все клыки принадлежали вождю или же он выступал в качестве посредника при сношениях членов общины с китобоями.

Эскимосы Понд-Инлит меняли клык не только на ружья, но и на железо для наконечников копий и гарпунов. Зачастую китобои продавали эскимосам ненужные тем вещи и к тому же за непомерно дорогую цену. Так, один эскимос купил скрипку за 40 кг китового уса.

Таким образом, придя в Девисов и Гудзонов проливы вслед за исследователями Арктики, китобои уже к середине XIX в. оказали значительное влияние на эскимосов, живших в районах промысла.

В 1850—1870 гг. американские китобои вели в больших размерах промысел в Гудзоновом заливе, нанесенном на карту еще путешественниками начала XVII в., но долгое время почти не использовавшимся для охоты на китов.

Надо сказать, что методы охоты на китов американских китобоев значительно отличались от методов голландских и шотландских китобоев, которые вели промысел в Девисовом проливе¹³. Голландцы и шотландцы охотились с помощью своих команд, не привлекая для этого дела эскимосов. Американские китобойные суда служили лишь базами для промысла, который велся с вельботов. Экипажи для них вербовались из эскимосов. В отдельные годы все эскимосы-мужчины племени ай-вилик были заняты на этой работе. Эскимосы не получали от китобоев какой-то твердой заработной платы. Им давали съестные припасы и различные предметы фабричного производства.

Американский естествоиспытатель Л. Кумлиен, наблюдавший эскимосов Восточноканадской Арктики в конце 70-х годов XIX в., писал: «В то время, как они работают на китобоев, эти эскимосы почти полностью зависят в своем пропитании от корабельного провианта; вследствие этого они быстро становятся плохими охотни-

¹² L. M'Clintock. The voyage of the Fox in the arctic seas, London, 1859, p. 165—166.

¹³ K. Blrket-Smith. The Eskimos. London, 1959, p. 211.

ками и предпочитают слоняться около судна и подбирать те остатки пищи, которые им дают, вместо того, чтобы самим добывать ее и жить независимо и в сравнительном достатке»¹⁴.

Значительное влияние на образ жизни и культуру эскимосов Восточноканадской Арктики оказала также деятельность береговых китобойных станций. Первая из них была основана английским капитаном Пенни в 1840 г. на берегу залива Камберленд. Вслед за ним у устья этого залива создали свои станции шотландские и американские китобои. Владельцы этих станций имели тесные контакты, а именно: нанимали на работу или торговали примерно с 500 эскимосами, жившими в то время на юге Баффиновой Земли¹⁵.

В результате работы на китобоев и торговли с ними эскимосы юга Баффиновой Земли за вторую половину XIX в. переняли у европейцев огнестрельное оружие, летнюю европейскую одежду, стали покупать и употреблять в пищу муку, чай, сахар и т. д., заимствовали отдельные представления из христианской религии, научились играть в карты и т. д.¹⁶

Наибольшее влияние китобои оказали именно на культуру эскимосов юга Баффиновой Земли и западного побережья Гудзонова залива, района расселения эскимосов айвилик. Здесь к концу XIX в. огнестрельное оружие, дощатые лодки, брезентовые палатки, одежда из шерсти и хлопка, металлические горшки и сковородки вытеснили соответствующие элементы традиционной эскимосской культуры. «Возникло новое поколение эскимосов, у которого отсутствовали навыки и охотничьи познания их родителей, поколение, которое утеряло свою самостоятельность и с трудом могло существовать без связей с цивилизованным миром»¹⁷.

¹⁴ L. Kumlien. Contributions to the Natural History of Arctic America Made in Connection with the Howgate Polar Expedition, 1877—78. «Bulletin of the United States National Museum», v. 15. Washington, 1879, p. 21—22. Цит. по книге: J. Honigmann. Eskimo Townsmen. Ottawa, 1965, p. 43.

¹⁵ D. Jenness. Eskimo Administration. II. Canada, p. 10.

¹⁶ J. Honigmann. Transforming the arena of action: two paths to cultural modernization compared. «The Dalhousie Review», v. 47, N 3, p. 386.

¹⁷ J. Van Stone. Influence of European Man on the Eskimos. «People of Light and Dark», p. 11—12.

В последней четверти XIX в. центр китобойного промысла переместился из восточного сектора Американской Арктики в западный.

В конце 80-х годов американские китобои начали вести промысел у северо-западных берегов Канады. С 1889 или с 1890 г. они начали зимовать у острова Хершелл в устье Макензи. Так, в 1895—1896 гг. здесь зимовало 15 судов, а в 1903 г. 7 судов с экипажем около 300 человек¹⁸.

Китобои постоянно общались с эскимосами. Они нанимали их для охоты на карибу, чтобы пополнить судовые запасы продовольствия, эскимосские женщины шили для моряков меховую одежду. Частично эскимосов использовали и во время промыслового сезона в качестве гребцов на вельботах. Эскимосы, работавшие на китобоев, получали от них различные изделия фабричного производства: медные котлы, топоры, ножи, ружья¹⁹. Некоторым эскимосам удавалось приобрести парусные вельботы, что давало возможность самостоятельно вести промысел китов. В результате общения с китобоями у эскимосов дельты Макензи появились некоторые орудия труда и другие европейские изделия, которые действительно им были полезны. В то же время общение с китобоями оказывало деморализующее действие на эскимосов. Китобои спаивали эскимосов, стремясь за бесценок получить мясо, изделия из меха и т. д. Они соблазняли, развращали и нередко силой уводили от мужей эскимосских женщин. Эскимосы становились свидетелями пьяных дебошей и драк матросов, значительную часть которых, как уже говорилось, составляли различные преступники, скрывавшиеся на севере от преследования полиции²⁰. Капитаны судов привлекали эскимосов для участия в погоне за беглыми матросами. Все это отрицательно сказывалось на коренных жителях устья Макензи.

Деятельность китобоев на Западноканадском Севере привела к значительным этническим переменам в этом районе. В результате занесенных китобоями заразных болезней, а также под влиянием алкоголизма коренное

¹⁸ H. Steele. Policing the Arctic. London, 1936, p. 100; C. Whittaker. Arctic Eskimo. London, 1938, p. 234.

¹⁹ C. Whittaker. Указ. соч., стр. 224, 230—231.

²⁰ Hudson Stuck. A winter's circuit of our Arctic coast., p. 320. Цит. по книге: C. Whittaker. Arctic Eskimo, p. 235.

население долины Макензи вымерло. В 1848 г., по подсчетам Дж. Ричардсона, в районе дельты Макензи жило свыше 2000 эскимосов, к 1912 г. по переписи, проведенной канадской конной полицией, из прежнего населения района сохранилось только 40 человек. Остальные эскимосы, а всего их жило здесь в это время около 400 человек, были недавними переселенцами из Аляски. Напротив, там, где эскимосы не общались с «белыми», вымирание не происходило. Например, на Земле Виктория у залива Принца Альберта в 1852—1853 гг. жило около 200 медных эскимосов племени кангермиут, а в 1911 г., по переписи В. Стефансона, это племя насчитывало 220 человек ²¹.

В связи с вымиранием эскимосов р. Макензи уже с конца XIX в. китобои стали привозить с собой на остров Хершел нунамиутов из Аляски, которые считались наиболее искусными охотниками на карибу. Чтобы обеспечить себя постоянным контингентом охотников, китобои привозили нунамиутов вместе с их семьями, собаками, нартами и всей домашней утварью ²². После прекращения в 1907 г. китобойного промысла в этом районе нунамиуты не вернулись на Аляску, а осели на землях, освободившихся в результате вымирания эскимосов макензи, и смешались с остатками последних.

Как естественно было ожидать, у эскимосов под влиянием китобоев произошли и социальные изменения. В годы расцвета китобойного промысла из среды эскимосов выделились люди, знавшие английский язык лучше своих соплеменников. Они стали посредничать при торговых сделках между эскимосами и китобоями. Эти посредники фактически помогали китобоям вести неэквивалентную торговлю с рядовыми эскимосами.

Положение человека в общине, как пишет известный полярный исследователь П. Фрейхен, стало определяться не искусством в охоте, а близостью к белым и количеством принадлежащих ему европейских вещей ²³.

Так, одновременно с имущественным расслоением на основе владения европейскими вещами развивалась со-

²¹ V. Stefansson. The Eskimo and Civilization. «The American Museum Journal», v. XII, 1912, N 6, p. 197.

²² C. Whittaker. Указ. соч., стр. 230, 231, 239, 241.

²³ П. Фрейхен. Великий ловец. М.—Л., 1930, стр. 6, 7, 157—159, 201, 205, 208,

циальная дифференциация. Богатые люди, т. е. прежде всего торговые посредники, приобрели в общине большее влияние, чем люди, искусные в промысле. В связи с работой на китобоев и торговлей с ними уменьшилась роль коллективного хозяйства в жизни эскимосской общины и росла роль отдельных малых семей. Этот процесс еще более усилился после упадка китобойного промысла и перехода эскимосов устья Макензи к пушной охоте. Этот переход совершился очень быстро и был связан как с повышением спроса на пушнину, так и с тем, что европейские товары за годы китобойного промысла стали для эскимосов необходимыми. Итак, контакт с китобоями сменялся контактом с торговцами — скупщиками пушнины.

РОЛЬ ТРАППЕРСКОГО ХОЗЯЙСТВА (1908—1953 гг.)

За первые десятилетия XX в. компания Гудзонова залива основала на Канадском Севере большое число торговых постов с целью скупки пушнины у эскимосов. В начале 20-х годов в сферу влияния деятельности этих постов были вовлечены до того почти незатронутые европейским влиянием эскимосы центральной части Канадской Арктики. Так, например, в 1923 г. был основан торговый пост в Спенс-Бей в районе обитания эскимосов нетсилик. С этого времени эти эскимосы стали заниматься трапперством. У них появились ружья, постепенно сменившие лук и стрелы. Введение ружей повело к прекращению коллективных охот на карибу. В результате торговли с европейцами у нетсиликов произошли и другие изменения в материальной культуре: смена летних палаток из шкур матерчатыми, распространение фабричной одежды и т. д.²⁴ В 1920—1930 гг. было открыто несколько торговых постов в заливе Батерст, на острове Кинг-Вильям, на юге острова Виктория в Кембридж Бей, в низовьях реки Коппермайн и других районах расселения центральных эскимосов.

²⁴ A. Balikci and Q. Brown. Ethnographic filming and the netsilik eskimos. New-ton, 1966, p. 21.

В период между 1930 и 1940 гг. добыча пушнины в Канадской Арктике выросла в несколько раз, но еще быстрее росли цены на привозные товары и уменьшалась добыча от охоты на морского зверя и оленя карибу.

Упадок натурального хозяйства и зависимость от неустойчивых доходов от пушного промысла привели к снижению жизненного уровня коренного населения. Как констатировал в 1947 г. известный исследователь Канадского Севера Р. Финни, «От Баффиновой Земли до Большого Невольничьего озера туземцы медленно умирают с голода. Местами оказывается поверхностная помощь больным туберкулезом, недоедающим индейцам и эскимосам, но коренные основы их безнадежного положения остаются нетронутыми. Такие условия преобладали и 20 лет назад и теперь»²⁵. Следует иметь в виду, что канадское правительство до начала 50-х годов XX в. мало интересовалось экономическим освоением и развитием своих северных территорий, и их коренное население находилось в полной власти и компетенции торговцев, полицейских и миссионеров. Это были единственные белые, с которыми в течение нескольких десятилетий ограничивались контакты эскимосов Канады с внешним миром. Так, например, в Западно-Канадской Арктике в начале 40-х годов XX в. жило свыше 1500 эскимосов и только 50 белых²⁶.

В целом период между 20 и 50-ми годами не характеризовался какими-либо быстрыми изменениями в этническом развитии эскимосов. Существенные изменения в культуре имели место лишь вначале, при переходе к трапперству, а затем наступил застой. Эскимосская культура, особенно материальная, включила в себя некоторые европейские элементы, но они существовали в рамках традиционной культуры. Этим период господства пушного промысла в экономике эскимосов отличается от следующего периода, начавшегося в 50-х годах, когда европейская культура уже не включалась в рамки традиционной, а разрушала ее.

²⁵ R. Finnie. Canada moves north. London, 1947.

²⁶ «Американский север». М., 1950, стр. 222.

ИЗМЕНЕНИЯ НА КАНАДСКОМ СЕВЕРЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

К началу второй мировой войны эскимосы Канады еще сохраняли в основном традиционный образ жизни, занимаясь морской охотой, трапперством и промыслом оленей карibu.

Годы войны не внесли больших изменений в жизнь коренного населения Канадского Севера. Они лишь познакомили эскимосов с европейским образом жизни военнослужащих военно-воздушных баз²⁷.

Коренные перемены на Канадском Севере, сопровождающиеся уже не включением европейских элементов в традиционную культуру, а ломкой последней, начались лишь около 20 лет назад. Эти резкие перемены были вызваны одновременным действием нескольких причин: военным строительством, широким размахом поисков полезных ископаемых и развитием горной промышленности и одновременно с этим упадком охотничьего промысла в результате истощения запасов промысловых животных и резкого падения цен на меха.

Из военного строительства наибольшее влияние на жизнь эскимосов оказало создание в 1955—1958 гг. на Севере Канады примерно вдоль 68-й параллели линии радарных станций дальнего обнаружения.

В строительстве станций участвовало около 9000 американцев и канадцев. Никогда до этого времени в Канадской Арктике не было такого сравнительно большого количества пришлого населения. Работало на строительстве и небольшое число эскимосов, хотя в целом канадские власти стремились ограничить контакты коренного населения с пришлым²⁸.

Интенсивнее, чем на Аляске, шли в послевоенные годы разведка и промышленное освоение полезных ископаемых Канадского Севера. Особенно усилился этот процесс в последнее десятилетие. Так, летом 1960 г. только поиски нефти вели на Севере Канады 50 геологических партий. Зимой 1959/60 г. в низовьях Макензи

²⁷ R. G. Robertson. Introduction «People of Light and Dark», p. XVI.

²⁸ Ch. Hughes. Under four flags, «Current anthropology», 1965. № 1, p 19.

была вскрыта первая скважина, давшая нефть²⁹. В 1962 г. на севере Баффиновой Земли были открыты залежи 60-процентной железной руды. Ее запасы составляют 100 млн. тон. Для их разработки намечено привлечь эскимосов³⁰.

Надо отметить и начатую в 50-х годах и растущую добычу железной руды в центре Лабрадора, которая уже в 1964 г. обеспечивала около 20% потребности в этом сырье американских металлургических заводов³¹. Открыты и подготавливаются к разработке залежи железной руды на севере этого же полуострова. На западном берегу Гудзонова залива с 1957 по 1962 г. действовал никелевый рудник Ренкин-Инлит, широко использовавший эскимосов в качестве рабочих.

Об интенсивном освоении Канадского Севера в последнее десятилетие наглядно свидетельствует резкое увеличение в федеральном бюджете расходов на развитие этого района. Если за первые 90 лет существования Канадской конфедерации с 1867 по 1957 г. государственные расходы на Северо-Западные территории и территорию Юкон составили в общей сложности около 100 млн. долл., то за одно лишь следующее десятилетие они были не менее 465 млн. долл. Кроме того, частные фирмы затратили с начала 50-х годов большие суммы на геолого-разведочные работы.

В то же время за годы эксплуатации Канадой своих северных районов резко сократились биологические ресурсы последних, те ресурсы, которые искони являлись важнейшими условиями существования коренного населения. Численность оленей карибу сократилась с двух — трех миллионов до 280 тыс. голов, гренландские киты почти истреблены, от стад моржей осталась лишь небольшая часть, численность тюленей уменьшилась во много раз и т. п.³²

²⁹ W. Wonders. Economic change in the Mackenzie Valley Area. «Canadian Geographical Journal», v. LXIII, 1961, N 4, p. 142; W. Mackenzie. Oil and gas in the far North. «Western Mineral and oil Review», v. 34, 1961, N 5, p. 28—33.

³⁰ G. Rowley. A long-neglected arctic Island enters the modern age. «Optima», v. 17, 1967, N 4, p. 166—173.

³¹ Г. А. Агранат. Проблемы освоения зарубежного севера (на примере Аляски, Канадского Севера и Гренландии). Автореф. докт. дисс., М., 1966, стр. 30.

³² Don Ch. Foote. The Canadian North. «Inter-Nord», Paris, 1967, N 9, p. 125—128.

Как уже было сказано, упали и цены на пушнину. В результате с начала 50-х годов значение пушного промысла в экономике эскимосов стало уменьшаться. Если с 1941 по 1945 г. стоимость добываемой на Северо-Западных территориях пушнины лишь один год была немногим менее двух миллионов долларов, а в остальные четыре года выше этой цифры, то в 1956—1960 гг. она колебалась от 700 до 800 тыс. долл. в год. В начале 50-х годов многие трапперы дистрикта Макензи зарабатывали за сезон до 1 тыс. долл. А в 1960—1961 гг. только два из 29 эскимосов-охотников Аклавика получили в год более чем по 400 долл. от продажи пушнины³³.

В целом с 1950 по 1960 г. доходы коренного населения Канадского Севера от охоты и рыболовства сократились на $\frac{1}{3}$, упав до 300 долл. в год на семью³⁴. В районах же расселения эскимосов это падение доходов от традиционных промыслов было значительно более резким. В то же самое время цены на привозные с юга промышленные и продовольственные товары на факториях возросли в два-три раза.

В результате денежные доходы от пушной охоты перестали обеспечивать прожиточный минимум эскимосской семьи. Возврат к натуральному хозяйству не мог явиться выходом из положения. Уменьшившееся количество морского зверя и оленей карибу уже не могло дать прочную основу для существования эскимосов, обеспечить их мясом и шкурами для жилища и одежды. Кроме того, за десятилетия пушного промысла у эскимосов появились новые потребности, удовлетворяемые только привозными товарами.

Особенно почувствовали сокращение промысловой фауны эскимосы карибу, жившие в Бэррен-Граундз к западу от Гудзонова залива и получившие свое название от того, что основным занятием этих людей являлась охота на оленей карибу. В конце XIX — начале XX в. их было

³³ Там же, стр. 126—127; M. Hargrave. Changing settlement patterns among the Mackenzie Eskimos of the Canadian North Western Arctic. «Albertan Geographer» (1965—66), 1966, pp. 25—30; J. Van Stone. Notes on the economy and population shifts of the Eskimos of Southampton Island. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 8, 1960, N 2, p. 83—84.

³⁴ «The significance of communities and social capital in resource development in frontier regions». «Resources Tomorrow», v. 3, Ottawa, 1962, p. 365—375.

2—3 млн. В 1950 г. на севере Канады было 670 тыс. карибу; в 1955 г.— 280 тыс.; в 1959 г.— только 220 тыс. Причины этого сокращения многочисленны и некоторые из них не вполне еще ясны, но основной, по-видимому, является перепромысел. В 1948 г. только в Бэррен-Граундз было убито 100 тыс. карибу, в последующие годы этих животных добывалось намного меньше, но все же в 2—2,5 раза больше, чем ежегодное количество телят в стаде³⁵. В результате стада карибу продолжают катастрофически уменьшаться и, несмотря на ряд ограничений промысла, принятых властями Канады, находятся на пути к исчезновению. В 1957—1958 гг. эскимосы карибу добыли только 15 тыс. животных. Соответственно падает значение карибу в жизни тех эскимосов Бэррен-Граундз, которые хотят сохранить традиционное хозяйство. Большинство эскимосов карибу покинуло традиционные районы обитания в глубине тундры и переселилось на побережье, где они стали заниматься трапперством и морским зверобойным промыслом.

В 1960 г. наиболее многочисленная группа эскимосов карибу побережья жила в поселке Эскимо-Пойнт и вблизи него. Здесь было около 160 человек. На всем же пространстве Бэррен-Граундз оставалось в это время около 120 жителей эскимосов³⁶. В последующие годы их число еще более сократилось. В 1965 г. единственное эскимосское селение в Бэррен-Граундз находилось у оз. Бейкер, сезонные стойбища имелись в долине р. Бак, у оз. Гарри и близ р. Телон. Для этих людей олень карибу по-прежнему остается основным источником средств существования. Но если в прошлом семья эскимосов из Бэррен-Граундз потребляла в год в среднем 150 животных, то в 1964 г. на семью в год пришлось всего по 14 карибу, количество недостаточное ни для нормального питания, ни для обеспечения охотников и их семей одеждой, покрывками для чумов, спальными принадлежностями и т. д.³⁷

³⁵ J. Tener. The Present Status of the Barren-Ground Caribou. «Canadian Geographical Journal», v. LX, 1960, N 3, p. 98—105.

³⁶ W. Oswalt and J. Van Stone. The Future of the Caribou Eskimos. «Anthropologica», N. S., v. II, 1960, N 2, p. 8—9.

³⁷ F. Bruemmer. Koenagnak. An Eskimo of the Barren Land. «Canadian Geographical Journal», v. LXXIV, 1967, N 3, p. 84—91.

В результате упадка традиционной охоты на тюленей и оленей для собственного потребления и товарной пушной охоты эскимосы Канадского Севера с начала 50-х годов XX в. все более активно ищут работу по найму.

В 1955 г. эскимосы начали работать на строительстве радарных станций, в 1956 — на никелевом руднике Ренкин-Инлит, а также на подсобных работах на аэродроме во Фробишер-Бей и в некоторых других местах. В 1958 г. из 10 тыс. эскимосов постоянную работу по найму имели 450 человек, из них сто человек работали в Ренкин-Инлит и почти столько же на аэродроме во Фробишер-Бей. В конце 50-х годов строительство радарных станций было завершено, в начале 60-х годов закрылся рудник Ренкин-Инлит, но в эти же годы расширилось использование эскимосов во Фробишер-Бей и в некоторых других местах. Во Фробишер-Бей в 1962—1963 гг. постоянно работало по найму 79 мужчин или около одной трети мужчин в возрасте от 16 до 69 лет, живших в этом поселке. Среди женщин поселка лишь четыре имели постоянную работу по найму. В Инувике в 1966—1967 гг. имели постоянную работу по найму 68 эскимосов, или 21% самодеятельного эскимосского населения этого поселка³⁸. Нам не удалось найти данных об общей численности эскимосов рабочих и служащих в последние годы.

Есть достаточно указаний на то, что далеко не все эскимосы, желающие перейти от традиционного хозяйства к работе по найму, могут найти ее. И, судя по оценкам некоторых французских исследователей, перспективы получения работы в будущем не улучшатся. По их подсчетам, на Канадском Севере к 1970 г. следует ожидать увеличения самодеятельного эскимосского населения на 3000 человек, а число рабочих мест в промышленности только на 1500 человек³⁹. И нельзя не отметить также, что на равных должностях эскимосы получают от 50 до 80% оклада белых рабочих. Кроме того, эски-

³⁸ L. Nicholson. The problem of the people «Beaver», 1959, Spring, p. 20—24; J. and I. Honigmann. Eskimo townsmen. Ottawa, 1965, p. 68, 70; J. Honigmann. Five Canadian Arctic and Subarctic towns; their native population. Manuscript, 1968, p. 13.

³⁹ Ch. Peguy, A. Moign, J. Moigh, J. Garreau. Chronique arctique, 1965. «Norois», v. 12, 1965, N 48, p. 501—502.

мосы с большим трудом могут получить квалифицированную работу. Правда, компания Гудзонова залива сообщает, что 53 % служащих ее арктических факторий являются эскимосами⁴⁰. Но, по-видимому, они занимают в компании лишь низшие должности.

Небольшая часть эскимосов получает основной доход не от работы по найму и не от охоты, а от художественных промыслов. Так, в поселке Кейп-Дорсет на Баффиновой Земле 70 % работающих жителей получают более 50 % годового дохода от резьбы и рисования по камню. Эскимосы, живущие в этом районе, почти перестали заниматься охотой, покинули старые стойбища и сконцентрировались в Кейп-Дорсет. Они объединены в производственно-сбытовой кооператив, насчитывающий 300 членов. В 1961 г. он продал изделий на 100 тыс. долл. В 1966 г. в поселке было построено 20 новых домов. После этого только 5 семей продолжали жить в стойбищах и заниматься охотой⁴¹. В то же время для подавляющего большинства самостоятельного населения или примерно для двух с половиной тысяч мужчин (в 1965 г.) основным источником средств к существованию оставался пушной промысел.

ИЗМЕНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ТИПОВ РАССЕЛЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ НОВЫЕ ФОРМЫ ЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И ТИПОВ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

За эпоху колонизации Канадой Севера, особенно в XX в., произошли значительные изменения в типе расселения эскимосов, их этнических общностях и в формах быта.

В XIX в. у канадских эскимосов в отличие от их собратьев в Гренландии и на Аляске и от их предшественников эскимосов туле (см. гл. 1) не было постоянных поселений. Они жили общинами, каждая из которых кочевала в пределах определенной территории. Такая кочевая

⁴⁰ P. Nichols. Since the Days of Barter. «People of Light and Dark», p. 23; J. and I. Honigmann. Eskimo townsmen, p. 74.

⁴¹ B. Lewis. Eskimo Stone Boat. «Canadian Geographical Journal», v. LXXV, 1967, N 1, p. 20—25.

община насчитывала в среднем около 100 человек. Ее члены были связаны узами родства, разнообразными формами соседских взаимоотношений, включавших раздел добычи, общие обряды, песенные соревнования и т. д. У иглуликов и некоторых других эскимосов во главе общины стоял старейшина. Зимой каждая община образовывала одно стойбище на морских льдах, и ее члены занимались охотой на тюленей через продушины. Совместная жизнь общины длилась до 5 месяцев в год. На остальное время община расщеплялась на несколько охотничьих групп, насчитывавших каждая от 5 до 50 человек и состоявших из больших или иногда малых семей. Пять-шесть общин, кочевавших в пределах вполне определенной территории, образовывали племя⁴². Как правило, и заключение браков и переход людей из одной общины в другую совершались только в своем племени. Все люди племени говорили на одном диалекте, имели общие обычаи, были связаны друг с другом кровным родством или по браку. И территориально и в самосознании они четко отличали себя от людей из соседних племен. Основой существования таких общин и племен была охота для собственного потребления, лишь на востоке и западе дополнявшаяся торговлей с европейскими китобоями.

У эскимосов большей части Канадской Арктики этот период кончился между 1900 и 1925 гг. с развитием пушной охоты и появлением новой охотничьей техники: капканов, ружей, сетей для ловли тюленей. Члены общин перестают собираться зимой для подледной охоты на тюленей, так как зима становится сезоном охоты на песцов. Вместе с тем с появлением постов компании Гудзонова залива около них или недалеко от них возникают постоянные поселения эскимосов-трапперов. Аборигенный тип расселения сменяется «контактно-традиционным типом» (по терминологии американского исследователя Д. Дамаса). Связи членов прежних кочевых общин между собой постепенно отходят на задний план по сравнению со связями каждого охотника с торговым постом, и община распадается. То же происходит и с племенной общностью. Члены одного племени оказываются связанными с разными торговыми постами, сокращаются внутрисле-

⁴² D. Damas. Eskimo communities then and now. «People of Light and Dark» p. 115—116.

менные торговые связи и другие формы контактов между соплеменниками. И сами члены племени перестают идентифицировать себя как единое целое и начинают именовать себя по местоположению ближайшего торгового поста. Так, племя медных эскимосов расчленяется на три группы: люди Перри Ривер, люди из Батерст Инлит, люди из Коппермайн⁴³. Вместе с тем в этот период почти все эскимосы Канадской Арктики еще сохраняют большую часть своей традиционной материальной и духовной культуры.

Следующий период начинается с 50-х годов XX в. и знаменуется сосредоточением значительной части канадских эскимосов в поселках городского типа и переходом от охоты к работе по найму. Причины концентрации эскимосов в крупных поселках были достаточно подробно проанализированы канадскими исследователями Хонигманном, Дженнессом, Дамасом и др. В этом процессе сыграли свою роль и невозможность или крайняя трудность просуществовать во многих районах Канадского Севера за счет охоты, и расширившиеся по сравнению с предшествующим периодом возможности для получения работы по найму, и стремление многих эскимосов оказаться ближе к агентствам, распределяющим различного рода государственные пособия, и политика канадских властей, направленная в последнее десятилетие на обучение эскимосов новым специальностям, и вовлечение их в промышленность и сферу обслуживания и т. д.

В результате действия этих и других факторов городское эскимосское население в Канадской Арктике выросло почти от нуля в начале 50-х годов до более чем двух тысяч человек, или примерно до 15% всего эскимосского населения, в 1963—1967 гг. Еще выше процент городского населения среди эскимосской молодежи до 20 лет. В 1963 г. оно составляло 58% всей численности этой возрастной группы на Северо-Западных территориях⁴⁴. Сосредоточение в больших поселках людей, исторически принадлежавших к различным кочевым общинам и племенам, привело к дальнейшему исчезновению этих традиционных социальных и этнических общностей. В первые годы, правда, аборигенные кварталы состояли из несколь-

⁴³ D. Damas. Eskimo communities then and now «People of Light and Dark». стр. 117.

⁴⁴ J. Honigmann. Five Canadian Arctic and Subarctic towns, p. 3, 4.

ких лагерей, в каждом из которых жили люди, пришедшие из одного района. Но затем отчасти в связи с переселением в новые дома, отчасти благодаря бракам обособленность отдельных групп переселенцев стала стираться. Они сливаются в один низший (и экономически и социально) слой городского населения. Существенным и новым в этнической истории Американской Арктики является совместное поселение в «туземных» кварталах северных городов эскимосов и индейцев. Так, например, в Вест-энде, квартале Инувика, занятом коренным населением, в 1966 г. рядом жили 450 эскимосов, 130 индейцев и 220 индейско-европейских метисов. В апреле 1967 г. в Инувике жило уже около 600 эскимосов, 200 индейцев и более 300 метисов. Некоторые же домохозяйства квартала образовались в результате браков эскимосов с индейцами или метисами⁴⁵. В Грейт-Уейл-Ривер в 1965 г. жило 328 индейцев и 455 эскимосов. В Черчилле в 1966 г. было 285 индейцев чайпевайев, 86 эскимосов и 223 метиса (потомки от браков евроканадцев с индейцами кри).

Характерной чертой городов Канадской Арктики является наличие сильной сегрегации между коренным населением и временными белыми поселенцами. Очень четко она проявляется, например, в Инувике. Он делится на два квартала: Ист-энд и уже упоминавшийся Вест-энд. Ист-энд состоит из благоустроенных домов со всеми удобствами. Здесь живут 1500 человек, из них лишь 30% принадлежали к числу коренных жителей, остальные временные белые поселенцы. В Вест-энде все дома не имеют современных удобств. Здесь нет ни водопровода, ни канализации, ни центрального отопления. В этом квартале в 1966 г. жили около 900 человек. 90% их — эскимосы, индейцы и метисы, а 10% белые старожилы. Сегрегация в городах чувствуется не только в полностью или преимущественно раздельном расселении и в качестве жилья, но и во многих других отношениях. Так, во Фробишере даже в столовых эскимосы и белые обычно едят в разных помещениях, хотя бывают и исключения. Как отме-

⁴⁵ J. Honigmann. Preliminary Report on Fieldwork in Inuvik, N. W. T. Manuscript, 1967, p. 2.; он же. Integration of Canadian Eskimo, Indians and other persons of native ancestry in modern economic and public life: evidence from Inuvik. M. S., 1969, p. 5.

чает Дж. Хонигманн, во Фробишере «существует невидимая, но твердая граница, разделяющая эскимосов и евроканадцев почти во всем»⁴⁶. В ряде мест эскимосы и белые работают вместе, но вне работы они проводят время порознь. В этих условиях эскимосы и индейцы, положение которых по отношению к господствующему белому населению примерно одинаково, забывают о своей прежней вражде и различиях и начинают чувствовать себя единым низшим слоем городского населения, угнетаемым белой верхушкой.

В результате школьного обучения молодежи из числа коренного населения и усвоения ею английского языка исчезает прежний языковой барьер, разделявший в прошлом эскимосов и индейцев. Это облегчает формирование их в единый недифференцированный этнически слой городского населения. Прежние этнические различия между индейцами и эскимосами играют в городах Канадской Арктики все меньшую роль. На смену им приходит новая социально-этническая категория «северяне», к которой причисляют себя эскимосы, индейцы, метисы и бедные белые старожилы⁴⁷. С другой стороны, не наблюдается сколько-нибудь заметного уменьшения сегрегации белого и коренного населения. Напротив, в ряде мест, особенно в Западно-Канадской Арктике, а в последнее время и на ее северо-востоке растет вражда между низшим слоем городского населения, состоящим из коренных жителей, и белой господствующей верхушкой. Американский этнограф Н. Грейберн, специально исследовавший межрасовые отношения в Канадской Арктике, пришел к выводу, что, если не произойдет каких-либо коренных перемен, то процесс поляризации белых, с одной стороны, и эскимосов и индейцев, с другой, будет продолжаться. В конечном счете он приведет к образованию в каждом поселке двух «каст»: господствующей белой и зависимой от нее «туземной», включающей эскимосов и индейцев. Члены низшей «касты» по-прежнему будут составлять наиболее низкооплачиваемую группу работающего населения и будут вести свою жизнь, отличную от жизни белых⁴⁸. Чтобы избежать та-

⁴⁶ J. and I. Honigmann. Eskimo townsmen, p. 121.

⁴⁷ A. Ervin. Conflicting Styles of Life in a Northern Canadian Town. «Arctic», v. 22, 1969, N2, p. 96, 97, 103 and others.

⁴⁸ N. Graburn. Mixed communities. «People of Light and Dark», p. 121—127.

кого положения, некоторые исследователи и практические работники Севера предлагают переселить его жителей в несколько больших городов, где оно быстро усвоит евроканадский образ жизни.

Крайнюю точку зрения по этому вопросу занимает Д. Дженнесс, полагающий, что переселение коренных жителей Севера на юг Канады и их ассимиляция являются единственной возможностью решить хотя бы часть экономических и других проблем аборигенов Севера⁴⁹. На наш взгляд, такая мера, несмотря на самые хорошие желания Д. Дженнесса и других ее сторонников, привела бы лишь к превращению эскимосов и индейцев, переселенных из Арктики, в наименее обеспеченную и наиболее приниженную часть населения больших городов.

Вот уже полтора десятилетия как Канада после почти векового периода безразличия к своей Арктике пытается решить проблемы коренного населения. Заметные суммы затрачиваются на социальную помощь жителям Крайнего Севера, на развитие здравоохранения и школьного обучения, на устройство различного рода центров по обучению новым специальностям и т. д. Несомненно, что за прошедшее время достигнуты определенные положительные результаты.

В последние годы не было сообщений о массовых голодовках среди эскимосов, о смерти от голода, в результате снижения смертности растет численность канадских эскимосов. В 1951 г. их было 9,7 тыс. человек, в 1961 г.— 12 тыс., в 1966 г.— 13 тыс., в настоящее время около 15 тыс. человек⁵⁰. У эскимосов, работающих по найму, несколько повысился материальный уровень жизни, хотя по-прежнему они заняты на неквалифицированных и малооплачиваемых работах⁵¹.

И все же результаты явно не соответствуют затрачиваемым на коренное население Канадской Арктики государственным средствам. Как и все последние десятилетия, эскимосы не имеют устойчивых и достаточных средств к существованию и во многих местах лишь социальные пособия обеспечивают прожиточный мини-

⁴⁹ D. Jenness. Eskimo Administration II. Canada, p. 174—175, 178.

⁵⁰ P. Camu, E. Weeks, Z. Sametz. Economic Geography of Canada. Toronto, 1964, p. 41; D. Jenness. Eskimo Administration V. Analysis and Reflections. Montreal, 1968, p. 28.

⁵¹ J. Honigmann. Integration of Canadian Eskimo, p. 3.

мум⁵². Не решены вопросы социального развития коренного населения, его взаимоотношений со все возрастающим на Севере числом временных белых жителей. Проблема эскимосского, как и индейского национального меньшинства Канадского Севера, остается открытой и путей для ее радикального решения при современных условиях не видно.

⁵² S. Arbess. Economic Realities and Political Development. The George River Case. «Anthropologica», v. IX, 1967, N 2, p. 65, 66, 68.

Глава четвертая

ЭСКИМОСЫ И ЕВРОПЕЙЦЫ НА ЛАБРАДОРЕ (ПРОВИНЦИЯ НЬЮФАУНДЛЕНД — ЛАБРАДОР)

РАННИЕ КОНТАКТЫ ЭСКИМОСОВ ЮЖНОГО ЛАБРАДОРА С ЕВРОПЕЙЦАМИ

Первые встречи коренных жителей Лабрадора с европейцами, вероятно, имели место еще в период норманнской колонизации. В древних исландских сагах рассказывается о нескольких путешествиях норманнов в Винландию. Так, в «Саге об Эрике Рыжем» повествуется, в частности, о том, как Торфин Карлсефни во время своего путешествия в Винландию в 1003—1006 гг. встретил скрелингов в Маркландии. В саге говорится об этой встрече следующее: «Однажды рано утром, когда они (норманны. — Л. Ф.) осмотрелись, они увидели девять кожаных лодок, и деревянные шесты колыхались над этими кораблями и производили шум как молотильные цепи, и двигались путем солнца. Люди Карлсефни приняли это за знак мира и подняли перед собой белый щит. Тогда незнакомцы подгребли к ним, и изумились, и вышли на берег. Они были маленького роста и некрасивыми и волосы у них на головах были некрасивыми: глаза у них были большими, и они были широкими в скулах. И они оставались там и удивлялись, затем стали грести прочь и поплыли на юг от мыса»¹.

Анализируя «Сагу об Эрике Рыжем», Э. Хокс доказывал, что в ней идет речь о встрече именно с эскимосами, а не с индейцами. Об этом свидетельствует и упоминание о кожаных лодках, и то, что движение весел напоминало норманнам движение цепов при молотье.

¹ Цит. по книге: *D. Jenness. Eskimo Administration III. Labrador. Montreal, 1965, p. 7.*

Такие ассоциации скорее всего могли вызвать эскимосские двухлопастные весла². Позднее К. Биркет-Смит высказал предположение, что Маркландия соответствует юго-восточной части Лабрадора и что люди, встреченные Карлсефни, были эскимосами³.

Несколько лет назад упоминания в сагах о путешествиях норманнов на северо-восток американского континента были подтверждены несколькими археологическими находками. Так, в 1961—1964 гг. на Севере Ньюфаундленда Х. Ингстадом были раскопаны остатки жилищ норманнов, датируемые радиоуглеродом примерно 1000 г. н. э.⁴ При этих раскопках не было найдено никаких вещественных свидетельств контактов обитателей найденных жилищ с коренными жителями Лабрадора. Последние археологические раскопки на Лабрадоре и Ньюфаундленде показывают, что юго-восточное побережье Лабрадора и Север Ньюфаундленда в период норманнских путешествий посещались эскимосами дорсет. Но, насколько можно судить по опубликованным данным, в их культуре не прослеживается никаких следов норманнского влияния⁵. По-видимому, встречи норманнов с эскимосами, если они имели место, носили случайный характер и не оказали влияние на культуру последних.

В 1497 г. у берегов Ньюфаундленда и Лабрадора побывал Джон Кабот, которому официально принадлежит честь открытия этих земель. Он видел «туземцев», но не встречался с ними. Зато его сын Себастьян Кабот из своего плавания в 1501 г. в эти же места привез английскому королю Генриху VII трех «дикарей», которые, судя по описанию, скорее всего были эскимосами, а не индейцами. В том же 1501 г. португальский мореплаватель Гаспар Кортереал привез домой с Ньюфаундленда 57 индейцев беотуков⁶.

В начале XVI в. Португалия собиралась организовать вывоз рабов с Ньюфаундленда и Лабрадора. К сча-

² E. Hawkes. The Labrador Eskimos. Ottawa, 1916.

³ K. Birket-Smith. The Eskimos. London, 1959, p. 13.

⁴ H. Ingstad. Vesterveg til Vinland. Oslo, 1965.

⁵ E. Harp. The Cultural Affinities of the Newfoundland — Dorset Eskimo. Ottawa, 1964.

⁶ H. Kleivan. The Eskimos of Northeast Labrador. A history of Eskimo-White relations 1771—1955. Oslo, 1966, p. 20.

стью, этим проектам не суждено было осуществиться, что спасло коренных жителей Северо-Востока Америки от участи африканских негров.

Вместо работорговцев у южных берегов Лабрадора и Ньюфаундленда стали все чаще появляться португальские рыболовные суда. Почти сразу же к ним присоединились и французские рыбаки. В 1547 г. по меньшей мере 100 французских рыболовных судов промыслили в этом районе⁷. Тем не менее в литературе о рыболовстве и исследовательских плаваниях XVI в. у юго-восточных берегов Лабрадора есть только несколько упоминаний о том, что моряки видели эскимосов. Весьма показательно, что ни Ж. Картье, который в 1534 г. тщательно обследовал берега пролива Белл-Айл, отделяющего остров Ньюфаундленд от Лабрадора, ни члены еще нескольких экспедиций, посетивших в эти годы названный пролив, не видели ни одного эскимоса. Автор одной из первых сводных работ об открытии и исследовании Лабрадора В. Гозлинг интерпретировал эти данные как свидетельство того, что эскимосы в XVI в. редко посещали берег пролива Белл-Айл и что затем лишь «желание получать европейские товары, лодки и железные инструменты увлекло их так далеко на юг»⁸. Это предположение Гозлинга было подтверждено впоследствии результатами археологических раскопок. Так, Дж. Бёрд установил, что лишь незадолго до открытия Лабрадора Дж. Каботом эскимосы, распространяясь с севера на юг, заселили район Хопдейла, лежащий, кстати сказать, на несколько сот километров к северу от пролива Белл-Айл — на 55° с. ш.⁹

Таким образом, в XVI в. эскимосы не только не жили, но и редко бывали на юго-востоке Лабрадора. Европейские же рыбаки в XVI и XVII вв. не заходили к северу дальше залива Гамильтон, т. е. примерно 54° с. ш.

Поэтому в XVI в., по-видимому, не имели места сколько-нибудь значительные контакты европейцев с эскимосами, достаточные для того, чтобы оказать заметное влияние на культуру последних.

⁷ Там же.

⁸ W. Gosling. Labrador: its Discovery, Exploration and Development. London, 1910, p. 18.

⁹ J. Bird. Archaeology of the Hopedale Area. Labrador. N. Y., 1945.

ИСТРЕБЛЕНИЕ И АССИМИЛЯЦИИ ЭСКИМОСОВ ЮЖНОГО ЛАБРАДОРА

В XVII в. в отличие от XVI в. на Юго-Востоке Лабрадора жило довольно большое число эскимосов, по-видимому, занимавших территорию вдоль северного побережья залива Святого Лаврентия на запад до Мингана. Численность этого эскимосского населения не установлена. Цифра 30 тыс. человек, которую дают для эскимосов северного побережья пролива Белл-Айл английские и французские путешественники конца XVII—начала XVIII в., представляется произвольной и крайне завышенной¹⁰. Эскимосское охотничье хозяйство было слишком экстенсивным, чтобы допустить сосредоточение на небольшом пространстве такого большого сгустка населения. А других оценок численности эскимосов Юго-Востока и Юга Лабрадора для XVII в. и первой половины XVIII в. не имеется.

В XVII в. вдоль северного побережья залива Св. Лаврентия двигались с запада на восток французские колонисты. Они поощряли индейцев монтанье, обитавших в это время западнее Мингана, заниматься пушной охотой. В обмен на меха французы снабжали индейцев огнестрельным оружием. В поисках пушного зверя индейцы двинулись на восток и стали теснить эскимосов. Так, в результате французской колонизации Юга Лабрадора между индейцами и эскимосами разгорелась кровопролитная борьба, длившаяся с небольшими перерывами около полутора столетий.

В этот период эскимосы Лабрадора приобрели среди европейцев славу свирепых и кровожадных дикарей. В литературе сохранились различные описания убийства ими европейцев, например четырех французов, служащих торгового поста, открытого в 1702 г. Кутерманчем на лабрадорской стороне пролива Белл-Айл. Однако, как писал анонимный автор, побывавший на этом посту что-то около 1715 г., воинственность эскимосов и их нападения на европейцев были лишь средством самозащиты. По словам этого автора, европейцы, начиная с первых встреч с эскимосами Лабрадора, плохо обращались

¹⁰ *E. Hawkes. The Labrador Eskimo. Ottawa, 1916, p. 15, 22.*

с ними, убивали их и совершали различные бесчинства. И эскимосам ничего не оставалось, как мстить. По своей же природе эскимосы не кровожадные, а добрые и робкие люди¹¹.

В противоположность многочисленным сведениям о военных столкновениях в документах и литературе XVII в. и первой половины XVIII в. имеется лишь несколько сообщений о торговых сделках европейцев с эскимосами. Так, летом 1742 г. с эскимосами торговало французское рыболовное судно. Х. Клейван полагает, что в середине XVIII в. французские торговцы покупали у эскимосов китовый ус и жир в обмен на европейские товары и что основным местом встречи торговцев с эскимосами были берега залива Гамильтон¹². Очевидно, торговля эта осуществлялась в короткие периоды мирных передышек.

Прекращение войн на Лабрадоре и начало постоянных контактов эскимосской и европейской культур было связано с усилиями миссионеров протестантского ордена моравских братьев. Начав свою деятельность среди коренного населения Западной Гренландии в 40-х годах XVIII в., этот орден с 1752 г. пытается распространить свое влияние на эскимосов Лабрадора. В этом он старался заручиться поддержкой английских властей, так как еще по Утрехтскому миру 1713 г. Франция признала Лабрадор английским владением. В 1763 г. Лабрадор был отдан Англией под юрисдикцию Ньюфаундленда. А уже на следующий год моравский миссионер Хавен обратился к губернатору Ньюфаундленда Хьюго Палласеру со следующим предложением: губернатор отдаст эскимосов под власть моравских миссионеров, а те не только распространят среди них христианство, но и «соединят этот народ с английской нацией». В 1765 г. Палласер издал приказ об установлении связей и торговли с «эскимосами-дикарями» на берегу Лабрадора. В этом приказе содержится запрещение европейцам нападать на эскимосов, так как это противно чувству гуманности и мешает усилиям его величества убедить эскимосов торговать с его подданными. Как справедливо

¹¹ Цит. по книге: *H. Kleivan. The Eskimos of Northeast Labrador*, p. 22.

¹² Там же.

пишет Клейван, вторая из названных причин, конечно, была главной¹³. Нам кажется, что стремление помириться с эскимосами было связано и с желанием Англии окончательно вытеснить с Лабрадора французских торговцев, связанных преимущественно с индейцами.

В 1769 г. первой моравской миссии в Нейне было пожаловано английскими властями 100 тыс. акров земли, а также право на монопольную торговлю с эскимосами и судебную власть над ними¹⁴. К этому времени борьба между индейцами и эскимосами привела к сокращению численности последних на Юго-Востоке Лабрадора (южнее залива Гамильтон).

В 1765 г. первый моравский миссионер на Лабрадоре Иенс Хавен встретил группу в 400 эскимосов у залива Шато на юге полуострова. По-видимому, это были последние остатки эскимосского населения на южном побережье. В 1793 г. лейтенант Куртис насчитал 270 эскимосов на участке атлантического побережья Лабрадора — от пролива Белл-Айл до Нейна¹⁵.

После заключения в 1765 г. мира между эскимосами Южного Лабрадора, с одной стороны, и европейцами и индейцами, с другой, белые рыбаки, трапперы, торговцы быстро заселили Южный Лабрадор, т. е. район к югу от залива Гамильтон. Тесные контакты между эскимосами и европейскими поселенцами и особенно смешанные браки привели к ассимиляции эскимосов Южного Лабрадора. В 1798 г. капитан Крофтон, наблюдавший эскимосов побережья пролива Белл-Айл, писал, что они носят европейскую одежду и пользуются огнестрельным оружием¹⁶.

Контакты с европейцами привели также к повышению смертности в результате распространения ранее неизвестных здесь эпидемических болезней и к снижению рождаемости вследствие венерических болезней. В XIX в. остатки эскимосов Южного Лабрадора концентрировались у залива Гамильтон. В 1824 г. здесь жило 100 взрослых эскимосов и 60 детей. К середине XIX в. боль-

¹³ Цит. по книге: *H. Kleivan. The Eskimos of Northeast Labrador*, p. 24—25.

¹⁴ *F. Peacock. The Moravian Mission in Labrador. «Canadian Geographical Journal»*, v. LX, 1960, N 5, p. 82—89.

¹⁵ *D. Jenness. Eskimo Administration III. Labrador. Montreal*, p. 9—10.

¹⁶ *W. Gosling. Указ. соч.*, стр. 211.

шая часть этих эскимосов ассимилировалась или вымерла. Здесь же жили 60 метисов, 90 европейских поселенцев или, как их называют, сеттлеров и 16 сеттлеров-канадцев. В 1857 г. моравский миссионер обнаружил здесь только 10 эскимосских семей из 31 семьи, жившей у залива Гамильтон. В 1908 г. в этом районе жило 15 эскимосских семей, сохранявших еще родной язык, но знавших и английский. В 1914 г. у Сандвичевой бухты (к югу от залива Гамильтон) Э. Хокс обнаружил двух эскимосских женщин, не знавших родного языка. Они были женами сеттлеров¹⁷. В 1937 г. В. Таннер насчитал в районе залива Гамильтон 11 семей, происходивших от эскимосов, но ни по своим занятиям, ни по культуре, ни по языку они не отличались от сеттлеров. К этому времени можно, на наш взгляд, считать полностью завершившейся ассимиляцию эскимосского населения Южного Лабрадора европейцами.

СЕТТЛЕРЫ

Своеобразную этническую группу населения Северного Лабрадора, т. е. района к северу от залива Гамильтон, или точнее, от мыса Гаррисон, составляют сеттлеры. Как отмечалось, они появились на Юго-Востоке Лабрадора во второй половине XVIII в. Но до 30—40-х годов XIX в. они не селились севернее берегов залива Гамильтон. В 1824 г. здесь наряду со 160 эскимосами жили, как было сказано выше, 166 европейских поселенцев и их потомков от браков с эскимосами. Национальный состав этих поселенцев был довольно пестрым. Среди них были люди норвежского, франко-канадского, шотландского, ирландского, валлийского происхождения. Люди, говорившие по-английски, по своей численности преобладали над другими группами поселенцев. После 1830 г. значительная часть поселенцев, живших в районе залива Гамильтон, двинулась на север. В ходе этого процесса поселенцы обычно меняли несколько мест прежде чем окончательно оседали. К 1846 г. их потомки достигли Нейна. Первоначально большая часть этих колонистов занималась торговлей с эскимосами, пытаясь конкурировать в

¹⁷ *E. Hawkes. Указ. соч., стр. 15.*

этом отношении с миссионерами¹⁸. Последние энергично противились этому. Они запрещали европейским колонистам селиться в эскимосских поселках, созданных при миссиях, а своей пастве запрещали всякое общение с этими колонистами. Тем не менее такое общение имело место. Во-первых, большинство колонистов первого поколения женились на эскимосках. Во-вторых, некоторые эскимосы из поселков при миссиях тайно переселялись на время к сеттлерам и работали на них (охотились, ловили рыбу, заготавливали дрова и т. п.) в обмен на европейские товары. В ходе этого общения эскимосы знакомились с европейским образом жизни.

Отрицательное отношение миссионеров к подобным контактам выражено, например, в письме, посланном в 1849 г. миссионером из Хопдейла своему духовному начальству. В нем говорится, что «приток колонистов с юга все возрастает во вред и на погибель бедных эскимосов»¹⁹. Несмотря на сопротивление миссионеров, довольно тесные связи между эскимосами и колонистами сохранялись в течение двух—трех десятилетий. Но затем, примерно с 60—70-х годов XIX в., они резко сократились. С одной стороны, это было результатом укрепления власти ордена моравских братьев над своей эскимосской паствой, с другой, следствием того, что колонисты, переняв необходимые навыки у эскимосов, оставили торговлю и стали охотниками и рыбаками.

После этого у эскимосов миссий пропал интерес к колонистам, так как у них уже нельзя было получать европейские товары. Сеттлеры, приспособившись к местным условиям жизни, также больше не нуждались в эскимосах. И если колонисты первого поколения, приехавшие на Лабрадор без женщин, по необходимости женились на эскимосках, то их потомки предпочитали вступать в браки в своей среде²⁰.

Отсутствие притока на Лабрадор новых европейских переселенцев способствовало формированию из колонистов особой этнической группы — сеттлеров. От своих отцов колонисты второго поколения унаследовали англий-

¹⁸ *H. Kleivan. The Eskimos of Northeast Labrador, p. 92—93.*

¹⁹ «Periodical Accounts relating to the work of the Moravian Missions», 1850, p. 292. Цит. по книге: *H. Kleivan. The Eskimos of Northeast Labrador, p. 93.*

²⁰ Там же, стр. 99—100.

ский язык, некоторые европейские традиции и представление о своей принадлежности к европейцам. От матерей-эскимосок, а также от их родственников колонисты второго поколения получили знание эскимосского языка, обычаев и поверий. Охотничье-рыболовческое хозяйство колонистов потребовало усвоения ими многих элементов образа жизни эскимосов, основных приемов охоты коренного населения. Так возникли сеттлеры, двуязычная этническая группа, сочетающая в своей культуре европейские и эскимосские черты, но считающая себя чистыми европейцами.

Подавляющее большинство сеттлеров жило и живет до сих пор в южной части Северного Лабрадора на участке побережья от залива Гамильтон на юге до Нейна на севере. Далее к северу живут лишь несколько семей сеттлеров, главы которых работают по найму.

Некоторое представление о численности сеттлеров на Северном Лабрадоре и их географическом размещении дают следующие цифры²¹. В 1905 г. в районе поселка Макковик жило 138 сеттлеров, в районе Хопдейла 110, в районе Нейна 54, далее вплоть до северной оконечности Лабрадора — 17 человек, т. е. всего 319 сеттлеров. В 1908 г. по подсчетам миссионеров на Северном Лабрадоре было 994 эскимоса и 310 сеттлеров. К 1953 г. численность эскимосов на Северном Лабрадоре уменьшилась до 700 человек, а численность сеттлеров, главным образом за счет естественного прироста, увеличилась до 430 человек, и это, несмотря на то, что в начале 50-х годов XX в. многие сеттлеры покинули Северный Лабрадор, переселившись в район американской военной базы Гуз-бей к югу от залива Гамильтон.

В процентном отношении численность сеттлеров и эскимосов на Северном Лабрадоре менялась следующим образом:

	1883 г.	1893 г.	1907 г.	1911 г.	1952—1953 гг.
Сеттлеров	17	20	24	25	38
Эскимосов	83	80	76	75	62

²¹ Нижеприводимый статистический материал взят из следующих работ: V. Tanner. Outlines of the geography, life and customs of Newfoundland-Labrador

Как отмечает Х. Клейван, рождаемость у сеттлеров была примерно такая же, как у эскимосов, а смертность во много раз меньше. Так, от эпидемии инфлюэнцы в 1918 г. умерло 340 эскимосов или 1/3 всех эскимосов Северного Лабрадора и только один сеттлер.

Со своего появления на Северном Лабрадоре сеттлеры жили не в селениях, а семейными хуторами по берегам небольших бухт. Выбор мест для этих хуторов определялся близостью охотничьих и рыболовных угодий, не использовавшихся эскимосами, а также леса. Типичным жилищем сеттлеров были бревенчатые хижины. Приемы охоты и рыболовства не отличались от эскимосских.

Антропологически почти все сеттлеры к XX в. были метисами, имея бóльшую или меньшую примесь эскимосской крови.

Как уже отмечалось, хотя английский является основным языком в семьях сеттлеров, некоторые из них пользуются в быту эскимосским языком.

Несмотря на все это, все сеттлеры, даже те, у кого эскимосская кровь преобладает, считают себя белыми, а свою культуру европейской. Как подчеркивает Х. Клейван, они предпочитают помнить только своих европейских, но не эскимосских родственников и относятся к эскимосам как к низшим. Со своей стороны эскимосы прекрасно понимают, что все сеттлеры по крови частично эскимосы и называют их каблунангайок — человек, напоминающий белого.

В XIX в. этот термин применялся эскимосами только к потомкам от смешанных браков, но в XX в. он был распространен на всех сеттлеров²². В понимании эскимосов с этим термином ассоциируется не только физическое сходство с белым человеком, но и определенные черты культуры, которых мы касались выше. Эскимосы считают сеттлеров хуже себя. Пренебрежительному отношению эскимосов к сеттлерам, вероятно, способствует то обстоятельство, что общеобразовательный уровень эскимосов значительно выше, чем сеттлеров. До последнего времени большинство детей сеттлеров из-за разбросан-

v. II. Cambridge, 1947, p. 466, 467, 472; D. Jenness. Eskimo Administration III. Labrador, p. 10, 56; H. Kleivan. The Eskimos of Northeast Labrador, p. 94—96.

²² H. Kleivan. The Eskimos of Northeast Labrador, p. 90—91, 100—101.

ного характера расселения не посещало школу, тогда как у эскимосов усилиями моравских миссионеров уже к 80-м годам XIX в. большинство детей получало начальное образование на родном языке. С 20-х годов XX в. часть детей сеттлеров стала учиться в миссионерских школах с интернатами. До 1950 г. дети сеттлеров и эскимосов обучались в отдельных классах с преподаванием соответственно на английском и на эскимосском языках. Раздельное обучение способствовало расовому антагонизму между детьми. В 1950 г. обучение во всех школах Лабрадора было переведено на английский язык, отдельные классы для сеттлеров и эскимосов были ликвидированы и, по утверждению Клейвана, уже к 1955 г. расовый антагонизм между детьми значительно ослаб²³.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОРАВСКИХ МИССИЙ НА СЕВЕРНОМ ЛАБРАДОРЕ

Если бы эскимосы Лабрадора испытывали влияние только рыбаков и поселенцев, то к северу от Нейна они до начала XX в. сохранили бы более или менее самобытную культуру. Но фактически эскимосы Северного Лабрадора оказались под сильным влиянием вышеупомянутых протестантских миссионеров (моравских братьев).

Как уже было сказано, в 1769 г. орден получил привилегии на земли, на монопольную торговлю с эскимосами и на судебную власть над ними. Эскимосы враждебно встретили миссионеров и только в 1771 г. тем удалось основать первую миссию. Нижеследующая таблица дает представление о периоде существования моравских миссий (даты даются по Клейвану).

При миссиях создавались поселки, в которых жили крещенные эскимосы. К концу XVIII в. их насчитывалось 85 человек, 30 из них жили в Нейне, 33 — в Хопдейле и 22 — в Оккаке²⁴. Примерно в это время миссионеры развернули кампанию по отделению крещенных эскимосов от некрещенных. На последних оказывалось экономическое давление. Миссионеры запрещали эскимосам, не желавшим креститься, селиться вблизи миссий, сгоняли их с прежних мест поселения, если те оказывались на

²³ Там же, стр. 104—105.

²⁴ E. Hawkes. Указ. соч., стр. 19

Место	Годы	Примечания
Киллинек	1904—1924	Таннер и Дженнесс дают несколько иные даты основания отдельных миссий, например, 1770 г. для Нейна или 1954 г. для Хэппи Вэлли
Рамах	1871—1907	
Хиброн	1830—1959	
Нейн	1771 — до наст. времени	
Зоар	1865—1890	
Хопдейл	1787 — до наст. времени	Эти две миссии основаны в связи с переселением эскимосов с севера на юг в район военно-воздушной базы Гуз-Бей
Макковик	1896 то же	
Хэппи Вэлли	1957 »	
Нос Вест Ривер	1960 »	

землях, дарованных английским правительством миссиям. Более того, известны случаи, когда миссионеры сгоняли не желавших креститься эскимосов и с земель, не отведенных миссиям по королевскому указу.

Обращенным эскимосам запрещалось общаться со своими некрещеными собратьями. Это искусственное деление разрывало традиционную экономическую кооперацию и социальные связи между отдельными семьями и группами семей. В то же время оно вынуждало эскимосов креститься. С начала XIX в. темпы крещения значительно возросли, и в 1840 г. в поселках при миссиях жили 1034 эскимоса-христианина²⁵. В 1861 г., по свидетельству миссионера Рейхела, из 1500 эскимосов Северного Лабрадора 1163 жили в селениях при миссиях²⁶. На рубеже XX в. на Крайнем Севере Лабрадора у залива Эклипс жили последние 30 эскимосов-язычников. Вскоре и они были обращены в христианство.

Миссионеры стремились возможно полнее подчинить эскимосов своему влиянию и поэтому препятствовали их общению с сеттлерами и моряками с рыболовных шхун.

Скупая у эскимосов пушнину, рыбу и некоторые другие продукты, миссионеры были заинтересованы в сохранении эскимосами промыслового хозяйства. До последних лет миссионеры считали, что охотничий образ жизни является идеальным для эскимосов и наилучшим

²⁵ *E. Hawkes*. Указ. соч., стр. 19.

²⁶ «Periodical Accounts Relating to the work of the Moravian Missions». London, 1862, p. 277.

Цит. по книге; *H. Kleivan*. The Eskimo of Northeast Labrador, p. 35.

образом защищает их от «грехов» цивилизации. По словам Таннера, политика моравских братьев заключалась в том, чтобы «сделать эскимоса лучшим эскимосом»²⁷. Такая политика несколько замедляла процесс исчезновения самобытной эскимосской культуры на Северном Лабрадоре.

Вместе с тем длительный контакт с миссионерами многое изменил в жизни эскимосов. Изменился характер хозяйства: оно перестало быть натуральным. Миссионеры снабжали эскимосов огнестрельным оружием, железными изделиями, тканями для одежды, привозными пищевыми припасами.

Миссионеры всячески поощряли охоту на пушного зверя. Они давали эскимосам своих поселков капканы на время охоты²⁸. К сожалению, нет сведений, как эскимосы оплачивали орудия промысла, полученные в миссиях. В результате постоянного ввоза огнестрельного оружия ружья у эскимосов Лабрадора сменили лук раньше, чем у большинства других эскимосских групп. Последний случай употребления лука отмечен в 1877 г., когда эскимосы около Литтл Уейл Ривер, на западном побережье Лабрадора, убили из лука несколько карибу²⁹.

В то же время для охоты на тюленей еще в конце 1930-х годов эскимосы Лабрадора наряду с ружьем продолжали пользоваться гарпунами. В начале XIX в. миссионеры обучили эскимосов ловить тюленей сетями, ранее применявшимися только на южном берегу Лабрадора, и стали давать им сети на время промысла. Миссионеры также содействовали развитию у эскимосов товарного рыболовства, которое во второй половине XIX в. приобрело большие размеры и частично вытеснило совпадавшие с ним по сезону промысла весенний лов тюленей и летнюю охоту на оленей. Это вызвало нехватку мяса, которое пришлось заменять покупными съестными припасами. При торговле применялась система кредитования эскимосов европейскими промышленными изделиями и продовольствием с последующим погашением кредита продукцией охоты и рыболовства³⁰. Расчет день-

²⁷ V. Tanner. Указ. соч., т. II, стр. 561.

²⁸ Там же, стр. 535.

²⁹ Там же, стр. 528.

³⁰ Там же, стр. 536—538.

гами совершенно не применялся. При такой системе эскимосы становились постоянными должниками своих духовных пастырей. Сочетая торговлю с религиозной пропагандой, миссии не только получали значительный доход, но и укрепляли свое господство над эскимосами.

Длительное общение с миссионерами и сеттлерами повело к изменениям не только в соотношении отраслей промыслового хозяйства и в орудиях промысла, но и в средствах передвижения, пище, жилище, одежде. Развитие товарного рыболовства привело к тому, что уже к середине XIX в. умиаки в значительной мере были вытеснены покупными деревянными ботами водоизмещением в 8 т, которые больше годились для рыбной ловли. С 1861 по 1876 г. число таких ботов и других деревянных лодок у эскимосов Хопдейла, Нейна, Оккака и Хиброна увеличилось со 117 до 237, а число умиаков уменьшилось с 14 до 4, каяков — с 214 до 154. К концу XIX в. умиаками совершенно перестали пользоваться. Каяки вышли из употребления несколько позднее — в 20—30-х годах XX в. В это же время богатые эскимосы стали приобретать и применять на промысле моторные лодки, что в несколько раз увеличило добычливость морской охоты³¹. Это способствовало увеличению имущественного неравенства между теми, у кого были моторные лодки, и теми, кто не мог их приобрести.

Значительные изменения произошли в пищевом рационе. По свидетельству Рейхела, уже в 1861 г. для эскимосов стали необходимыми черная патока, сахар, сухари и другие привозные пищевые продукты. Но все же даже в начале XX в. основой рациона являлось мясо, покупные продукты лишь дополняли мясную диету³².

К концу XIX — началу XX в. всюду, кроме Хиброна, исчезли старые зимние общинные жилища из торфа и камня, и эскимосы поселились в односемейных деревянных домах и лачугах вокруг моравских миссий. Летнее передвижное жилище — палатка из шкур — была заменена матерчатой палаткой. Железная печка сменила жировую лампу³³.

³¹ V. Tanner. Указ. соч., т. II, стр. 527.

³² Там же, стр. 526, 784.

³³ «A Survey of the aboriginal population of Quebec and Labrador», p. 98; V. Tanner. Указ. соч., стр. 515—520.

Деревянные жилища требовали для отопления много дров. Кроме того, миссионеры возложили на свою паству обязанность отапливать церковь и большие миссионерские дома. Это довольно быстро привело к сведению тех небольших лесов, которые имелись вблизи поселков. Уже в конце XIX в. эскимосы Северного Лабрадора вынуждены были ездить за дровами на собаках за 20—30 км. Это сокращало число людей, занятых производственным трудом. Например, в Хиброне поездки за топливом отнимали около трети трудового времени мужчин-охотников. Кстати сказать, это явилось одной из причин оставления этого поселка его жителями (см. ниже).

Наряду с жилищами ушел в прошлое традиционный костюм. В начале XX в. на большей части Лабрадора уже не носили одежду из шкур. Она сохранялась лишь у эскимосов, живших вокруг миссии Киллинек на крайнем севере полуострова. Остальные эскимосы носили матерчатые парки, плащи, резиновые сапоги и другую покупную одежду³⁴.

С развитием товарного хозяйства рвались прежние социально-экономические связи человека с членами его общины, переставали соблюдаться коллективистские нормы раздела добычи. Индивидуализация производства и потребления сопровождалась переходом из многосемейных жилищ в односемейные. Развивалось имущественное неравенство. Более богатые эскимосы могли иметь в больших количествах европейские орудия промысла: капканы, тюленьи сети, позднее они могли приобрести и моторную лодку. Владение такими средствами производства ставило их хозяев в более выгодное положение по сравнению с их более бедными соседями и облегчало дальнейшее обогащение.

Нельзя не подчеркнуть и то, что в более выгодном положении оказывались те эскимосы, которые имели лучшие отношения с миссионерами-торговцами. Миссионеры имели возможность оказывать экономическое давление на непокорных, на тех, кто не желал отказываться от старых обычаев. Может быть, именно этим объясняется то, что у эскимосов сравнительно быстро (к началу XX в.) исчезла прежде широко распространенная у них полигамия. Насколько известно, в 1905 г. только

³⁴ V. Tanner. Указ. соч., стр. 523—525.

один из эскимосов Лабрадора имел двух жен³⁵. Исчезали и другие неугодные миссионерам обычаи.

Таннер выражает мнение миссионеров, когда пишет, что у эскимосов Лабрадора до обращения в христианство «не только отсутствовала социальная организация, но что они были антиобщественными и практически аморальными существами»³⁶.

Так, в результате развития товарного хозяйства, а также и под идеологическим влиянием миссионеров разрушались первобытнообщинные отношения. Возникла и стала развиваться частная собственность. Особенно ярко она проявилась в появлении у эскимосов Лабрадора в XX в. семейных охотничьих участков, права собственности на которые передавались по наследству³⁷.

ГОДЫ ГОСПОДСТВА КОМПАНИИ ГУДЗОНОВА ЗАЛИВА

В 1926 г. в связи с ухудшившимся финансовым положением ордена моравских братьев он передал свою торговую монополию на атлантическом побережье Лабрадора Компании Гудзонова залива. Она сохраняла ее до середины 1942 г. (см. ниже).

Деятельность Компании Гудзонова залива внесла существенные изменения в жизнь эскимосов атлантического побережья Лабрадора. Прежде всего резко повысилось значение пушной охоты. Компания стимулировала ее в гораздо большей мере, чем это когда-либо делали миссионеры. Лишь эскимосы, приносившие много пушнины, могли рассчитывать на получение кредитов на складах компании. Тем самым она побуждала всех эскимосов стать трапперами. Правда, по соглашению с правительством Ньюфаундленда, компания обязалась оказывать материальную помощь нуждающимся эскимосам, а в обмен на это правительство освободило ее товары от государственной пошлины. Но компания совершенно не выполняла своего обязательства, и в 1934 г. соглашение было расторгнуто.

³⁵ V. Tanner. Указ. соч., стр. 523—525.

³⁶ Там же, стр. 784.

³⁷ F. Speck. Inland eskimo bands of Labrador. Essays in anthropology presented to A. L. Kroeber. Berkeley, 1936, p. 314.

Для того чтобы повысить добычливость пушной охоты, эскимосам приходилось все возрастающую часть года проводить во внутренних районах Лабрадора, вдали от своих поселков. Некоторые охотники стали оставаться в местах промысла в течение всего сезона пушной охоты. Таким образом, деятельность Компании Гудзонова залива вела к изменению характера расселения, к частичному распаду прежних эскимосских общин, существовавших в миссионерских поселках.

Увеличение числа и продолжительности поездок для трапперства имело и другое последствие. Оно потребовало увеличения количества корма для собак (тюленьего мяса и жира). В то же время промысел тюленей постепенно приходил в упадок. В отличие от миссионеров Компания Гудзонова залива не давала эскимосам в аренду тюленьи сети, а напротив, отвлекала эскимосов от морской охоты ради развития пушной. В результате создались ножницы между сократившейся добычей тюленьего мяса и жира и возrastавшей потребностью в них. Собак нельзя было оставить без мяса, и поэтому без него пришлось остаться их хозяевам. Они почти целиком перешли на покупное продовольствие — муку, сахар, чай и т. п. В результате питание резко ухудшилось, а сами эскимосы утратили остатки экономической самостоятельности и оказались в полной зависимости от Компании Гудзонова залива³⁸. По сравнению с периодом монопольного господства моравских миссионеров у эскимосов атлантического побережья Лабрадора резко ускорился переход от натурального к товарному хозяйству, особенно за счет увеличения покупки съестных припасов.

Значительно уменьшились широко практиковавшиеся прежде раздачи охотником мяса своим соседям по поселку. А деньги за пушнину вообще не подпадали под старые первобытноколлективные нормы и оставались в полной собственности траппера³⁹.

При оценке экономического положения эскимосов Лабрадора в период деятельности среди них Компании Гудзонова залива надо иметь в виду, что она была более сильным монополистом, чем миссионеры, и добилась

³⁸ *H. Kleivan. The Eskimo of Northeast Labrador. p 127—131*

³⁹ Там же, стр. 133—134.

полного прекращения довольно регулярных ранее рейсов частных торговых шхун к побережью Лабрадора. Эскимосы совершенно лишились возможности выбора, кому продавать продукты своего промысла и у кого покупать нужные им товары. По всем этим причинам эскимосы все больше беднели и нога в ногу с бедностью возрастала их экономическая зависимость от Компании Гудзонова залива. По выражению В. Таннера, они оказались у нее в «экономическом рабстве»⁴⁰.

В 30-х годах экономическому положению эскимосов был нанесен тяжелый удар резким снижением цен на меха, а также на рыбу, продажа которой с конца XIX в. также являлась существенным источником денежных доходов коренного населения Лабрадора. В этих условиях даже Компания Гудзонова залива, изменив свою прежнюю политику, стала рекомендовать эскимосам возобновить лов тюленей. Но старые сети сгнили, а на покупку новых не было денег. И в результате, как писалось в одном из миссионерских отчетов, «эскимосы погружались все глубже в нищету, из года в год копились долги, которые они никогда не надеются выплатить, и нет сомнения, что корень зла лежит в близорукой политике компании»⁴¹.

В 1937—1939 гг. из 106 эскимосов и 184 сеттлеров Хопдейла только одна эскимосская и одна сеттлерская семья не жили на пособия по бедности. Охотничье и рыболовное снаряжение изнашивалось, дома полуразрушились, одежда порвалась, даже сковороду обычно занимали у соседа, так как ее имели лишь немногие семьи. Вследствие истощения широко распространились цинга, бери-бери, туберкулез, фурункулез. В 1939 г. у многих семей с марта по июль совсем не было хлеба⁴².

Оценивая результаты деятельности Компании Гудзонова залива для эскимосов атлантического побережья Лабрадора, мы присоединяемся к мнению американского геолога Э. Уилера, который в 20—30-х годах XX в. работал в этом районе и хорошо знал жизнь коренного населения. Э. Уилер говорил Х. Клейвану, что деятельность компании была не просто продолжением развития,

⁴⁰ V. Tanner. Указ. соч., стр. 538.

⁴¹ «Periodical Accounts relating to the work of the Moravian Missions», London, 1939, June, p. 133.

⁴² V. Tanner. Указ. соч., стр. 506—507.

начавшегося ранее. Это был решающий разрыв с прошлой историей эскимосов. «Компания Гудзонова залива была бедствием для них»⁴³. Продолжая эту мысль Уилера, необходимо сказать, что период господства компании повел к быстрому разрушению традиционной культуры эскимосов, но он не принес взамен усвоения общеканадской культуры, а повел лишь к материальному и духовному обнищанию коренного населения, а также сеттлеров.

НАСЕЛЕНИЕ ЛАБРАДОРА В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

С началом войны цены на рыбу, меха и другие местные продукты стали расти, правда, росли и цены на привозные товары, но все же в годы войны жители Северного Лабрадора — эскимосы и сеттлеры — почти отказались от пособий и жили за счет доходов от своего труда. В эти же годы значительно увеличился спрос на местную рабочую силу в южных районах Лабрадора. И некоторые молодые неженатые мужчины из северных поселков бросили охоту и отправились на юг работать на строительстве военно-воздушной базы США и Канады в Гуз-бей и на лесоразработки в Гамильтон-инлет и в Кайпокок-бей, часть их осела там и создала ядро эскимосской колонии в Хэппи-Вэлли.

Если экономическое положение населения Лабрадора в годы войны несколько улучшилось, то, напротив, деятельности Компании Гудзонова залива в этих местах война принесла ряд трудностей. Резко возросли цены на морские перевозки на Лабрадор, и в 1942 г. компания решила отказаться от своей торговой монополии на Северном Лабрадоре как от недостаточно прибыльной. С 20 июля 1942 г. торговлю здесь взяло в свои руки правительство Ньюфаундленда, открывшее пять государственных торговых постов в Хиброне, Нутаке, Нейне, Хопдейле и Макковике.

После окончания войны спрос на продукцию пушного промысла снова упал, как это уже было в 30-х годах XX в. Зимой 1949/50 г. на Северном Лабрадоре бы-

⁴³ Н. Kleivan. The Eskimo of North-East Labrador, p. 134.

ло много песцов и лис, но цены были настолько низки, что эскимосы не были заинтересованы в промысле их. Государственные торговые посты платили 3 канадских доллара за песца и 1 доллар за рыжую лисицу. Дж. Фрэзер, побывавший в ту зиму на Северном Лабрадоре, рассказывает о сеттлере из Нутака, который добыл за сезон охоты 15 лис, включая двух крестовок и одну серебристую, и получил за них в общей сложности 18 канадских долларов. Резко уменьшилась к этому времени и добыча тюленей и оленей карибу, как в связи с сокращением их численности в результате перепромысла в предшествующий период, так и по некоторым другим причинам.

Если в 1947 г. охотники из Нейна добыли 4000 тюленей, то зимой 1949/50 г. было добыто только 400 тюленей, весенняя же охота на них еще в конце XIX — начале XX в. была вытеснена ловом форели, также ведущимся весной. В результате всего этого снова, как и перед войной, стало не хватать мяса ни для людей (эскимосов и сеттлеров), ни для их собак⁴⁴. Сложность положения усугубилась падением цен на рыбу на 30—40%, наступившим осенью 1953 г. В результате большинство жителей Лабрадора бросило лов рыбы. Например, летом 1955 г. ни один из эскимосов Нейна не занимался рыболовством, так как накладные расходы (покупка бензина для моторных лодок, покупка или обновление рыболовной снасти и т. п.) превышали стоимость продаваемой рыбы⁴⁵.

Очень тяжелыми уже в первые послевоенные годы были не только экономическое положение эскимосов Северного Лабрадора, но и их жилищные условия.

Летом 1955 г. вдоль атлантического побережья Лабрадора проехал Ч. Куртис, управляющий Международной гренфелловской ассоциацией, занимавшейся в это время вопросами здравоохранения на Лабрадоре. В письме правительству Ньюфаундленда Ч. Куртис сообщал, что в поселке Нейн он заметил резкую разграничительную линию между кварталами, занятыми белыми (миссионерами, государственными чиновниками, полицейскими), и эскимосами. Европейцы живут в хороших

⁴⁴ J. Frazer. Labrador Winter notes 1950. «Arctic», v. 3, 1950, N 2, p. 126.

⁴⁵ H. Kleivan. The Eskimo of Northeast Labrador, p. 57.

деревянных домах, а эскимосы в трущобах. Их жилища — жалкие лачуги, крытые зачастую картоном, окруженные грязью, нечистоты выбрасываются прямо из дверей и пожираются собаками. Нейн был в это время крупнейшим селением Северного Лабрадора. В нем, не считая небольшого числа временных белых поселенцев, жило почти 300 эскимосов и сеттлеров. Куртис посетил все их жилища и нашел среди них только одно, которое органами здравоохранения могло бы быть признано пригодным для жизни человека. Оно принадлежало эскимосу, работавшему в Хопдейле, единственном селении Северного Лабрадора, где в 50-х годах XX в. был довольно значительный спрос на рабочую силу в связи со строительством радарной станции. В Нутаке и Хиброне жилищные условия местного населения были, по отзыву Ч. Куртиса, еще хуже, чем в Нейне. Недостаточное питание и неудовлетворительные жилищные условия вели к распространению туберкулеза. В 1951 г. им были больны 12,5% эскимосов и 9,6% индейцев Северного Лабрадора, тогда как среди белого населения Канады процент заболеваемости туберкулезом составлял один человек на 1000, т. е. в 100 раз меньше. На протяжении 50-х годов все лабрадорцы, у кого был активный туберкулезный процесс, были госпитализированы, но, как справедливо отмечал Ч. Куртис, бесполезно восстанавливать здоровье людей в больнице и затем отсылать их обратно в антисанитарные лачуги, где крайняя нищета обрекает их обитателей на плохое питание. Ч. Куртис подчеркивал, что работники здравоохранения лечат, оставляя в неприкосновенности причины туберкулеза и других болезней.

Присоединяясь к его мнению, Д. Дженнесс также подчеркивает, что туберкулез можно будет ликвидировать только тогда, когда увеличатся семейные доходы и соответственно поднимется уровень жизни населения Лабрадора⁴⁶.

В 1956 г. правительство Ньюфаундленда созвало специальную конференцию для обсуждения экономических и социальных проблем Лабрадора. В своих выводах конференция констатировала, что «при современных условиях местные промыслы (рыболовство, охота на тю-

⁴⁶ D. Jenness. Eskimo Administration III. Labrador, p. 79—80, 85—87.

леней и трапперство) не могут обеспечить даже минимальных жизненных потребностей, не говоря уже об удовлетворительном уровне жизни для эскимосов и других жителей Северного Лабрадора. Чтобы обеспечивать хотя бы минимальный уровень жизни, местное хозяйство нуждается в значительных субсидиях. Эскимосы, составляющие наиболее многочисленную группу населения района, обладают высокой приспособляемостью и безусловно выигрывают при сравнении их с рыбаками Ньюфаундленда. Эскимосы, как и другие граждане, хотя и имеют работу и можно ожидать, что они двинутся в центры найма на работу как только такие будут появляться. Действительно, значительное число эскимосов уже поступило так. В Хопдейле полностью прекратилось рыболовство с тех пор, как там стало возможным наняться на работу на военном строительстве» (Government of Newfoundland, Labrador Conference, 1956, p. 18—19) ⁴⁷.

Кстати сказать, как отмечает Х. Клейван, по той же причине в Хиброне с начала 50-х годов сильно сократился промысел тюленей ⁴⁸. В середине 50-х годов, кроме Хопдейла, спрос на рабочую силу существовал также в другом селении на юге Северного Лабрадора — в Макковике. В селениях же, расположенных дальше к северу от Нейна, положение было катастрофическим. У жителей их не было не только пищи, но и топлива, так как небольшие островки имевшихся здесь до появления европейцев лесов были вырублены.

В 1951 г. на атлантическом побережье Лабрадора к северу от Хопдейла имелось три эскимосских поселения: Нейн (169 эскимосов и 116 сеттлеров), Нутак (165 эскимосов и 19 сеттлеров) и Хиброн (187 эскимосов и 14 сеттлеров) ⁴⁹. Страдая от голода и холода, жители этих поселений стремились на юг, где было больше возможностей найти работу. Правительство Ньюфаундленда само собиралось эвакуировать жителей бедствующих

⁴⁷ Цит. по книге: *D. Jenness. Eskimo Administration III. Labrador*, p. 80.

⁴⁸ *H. Kletvan. The Eskimo of Northeast Labrador*, p. 66.

⁴⁹ Каждое такое поселение состоит из центрального поселка, где живут в основном эскимосы, с прилежащими хуторами, населенными преимущественно сеттлерами. Но в настоящее время никто с уверенностью не может различить эскимосов от сеттлеров, что надо иметь в виду при оценке вышеприведенных цифр.

северных поселков. Но жители их не стали дожидаться соответствующих решений. Осенью 1956 г. все жители Нутака после двух особенно неудачных для промысла тюленей и рыболовства лет покинули свой поселок и двинулись на юг в поисках работы. Большинство их осело в Нейне, заняв пустые дома, владельцы которых опять-таки в поисках работы ушли еще дальше на юг. Шесть эскимосских семей из Нутака поселились в Макковике и в Нос-Вест-Ривер.

В 1957 г. спрос на рабочую силу в связи с завершением строительства военных объектов в Хопдейле и Макковике резко уменьшился, и часть живших здесь эскимосов вернулась к рыболовству. Но это не остановило миграции с севера на юг. Правительство Ньюфаундленда собиралось эвакуировать поселок Хиброн в течение двух лет, в 1959 г. и в 1960 г., но жители сожгли свои дома, и правительство было вынуждено эвакуировать в 1959 г. все 50 семей Хиброна. Их расселили в Нейне, Хопдейле, Макковике. И с тех пор атлантическое побережье Лабрадора на протяжении около 500 км от Нейна на юге до мыса Чидли на севере лишено постоянного населения.

По мнению Д. Дженнесса, только будущее покажет, закончился ли процесс эвакуации населения Северного Лабрадора ликвидацией Хиброна или он будет продолжаться и захватит Нейн и поселки к югу от него⁵⁰. Последнее кажется нам более вероятным, так как экономические причины, вызывающие прогрессирующее обезлюдение Северного Лабрадора, продолжают действовать и в 60-х годах XX в. Это упадок промыслового хозяйства и отсутствие промышленности, которая поглотила бы свободную рабочую силу. У населения Лабрадора по-прежнему нет устойчивой экономической базы и многие семьи эскимосов и сеттлеров часто мигрируют в поисках работы. Наиболее крупными работодателями являются военные базы Гуз-Бей и Нос-Вест-Ривер, расположенные к югу от границы Северного Лабрадора. В 1960 г. около них жило до 500 эскимосов и сеттлеров, против 700 эскимосов и сеттлеров на всем остальном побережье Лабрадора⁵¹.

⁵⁰ D. Jenness. Eskimo Administration III. Labrador, p. 81, 82, 84.

⁵¹ R. Bias. Le deppeuplement du Labrador septentrional et les migrations recents des populations esquimaudes «Norois», v. 8, 1961, N 30, p. 226—229. Приводя

В решении экономических проблем Лабрадора правительство Ньюфаундленда, как это видно из его письма федеральному правительству от 26 марта 1959 г., возлагало большие надежды на развитие на Лабрадоре «возможно, в течение ближайших пяти или десяти лет, горнорудной промышленности» (добыча железной руды, урана и т. д.), но пока что эти надежды не сбылись. А в ответ на просьбу провинциального правительства о субсидиях на строительство на Лабрадоре дорог, домов и школ, в правительственных кругах Оттавы, по свидетельству Дженнесса, раздались голоса, что помощь такому отсталому району, как Лабрадор,— это бездонная бочка, и что его жителей вообще было бы лучше эвакуировать в более южные районы Канады⁵².

содержащиеся в этой работе цифры, мы сочли необходимым оговорить, что фактически они относятся не только к эскимосам, но и к сеттлерам. Сам Р. Биас объединяет эти группы населения под именем эскимосов, значительно завышая тем самым численность последних.

⁵² *D. Jenness. Eskimo Administration III. Labrador, p. 83—84.*

Глава пятая

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ГРЕНЛАНДИИ В XI—XVII вв.

КОЛОНИЗАЦИЯ ГРЕНЛАНДИИ НОРМАННАМИ

Во многом по-своему развивалась этническая история Гренландии. На ранних ее этапах мы уже останавливались в I главе. Одним из интереснейших этнических событий, произошедших в Гренландии на рубеже I и II тысячелетий н. э., было появление здесь европейских поселенцев норманнов. Сведения о появлении норманнов в Гренландии и их жизни там содержатся в четырех исландских сагах — «Саге об Эрике Рыжем», «Саге о Карлсевне», «Флоаманна-саге» и «Саге об Эйнаре, сыне Югнеса». Из этих саг рисуется довольно полная история норманнской колонизации Гренландии, история, достоверность которой подтверждается как данными позднейших исторических хроник, так и результатами археологических раскопок¹.

Первым европейцем, поселившимся в Гренландии, был, по-видимому, Эрик, сын Торвальда, по прозвищу Рыжий. Он родился на западе Норвегии, около 950 г. Когда ему было 10 лет, он вместе со своим отцом Торвальдом, сыном Освальда, эмигрировал в Исландию. К этому времени все лучшие земли в Исландии были уже заняты более ранними переселенцами из Норвегии, осваивавшими этот остров начиная с последних десятилетий IX в. н. э.

За годы жизни в Исландии Эрик сменил несколько

¹ «Crønlænder Sagaer», Aarhus, 1955. Необходимо отметить, что судьбы первых европейских поселенцев в Гренландии недавно рассматривались в статье: Г. И. Анохин. Судьба гренландских норманнов. «Советская этнография», 1967, № 3, стр. 113—124.

земельных участков, стремясь улучшить свое положение. При этом он неоднократно вступал в ссоры с соседями. В 982 г. Эрик Рыжий был осужден на трехлетнее изгнание за убийство. И тогда он поплыл на запад, к земле, которую еще за столетие до этого видел норвежец Гунбьёрн.

Эрик Рыжий высадился где-то в районе Юлианехоба, и за три года жизни в Гренландии обследовал ее юго-западную часть. Затем он вернулся в Исландию, но так и не обосновался там, и в 986 г. во главе флотилии из 35 кораблей снова отплыл в Гренландию. Однако лишь 14 кораблей из этой флотилии достигли цели. Остальные вернулись обратно или погибли в пути. Вместе с Эриком Рыжим в Гренландии высадилось около 350 человек. С собой они привезли скот и семена полезных растений.

В это время на юге Гренландии не было эскимосского населения, и никем не занятые земли, в соответствии со старыми норвежскими обычаями, были разделены между прибывшими, так же как за век до этого делились земли в Исландии. Перед тем как высадиться на остров, в море с судна бросали столб от персонального кресла главы рода и там, где столб прибывало к берегу, высаживались. Чтобы приобрести права на новую землю, ее обходили с огнем, зажигая костры у устьев всех встречавшихся на пути рек и ручьев. Никто не имел права занять бóльший участок земли, чем тот, который можно было обойти за день с кострами.

Таким образом были основаны две колонии, Эстербюгден, или Восточная, в районе современного Юлианехоба и Вестербюгден, или Западная, в районе фьорда Готхоб. Эти колонии разделяло расстояние примерно в 300 км или, по тогдашним мерам измерения, шесть дней пути на весельной лодке с шестью гребцами². Некоторые исследователи выделяют так называемую срединную колонию — небольшую группу ферм, расположенную около нынешнего Ивигтута. Однако фактически это поселение скорее всего было северо-западной оконечностью Восточной колонии³. За первой партией колонис-

² P. Nörlund. Viking settlers in Greenland and their decendents during five hundred years. London, 1936, p. 21—22.

³ C. Vebæk. Norse settlements in Greenland. Proceedings of the 32-nd International Congress of Americanists. Copenhagen, 1956. Copenhagen, 1958, p. 734.

тов последовали другие. В XI—XII вв. в Исландии шли междоусобные войны между родовой знатью — хёвдингами. Свободные общинники попадали в экономическую зависимость от хёвдингов и превращались в батраков-лейлендингов. Складывалась власть глав кланов.

И так же, как предки этих общинников уплывали от власти нарождавшегося феодального норвежского государства в Исландию⁴, так теперь они сами эмигрировали в Гренландию в поисках незанятых знатью земель и пастбищ.

В XIII в. — в период расцвета европейских поселений в Гренландии — они включали в себя около 300 ферм, более 10 церквей, собор и 2 монастыря при общей численности населения в 3000—5000 человек⁵. По мнению некоторых исследователей (Г. Ринк, В. Стефанссон), численность исландских колонистов, или норманнов, доходила до 10—11 тыс. человек⁶.

В отличие от первых жителей Гренландии — эскимосов, исландские колонисты селились не на побережье, а в глубине фьордов и особенно в маленьких укрытых от ветра долинах, где природные условия для скотоводства и земледелия были значительно более благоприятными, чем непосредственно на берегах острова.

О занятиях этих поселенцев можно судить как по письменным источникам, так и по археологическим данным (остаткам костей домашних животных, семенам полезных растений и т. д.). Так, в норвежской книге «Королевское зеркало», написанной около 1225 г., рассказывается о Гренландии следующее: «Говорят, что в Гренландии хорошие пастбища и большие и хорошие фермы, так как там много крупного рогатого скота и овец, и люди там делают много масла и много сыра, на них они в основном и живут, а также на мясе домашних и диких животных разных видов; мясе оленей, медведей»⁷. Эти сведения подтверждаются и дополняются другими источниками. Из них следует, что, кроме коров и овец, норманны разводили коз, а в небольших коли-

⁴ М. И. Стеблин-Каменский. Культура Исландии. Л., 1967, стр. 23.

⁵ С. Vebæk. Указ. соч., стр. 733—738; Helge Ingstad. Landet under seidar Sfjernen. Oslo, 1960, s. 34—37, 325.

⁶ W. Stefansson. Greenland. N. Y., 1944, p. 122—123.

⁷ «Kongsspegelen». Oslo, 1965, S. 69.

чествах и свиней. В кухонных кучах найдены также остатки костей лошадей и собак. Однако из-за изрезанности прибрежной полосы Гренландии фьордами сколько-нибудь дальние поездки совершались не на лошадях, а по воде на лодках⁸.

Что касается величины стад, то, судя по сохранившимся остаткам хлевов, средняя норманнская ферма в Гренландии имела 10—20 голов крупного рогатого скота. В то же время отдельные владельцы, очевидно, имели значительно большие стада. Так, в хлевах на ферме гренландского епископа в Гардаре было около 100 стойл⁹.

По-видимому, существенным фактором, ограничивавшим поголовье скота в Гренландии, была необходимость заготовки большого количества кормов на длинную зиму. По подсчетам П. Нёрлунда, для каждой коровы требовалось заготовить на зиму 2,5 т сена¹⁰.

Что касается полеводства (выращивания зерновых культур), то оно, хотя и существовало, но в очень незначительных размерах, никак не обеспечивавших потребностей колонистов в хлебе. Развитию растениеводства препятствовали климатические условия Гренландии¹¹.

Таким образом, колонисты, видимо, в большей или меньшей мере сами могли обеспечить себя молоком, маслом, сыром, мясом, рыбой, шерстью и кожами. Но в то же время нуждались в импорте хлеба, железных орудий, леса, одежды и многих других товаров. Все это они получали, торгуя с Европой. В обмен норманны посылали в Европу тюлений жир, масло, сыр, кожи, шерсть. Самым ценным предметом гренландского экспорта был моржовый клык. В средние века из него в Европе изготавливались церковные украшения, переносные алтари, епископские посохи, рамки зеркал и многие другие вещи. Так, только в качестве дара на крестовые походы римская католическая церковь получила в 1327 г. от гренландских колонистов 250 моржовых клыков, кото-

⁸ *P. Nörlund*. Указ. соч., стр. 62.

⁹ *H. Ingstad*. Указ. соч., стр. 307.

¹⁰ *P. Nörlund*. Указ. соч., стр. 67—69.

¹¹ *N. Nissen*. *Die Sudwestgrönländische Landschaft und das Siedlungsgebiet der Normannen*. Hamburg, 1924, S. 71, 77—78.

рые позднее были проданы папским легатом одному фламандскому купцу за 11 кг серебра¹².

Что касается материальной культуры норманнов, то достаточно полное представление о ней дают сохранившиеся на месте их прежних колоний остатки жилых и хозяйственных построек, а также и другие археологические материалы. Судя по этим материалам, средняя норманнская ферма состояла из жилища и расположенного вблизи него большого числа (10—20) хозяйственных построек (хлева, амбары и др.)¹³. Из-за недостатка леса все здания обычно строились из камня. Каменные стены для тепла обкладывались дерном.

За время жизни норманнов в Гренландии у них сменилось несколько типов жилищ. Первоначально наиболее обычными были большие однокамерные строения. В них была одна большая, площадью до 80 м² зала, где люди и спали, и готовили пищу, и ели, и занимались домашними работами. Помещение обогревалось несколькими открытыми очагами. Один из них — центральный — находился у задней стены, напротив двери. Нередко в полу был небольшой бассейн для воды, куда она подводилась по каменному трубопроводу из ближайшего родника¹⁴. Судя по размерам таких домов, да и по свидетельствам вышеназванных саг, в каждом из них жила целая семейная община.

На рубеже XII в. однокамерные жилища постепенно сменяются жилищами, состоящими из 2—3 комнат. А еще спустя несколько десятилетий, и в Исландии, и в Гренландии распространяется так называемый дом с коридором, по обе стороны которого расположены небольшие комнаты. Характерная черта этих домов — очень небольшое число очагов. Так, например, в одном из домов на семь комнат приходилось только три маленьких очага, очевидно, служивших для приготовления пищи. Скорее всего прав П. Нёрлунд, считавший, что в XII в. норманны отапливали и освещали свои жилища жировыми лампами, как это делали эскимосы¹⁵.

¹² P. Nörlund. Указ. соч., стр. 97—98.

¹³ Там же, стр. 64—65.

¹⁴ Там же, стр. 75—76.

¹⁵ Там же, стр. 79.

Одевались норманны в Гренландии так же, как в те века одевались в Европе. При этом, судя по остаткам одежды в погребениях, одежда гренландских колонистов почти не отставала от европейских мод. Это одно из важных свидетельств регулярных связей между Гренландией и Европой в XI—XIV вв.

По своему политическому устройству колония первоначально представляла собой независимую общину, где все дела решались на общих сходах. Но уже выделилась родовая знать, и пережитки первобытнообщинных отношений переплетались с зарождавшимся классовым обществом.

В 1000 г. одним из представителей родовой знати — сыном Эрика Рыжего Лейфом Эриксоном — было введено христианство. С 1157 г. гренландская церковь оказалась в подчинении норвежского епископа в Нидаросе в Северо-Западной Норвегии. В 1261 г. Гренландия стала владением короля Норвегии, а с 1397 г. — Дании.

В XIV в., в особенности во второй его половине, рейсы судов в Гренландию стали нерегулярными. Торговля с ней перестала быть выгодной, в частности из-за упадка спроса на моржовый клык. Нарушению связей с Гренландией способствовали междоусобицы и войны, раздиравшие Норвегию во второй половине XIV в., а также страшная эпидемия чумы, свирепствовавшая в Европе в то же время. В одном из источников сообщается, что от этой эпидемии умерло большинство моряков и купцов, занятых в торговле с Гренландией. Нарушению связей способствовало и существование королевской монополии на эту торговлю.

В 1389 г. несколько норвежских купцов посетили Гренландию без разрешения короля. По возвращении их судили и от смертной казни их спасла лишь данная ими клятва, что их корабли занесло в Гренландию случайно. Согласно датским хроникам, в конце XIV в. датская королева Маргарет послала в Гренландию несколько кораблей, но они пропали без вести¹⁶.

В 1410 г. в Норвегию вернулся из Гренландии последний корабль, о рейсе которого имеются прямые исторические свидетельства. Однако, по-видимому, до конца

¹⁶ «Isaak de la Peyréré's Relation du Groenland». Paris (1663). «A collection of documents on Spitzbergen and Greenland». London, 1855, p. 210—211.

XV в. в Гренландию все же плавали какие-то суда. Косвенным свидетельством этого являются найденные при раскопках могил остатки одежды европейских фасонов XV в. Может быть, также есть какая-то доля истины в словах одной старой датской рукописи XVI в., что в 1484 г. в Бергене было около 40 моряков, плававших в Гренландию и привозивших оттуда ценные товары. Однако Исаак де Пейрера, цитирующий эту рукопись, считает эти сведения недостоверными¹⁷.

Раскопки могил указывают на тяжелое положение и физическую деградацию норманнов в Гренландии в XIV—XV вв. Найденный в могилах краиеологический и остеологический материал свидетельствует и о плохом питании колонистов в это время, и о несоразмерно большом распространении у них различных физических дефектов, что, возможно, было результатом практики браков между близкими родственниками.

Трудности, возникавшие в связи с нарушением экономических связей с Европой, усугублялись происходившим в это же время ухудшением климата, что создало неблагоприятные условия для ведения скотоводства — основной отрасли хозяйства норманнов в Гренландии.

В результате всего этого, по мнению некоторых исследователей, норманны в Гренландии вымерли¹⁸. Существуют, правда, и другие точки зрения. Так, Х. Ларсен полагает, что норманны были уничтожены эскимосами, заселившими в XIV—XV вв. Южную Гренландию¹⁹. В то же время значительной популярностью пользуется точка зрения, что в исчезновении норманнов как отдельной этнической общности большую роль сыграло их смешение с эскимосами (Ф. Нансен, В. Стефанссон, К. Джини)²⁰. Эта точка зрения подтверждается недавними серологическими исследованиями И. Персона в дистрикте Юлианехоб, т. е. там, где когда-то существовало Восточное поселение норманнов. Результаты анализа по группам крови свидетельствуют, что современное население дистрикта является продуктом смешения эскимосов и исландцев-норманнов. (В новое время исландцы в Гренлан-

¹⁷ Там же, стр. 211.

¹⁸ P. Nörlund. Указ. соч.

¹⁹ Х. Ларсен. Гренландцы. Сб. «Гренландия». М., 1953, стр. 187.

²⁰ Corrado Gini. On the extinction of the Norse settlements in Greenland. Bergen, 1958.

дию не переселялись.) И как заключает Персон, «потомки норманнов все еще живут в дистрикте Юлианехоб»²¹.

Таким образом, вопрос о судьбе норманнов в Гренландии остается во многом неясным. Скорей всего в их исчезновении сыграли свою роль и вымирание, и война с эскимосами, и смешение с ними. Но как бы то ни было, около 1370 г. перестало существовать Западное поселение и, видимо, к началу XVI в.— Восточное²². Европейцы исчезли как самостоятельная этническая группа Гренландии, но они оказали определенное влияние на эскимосов.

ВОПРОС О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НОРМАННСКОЙ И ЭСКИМОССКОЙ КУЛЬТУР

Прежде чем определить степень влияния норманнов на эскимосов, необходимо сказать несколько слов о них самих. Как отмечалось выше, в 1100—1200 гг. в Гренландию пришла очередная волна переселенцев — это были люди культуры туле, а немного спустя на западе острова расцвела культура инугсук, неоэскимосская культура китобоев и морских зверобоев.

В то время, когда норманны поселились на Западе Гренландии, эскимосы не жили в этой части острова. Первые контакты этих двух этнических групп произошли при охотничьих поездках норманнских колонистов на север. В поисках моржей норманны забирались далеко к северу от своих поселений, бывали на берегах залива Диско, заходили и дальше к северу. Некоторое представление о протяженности этих поездок дает находка, сделанная археологами в 1824 г. на маленьком островке Кингигторссуак, к северу от Упернивика. Здесь, почти на 73° с. ш., были найдены три гурия²³. Вблизи от них был обнаружен небольшой камень с надписью, сделанной рунами. Камень был привезен в Национальный музей в Копенгагене и хранился там до середины XIX в., а

²¹ *Ib Persson*. Nordboernes efterkommere i Grønland. «Grønland», 1970, N 5, p. 141; *он же*. The fate of the Icelandic vikings in Greenland. «Man», v. 4, 1969, N 4, p. 620—628.

²² *C. Vebæk*. Указ. соч., стр. 734—735.

²³ Гурий — пирамида из камней, служащая ориентиром и местом хранения памятков экспедиций.

затем таинственно исчез. Однако в музее сохранилась копия надписи. Из надписи следует, что три человека—Эрлинг Сигватсон, Гьярни Тордарсон и Эйфриди Одссон — в конце апреля 1333 г. построили три пирамиды из камней и в одну из них положили камень с надписью. Скорее всего эти люди зимовали в районе Упернивика, так как вряд ли, что они до наступления лета могли бы отправиться из Южной Гренландии на север. Более вероятно, что они приехали на север летом и были почему-то вынуждены зазимовать здесь. Во время этой зимовки они почти наверняка встречались с эскимосами. Ведь остров, где они зимовали, расположен по соседству с островом Инугсук, на котором эскимосы жили и в XIII, и в XIV вв.²⁴

О встречах колонистов с эскимосами или о находках их жилищ рассказывается и в письменных источниках. Так, уже в наиболее ранних рассказах об открытии Гренландии, содержащихся в «Ислендингабок», имеются сведения об эскимосах. Эта книга была написана известным древнеисландским историком Ари Фроде около 1120 г. Рассказывая об открытии Эриком Рыжим Гренландии, Ари Фроде пишет: «Они (норманны.— Л. Ф.) нашли здесь к западу и к востоку следы человеческих жилищ, а также остатки маленьких лодок, сделанных из кожи, и такие орудия из камня, которые делают ясным, что здесь жили люди того же рода, что населяли Винландию и которых гренлэндинги (т. е. гренландские норманны.— Л. Ф.) называют скрелингами»²⁵. А в Флоаманнасаге рассказывается, что некто по имени Торгил Оррабейнсфостри во время путешествия по восточному берегу Гренландии встретил двух жен троллей, стоявших около вытащенного из проруби морского животного. Видимо, речь идет об эскимосских женщинах. Более подробно об эскимосах говорится в анонимной истории Норвегии, написанной в начале XIII в. «На другой стороне к северу от гренлэндингов (т. е. норманнов в Гренландии.— Л. Ф.) охотники обнаружили очень низкорослых людей, которых они называют скрелинги и кото-

²⁴ T. Mathiassen. Inugsuk, a Mediaeval Eskimo Settlement in Upernivik District, West Greenland. København, 1930.

²⁵ Цит. по книге: K. Birket-Smith. Ethnography of the Egedesminde District. København, 1924, p. 7.

рые, когда ранены оружием, то после смерти их кровь не перестает течь. У них совсем нет железа и они пользуются зубами кита (т. е. нарвала или моржа.— Л. Ф.) для наконечников стрел и острыми камнями для ножей»²⁶. Но в общем-то исландские саги пишут о скрепингах «поразительно редко»²⁷.

В то же время некоторые находки в нижних слоях культуры инугсук (датируемой XIII—XV вв.) свидетельствуют, что, по крайней мере, с XIII в. материальная культура эскимосов испытывала известное влияние европейской культуры. Так, в этих слоях были обнаружены предметы явно норманнского происхождения: железные ножи, остатки вязаной одежды, игральные кости. Кроме того, был найден ряд предметов, сделанных, хотя и эскимосами, но несомненно по соответствующим скандинавским образцам. Это пилы из китового уса, деревянная кадушка из клепок, вертикально вставленных в круглое дно, что несвойственно эскимосской технике, куклы, вырезанные в эскимосском стиле, но одетые в европейскую одежду²⁸. Так, еще в конце 1920-х годов во время раскопок на острове Инугсук (в современном дистрикте Упернивик) Т. Матиассен обнаружил маленькую деревянную куклу в длинном платье с капюшоном. Кукла в сходной одежде была найдена и в Эгедесминде (район залива Диско). Судя по форме одежды и наличию капюшона, куклы изображают норманнов XIV в., так как именно в XIII—XIV вв. норманны носили длинные платья с капюшонами. Интересны также находки в слоях культуры инугсук своеобразных ложек с короткой ручкой. В XV в., особенно в конце его, подобные ложки были распространены в Европе. Поэтому вполне вероятно, что инугсукцы делали свои ложки по соответствующим норманнским образцам²⁹.

Несколько несомненно норманнских предметов было найдено Т. Матиассеном в инугсукском слое уже упоминавшейся выше стоянки Сермермиут во время раскопок в 1955 г.

²⁶ Цит. по книге: *K. Birket-Smith. The Eskimos*, p. 14—15, см. также *A. Clark. Iceland and Greenland*. Washington, 1943, p. 77—78.

²⁷ *Р. Хенниг. Неведомые земли*. М., 1962, ч. III, стр. 83.

²⁸ *Х. Ларсен. Указ. соч.*, стр. 185.

²⁹ *Р. Nörlung. Указ. соч.*, стр. 132—133.

Матиассен нашел железные ножницы для стрижки овец, сходные с ножницами, найденными Вебэком несколькими годами раньше в норманнском селении в Ватнаверфи в дистрикте Юлианехоб; ручку ложки, ornamentированную крышку от ящичка для ложек, точильные камни характерного для норманнов типа³⁰.

Что касается датировки найденных Матиассеном у эскимосов норманнских предметов, то он склонен относить их к XIII—XIV вв.; к этому же времени скорее всего принадлежит и большинство других подобных находок в стойбищах инугсукцев. Правда, радиоуглерод дает и несколько более раннюю дату для этих находок Т. Матиассена, а именно: 1240 ± 120 и 1010 ± 120 гг.

Если норманнские вещи были найдены у эскимосов, то, с другой стороны, в норманнских поселениях также обнаружены эскимосские изделия, в том числе такие предметы, как овальный сосуд из китового уса, найденный в могиле на церковном дворе в Херъульвснесе, рукоятка «снегового ножа», обнаруженная при раскопках дома епископа в Гардаре³¹. Такие ножи, как известно, использовались эскимосами для постройки снежных хижин. Природные условия исключают возможность постройки подобных жилищ в Южной Гренландии, поэтому этот нож скорее всего был сувениром. Такой же не утилитарный характер имеют и другие найденные у норманнов эскимосские предметы. Неизвестно, как получали норманны эти сувениры: брали ли их в брошенных эскимосами жилищах или же выменивали у самих эскимосов.

Не нашел пока ответа и другой, значительно более важный вопрос — существовал ли между эскимосами и норманнами регулярный торговый обмен. Материальная основа для него была. Как уже говорилось выше, одним из самых ценных предметов норманнского экспорта в Европу был моржовый клык, который имелся у эскимосов. С другой стороны, уже Фробишер в XVI в. отметил, что эскимосы Западной Гренландии и Баффиновой Земли были знакомы с железом и делали из него наконечники стрел. Поэтому нам кажется вполне вероятным,

³⁰ *Th. Mathiasen. The Sermermut Excavations. København, 1958, p. 45—48.*

³¹ *P. Nörlund. Указ. соч., стр. 133—134.*

что норманны могли менять у эскимосов железо на моржовый клык. Однако такой обмен, если он существовал, должен был прекратиться не позже, чем к концу XIV в., так как к этому времени, с одной стороны, в Европе упала потребность в гренландском моржовом клыке в связи с ввозом слоновой кости, а, с другой стороны, сами норманны начали ощущать острую нехватку железа из-за сокращения связей с Европой.

При современном уровне изученности вопроса невозможно сказать, было ли влияние норманнов на эскимосов результатом торговли, или же прав Р.Хенниг, говоря, что норманны «обычно не поддерживали» с эскимосами «никаких сношений» и что наличие у эскимосов европейских изделий объясняется тем, что в конце XIV — начале XV в. происходили военные столкновения между норманнами и эскимосами и при этом в руки последних в качестве военной добычи попадала часть имущества скандинавов³². Наконец, если верна вышеупоминавшаяся гипотеза о смешении норманнов с эскимосами в последний период существования колонии, то оно также должно было бы повлиять не только на антропологический тип эскимосов, но и на их материальную культуру.

По этому вопросу весьма оригинальную, но малообоснованную гипотезу высказал Коррадо Джини. По его мнению, Западное поселение перестало существовать из-за добровольного отказа его жителей от европейского образа жизни и ухода их к эскимосам³³.

Итак, норманны исчезли. Кто же были те люди, которые сначала сосуществовали с европейскими колонистами, а затем сменили их в Западной Гренландии? Это были люди культуры инугсук. Ее облик был восстановлен в результате многолетних археологических работ Т. Матиассена, показавшего, что инугсук — неоэскимосская культура охотников на кита, тюленей, моржей и что она близка широко распространенной во всей Американской Арктике культуре туле. Последняя многократно описывалась в литературе, и мы не будем здесь останавливаться на ее характеристике. Сама культура инугсук была впервые обнаружена Т. Матиассеном на острове Инугсук недалеко от Упернивика в 1920-х годах. В пос-

³² Р. Хенниг. Указ. соч., ч. II, стр. 294; ч. III, стр. 421.

³³ Corrado Gini. Указ. соч., стр. 12, 15, 19, 21—22.

ледующие годы стоянки этой культуры были открыты во многих местах на побережье Западной Гренландии. Так, сравнительно недавно слой, содержащий остатки инугсукской культуры, был раскопан в Сермермиуте у залива Диско⁸⁴.

Как уже было сказано, инугсукская культура имела много общего с культурой туле, но существовал между ними и ряд различий. На наш взгляд, наиболее важным из различий является уже отмечавшееся выше наличие в инугсукке явного норманнского влияния.

Весьма показательно также, что до сих пор, несмотря на длящиеся уже несколько десятилетий раскопки, в Западной Гренландии не найдено остатков культуры туле в ее классических, не инугсукских формах. Собственно культура туле обнаружена только на далеком Севере Гренландии, на Земле Инглфилд, куда норманны не доходили. Не следует ли из этого, что культура инугсук в первую очередь является продуктом не самостоятельного развития культуры туле, а результатом взаимодействия между нею и норманнской культурами. Такое предположение, на наш взгляд, хорошо объясняет, почему на западном побережье Гренландии нет чистой культуры туле, а есть только ее развитая и видоизмененная форма инугсук. Напротив, предположение, что инугсук прежде всего результат автохтонной эволюции туле, на наш взгляд, встретилось бы с рядом трудностей. При допущении такого предположения пришлось бы объяснить, по каким внутренним причинам культура туле, весьма устойчивая во всех районах Американской Арктики, а также на Севере Гренландии, где она просуществовала много веков, стремительно преобразовалась в инугсук, едва только люди эпохи туле двинулись к югу вдоль западного побережья Гренландии. И преобразование это было настолько быстрым, что, как уже отмечалось, не удалось найти следов даже кратковременного существования культуры туле на Западе Гренландии.

Так, появившись не позже XIII в., инугсукская культура распространилась сначала по западному, а позднее и по восточному побережью острова и просуществовала до середины XVII—XVIII вв., т. е. до начала вторичного

⁸⁴ *Th. Mathiassen. Inugsuk...; он же. Ancient Eskimo Settlements in the Kangamiut area. København, 1931; он же. The Sermermiut Excavations, 1955.*

контакта эскимосов Гренландии с европейцами. Затем она постепенно преобразовалась в ту эскимосскую культуру Гренландии, которая известна по этнографическим описаниям Д. Кранца, Г. Холма, Г. Ринка, В. Тальбицера, К. Расмуссена, К. Биркет-Смита и других исследователей.

Появившись, по нашему мнению, под влиянием норманнской культуры, инугсукская культура, конечно, не оставалась неизменной на протяжении веков, а развивалась и самостоятельно.

РАЗВИТИЕ ЭСКИМОССКОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНТАКТЫ С ЕВРОПЕЙЦАМИ В XVI—XVII вв.

В инугсукских слоях было найдено много китового уса и предметов из него. Очевидно, в это время увеличилась роль охоты на китов в хозяйстве эскимосов. Людью инугсукской культуры было усовершенствовано промысловое снаряжение. Так, в XVI в. было изобретено круглое сидение для каяков, продолжавшее применяться и наследниками инугсукцев — западногренландскими эскимосами.

Инугсукцы улучшили также форму весла каяка, а для плавания в нем стали пользоваться специальной водонепроницаемой одеждой, позволявшей вести промысел морского зверя в плохую погоду. Некоторые изменения по сравнению с типами туле претерпели также наконечники гарпунов, стрел и копий³⁵. Значительные изменения за время существования культуры инугсук произошли и в типе жилища.

Первоначально у инугсукцев были небольшие четырехугольные или овальные в плане жилища из камней и дерна, напоминавшие жилища эскимосов туле, но в отличие от них имевшие пристройку, служившую кухней. Из них развивались смежные или сдвоенные жилища с двумя входами. А с XVI в. возникли большие общинные жилища, в которых жило восемь — десять и большее число семей. Помещение для каждой семьи в этих домах было отделено перегородками от помещений других семей. Эти жилища были унаследованы от инугсук-

³⁵ Х. Ларсен. Указ. соч., стр. 186, 188, 189.

цев западно- и восточногренландскими эскимосами XVII—XIX вв.

Устойчивое существование этого типа домов, очевидно, связано с сохранением гренландскими эскимосами сложившегося типа хозяйства (китобойного промысла) и социальной организации. Охота на китов, получившая особое развитие в инугсуке, позволяла сравнительно большим группам людей селиться вместе³⁶. Большое жилище, очевидно, так же соответствовало существованию у гренландских эскимосов большесемейных групп, как длинный дом ирокезов соответствовал их материнским домохозяйствам — овачирам. Что у гренландских эскимосов действительно существовали большесемейные общины, известно по этнографическим данным, относящимся к XVIII—XIX вв. (подробнее см. ниже). Сохранение же типа и планировки жилищ начиная с позднеинугсукского времени указывает, на наш взгляд, на то, что такие большесемейные общины, включавшие от 10—15 до 50 человек, бытовали и в инугсуке.

Типичное западногренландское селение в XVI—XVIII вв. состояло всего из одного дома. Как писал об этом Х. Ларсен, «казалось, каждая семейная группа теснее спланировала свои ряды и не нуждалась в обществе других»³⁷.

Можно предполагать, что в XVI—XVIII вв. в Западной Гренландии сначала на основе развития производительных сил, а позднее также под влиянием торговли с европейцами происходило развитие и укрепление патриархальных отношений в эскимосском обществе. В ходе этого процесса хозяйственная самостоятельность семейной общины значительно увеличилась, что нашло свое отражение в изменении характера расселения и типа жилища.

Вновь контакты эскимосов с европейцами возобновились в последней четверти XVI в. Первоначально они были результатом путешествий полярных исследователей, искавших северо-западный проход в Китай. В 1578 г. на Юго-Западе Гренландии высаживались английский мореплаватель Фробишер и члены его экспедиции.

³⁶ R. Petersen. On the variations in settlement pattern and hunting conditions in Greenlandic districts, M.S. (1969), p. 10.

³⁷ Х. Ларсен. Указ. соч., стр. 189

Интересные сведения об этой экспедиции сообщает Исаак де Пейрера, который, по-видимому, пользовался какими-то оставшимися нам неизвестными документами Фробишера. Он пишет, что жилища эскимосов, посещенные Фробишером, были сделаны из шкур морских животных, растянутых на шестах. Палатки эти имели два входа, ориентированных на запад и на юг, так как самые суровые ветры дуют с востока и с севера. Далее он сообщает, что вскоре англичане встретились с туземцами и между ними произошло столкновение, причем первыми начали стрелять члены экспедиции. Исаак де Пейрера рассказывает, что встреченные Фробишером туземцы одеваются в тюленьи шкуры, сшитые сухожилиями; рубашки у мужчин и женщин сделаны из рыбьих (судя по тексту, тюленьих. — Л. Ф.) кишок. Стрелы у них имеют костяные наконечники, и они умело пользуются луками и острогой для лова рыбы. У них есть лодки из тюленьей кожи на одного человека и большие лодки с деревянным каркасом, обтянутые китовой кожей. Эти лодки выдерживают сильные штормы³⁸.

Таково первое описание эскимосской культуры Западной Гренландии XVI в.

В одном из эскимосских жилищ моряки Фробишера нашли ящик с гвоздями. Конечно, трудно сказать, достались ли эскимосам эти гвозди в наследство от норманнов, или они их выменяли на меха у моряков какого-нибудь неизвестного исландского судна, достигшего берегов Гренландии. Но во всяком случае очевидно, что эскимосы этого района Гренландии имели в XVI в. некоторое количество железа и могли его применять для изготовления орудий. Еще в 1577 г. М. Фробишер видел у эскимосов Баффиновой Земли железо и изготовленные из него оружие и орудия труда³⁹.

Вскоре после М. Фробишера на поиски северо-западного прохода отправился Дж. Дэвис. В свою первую экспедицию 1585 г. Дэвис встретился с эскимосами в заливе Гилберта (судя по долготе и широте, так он называл нынешний залив Готхоб на юго-западном побережье Гренландии). Дэвис купил у эскимосов пять кожаных

³⁸ «Isaak de la Peyrère's Relation du Groenland», p. 215—217.

³⁹ «Voyages in search of the North West Passage». London, 1892, p. 112, 113, 120.

лодок, одежду из тюленьих и птичьих шкур, дротики. К сожалению, летописец первого путешествия Дэвиса, Джон Марчант, не сообщает, что было дано эскимосам взамен, ограничиваясь замечанием, что дротики моряки покупали за кусочки бумаги⁴⁰.

В свое второе плавание в 1586 г. Дэвис снова посетил эскимосов залива Готхоб. Встреча с эскимосами началась с того, что Дэвис подарил им 20 ножей. Затем купцы, находившиеся на судне Дэвиса «Саншайн», начали торговлю с эскимосами. В своем письме к У. Сандерсону от 14 октября 1586 г. Дэвис сообщает, что купцы приобрели у эскимосов 500 шкур тюленей⁴¹. Таким образом, второе плавание Дэвиса было, насколько известно, первой торговой поездкой европейских купцов к эскимосам. Кроме шкур, европейцы скупали птицу и рыбу. Об объеме торговли некоторое представление дает тот факт, что к кораблям Дэвиса одновременно подплывало для торговли до 100 лодок. Дэвис не пишет, какие товары и в каком количестве эскимосы получили взамен тюленьих шкур.

Свою третью экспедицию Дэвис совершил в 1587 г. На этот раз он проплыл вдоль западного берега Гренландии значительно севернее Готхоба и достиг Упернивика, т. е. 73° с. ш. Описавший это путешествие Дж. Джейнс отмечает, что в обмен на шкуры, одежду и другую продукцию эскимосов моряки давали им ножи, булавки, иголки, гвозди, браслеты, звонки, зеркала и т. п.⁴² Вероятно, и в первые два плавания эскимосам давались те же товары. Еще описывая свое второе плавание, Дэвис отмечал, что эскимосы высоко ценят железо. Они даже украли с одного из кораблей якорь, при торговле же во время третьего плавания эскимосы за нож или гвоздь отдавали лодку или одежду.

О стремлении эскимосов получить у европейцев железо и сталь пишет и Исаак де Пейрера, рассказывая о путешествии своего современника датского адмирала Готскле Линденау к берегам Гренландии в 1605 г. Он отмечает, что корабли Линденау три дня вели торговлю с жителями Гренландии. Дикари подплывали к кораб-

⁴⁰ Там же, стр. 143—147.

⁴¹ Там же, стр. 154—160, 162, 172.

⁴² Там же, стр. 185—186.

лям в маленьких лодках. Они привозили шкуры песцов, медведей, тюленей и много нарвальего клыка. Все это они меняли на иголки, ножи, зеркала и другие мелочи. «Они смеялись, когда им предлагали золотые и серебряные деньги, и жаждали предметы из стали, которую они ценят превыше всего. За них они были готовы отдать свои самые ценные вещи: луки, стрелы, лодки и весла. А когда нечего было дать, они снимали с себя одежду и отдавали ее»⁴³. Это еще одно подтверждение того факта, что гренландские эскимосы в XVI в. имели опыт употребления железа, знали его преимущество перед камнем и остро нуждались в этом металле. Нам кажется, что этот опыт эскимосы переняли от норманнов. В пользу такого предположения говорят, в частности, наблюдения участников датской торговой экспедиции Д. Данеля, совершенной в 1652—1654 гг. к берегам Западной Гренландии. Участники экспедиции видели, как эскимосы раскапывают руины норманнских поселений в поисках железа⁴⁴. Кроме того, западногренландские эскимосы в это время были знакомы с холодной ковкой метеоритного железа и практиковали ее, хотя и в небольших размерах. Скорее всего техника обработки железа также была унаследована от норманнов⁴⁵.

На протяжении XVII в., начиная с 1636 г., датские купцы совершили несколько торговых поездок к эскимосам Западной Гренландии. Для конца XVII в. имеются интересные данные о том, какие европейские товары пользовались наибольшим спросом у западногренландских эскимосов. Это были дерево, железо, ножи, иглы, металлические котлы, зеркала, бусы, дешевые ткани⁴⁶.

В конце XVI в. третьей экспедицией Дэвиса было положено начало китобойному промыслу у берегов Западной Гренландии. Примерно в это же время здесь на-

⁴³ «Isaak de la Peyréré's Relation du Groenland», p. 219.

⁴⁴ Ch. Lund. Indberetning til Kong Frederik III om David Danells tre Rejser til Grønland 1652—1654. «Danske Magazine», v. II. Cøbenhavn, 1916, p. 232; Цит. по книге: K. Birket-Smith. Ethnography of the Egedesminde District, p. 75, 83.

⁴⁵ O. Solberg. Beiträge zur Vorgeschichte der Osteskimo. Christiania, 1907, S. 54.

⁴⁶ J. Anderson von Island. Grönland und der Strazze Davis. Hamburg, 1746, S. 264; A. Olearius. Des Welt berühmten... colligirte und viel vermehrte Reise-Beschreibungen. Hamburg, 1696, S. 88; «An Account of several late voyages and discoveries to South and North». London, 1964, p. 203; Цит. по книге: K. Birket-Smith. Ethnography of the Egedesminde District, p. 76.

чали появляться баскские китобои, но о них мало что известно. В 1614 г. в Нидерландах была основана компания для китобойного промысла у берегов Гренландии и торговли с ее населением. Несколько лет спустя подобная компания была основана и в Дании. Но фактически китобойный промысел в Дэвисовом проливе начал интенсивно вестись европейцами лишь с XVIII в.⁴⁷ Центрами датского, нидерландского и английского китобойного промысла стали район залива Диско и район нынешнего Холстейнборга (оба в южной половине побережья Западной Гренландии). Именно здесь были наиболее регулярными и многочисленными контакты эскимосов с европейскими мореплавателями.

По подсчетам историка китобойного промысла М. Вокера, только с 1669 по 1778 г. у западного берега Гренландии побывало 14 167 китобойных судов. Китобои встречались с западногренландскими эскимосами и вели с ними меновую торговлю⁴⁸. Эта торговля, которую вели не только китобои, но и специальные торговые суда, оказала значительное влияние на культуру западногренландских эскимосов.

Голландцы покупали у эскимосов главным образом китовый ус и песцовый мех. В свою очередь они привозили эскимосам одежду, котлы, ножи и другие металлические изделия, строительный лес, фаянсовую посуду, бусы. Позднее основными предметами ввоза стали ружья и охотничьи припасы. Обмен носил неэквивалентный характер, как это обычно имело место при торговле европейских купцов с отсталыми народами. Торговые сношения с европейцами не только изменили материальную культуру западногренландских эскимосов, но и вызвали важные изменения в их хозяйстве. Гораздо больше времени, чем раньше, стало уделяться охоте на песцов и соответственно меньше времени оставалось для охоты на морского зверя. Постепенно начал приходить в упадок китобойный промысел в связи с хищническим истреблением китов европейскими китобоями. Хозяйство западногренландских эскимосов начало утрачивать натуральный характер.

⁴⁷ K. Birket-Smith. *Ethnography of the Egedesminde District*, p. 15; R. Tving. *Grønland besejling. Grønlands Bogen*, v. II. København, 1950, p. 132.

⁴⁸ M. Vaucaire. *Histoire de la pêche a la baleine*. Paris, 1941, p. 121.

Глава шестая

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ГРЕНЛАНДИИ В XVIII—XX вв.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ГРЕНЛАНДИИ XVIII—XIX вв.

Новый этап в истории Гренландии наступил с началом колонизации острова датчанами. Спорадические торговые связи эскимосов сначала с норманнами, а впоследствии с путешественниками и китобоями дополнились постоянными и непрерывно нараставшими контактами с датскими купцами и миссионерами, контактами, включавшими как взаимодействие культур, так и физическое смешение.

Начало всему этому было положено прибытием в Гренландию норвежского миссионера Ганса Эгеде, который одновременно был главой торговой компании. В 1721 г. Эгеде вместе с еще несколькими колонистами высадился на острове Хобетс у входа в фьорд Готхоб и основал там поселок. Эгеде провел в Западной Гренландии пятнадцать лет. За это время он посетил многие эскимосские стойбища на западном побережье Гренландии и обратил значительное число эскимосов в христианство. Фактически его деятельность привела к тому, что многие новообращенные умерли от эпидемий оспы, занесенной к эскимосам самим Эгеде или членами его семьи. Кроме того, деятельность Эгеде отрицательно сказалась на психике крещеных эскимосов, так как он прививал им презрение к их традиционному образу жизни¹. Вслед за Эгеде в Гренландию начали прибывать новые миссионеры и торговцы. Они основывали поселки и миссионерские станции. В 1728 г. был основан поселок Готхоб на

¹ Ф. Нансен. Жизнь эскимосов. Собр. соч., т. 1. Л., 1937, стр. 363.

берегу одноименного фьорда. В 1733 г. активную деятельность в Западной Гренландии развернули миссионеры ордена моравских братьев. Они открыли на юго-западе острова шесть миссионерских станций в Кунгеке, Уманаке, Лихтенфелсе, Фредериксдоле и Иглориуте. Их деятельность среди эскимосов Западной Гренландии продолжалась до 1900 г.

В 1734 г. купец Якоб Северин получил монополию на торговлю с Гренландией. В 1746 г. он отказался от нее, неудовлетворенный прибылями. После этого государство передало монополию на торговлю с Гренландией Всеобщей торговой компании. В 1775 г. ее сменила Королевская гренландская торговая компания, монополия которой на торговлю с Гренландией сохранялась почти два века ².

За первые полвека колонизации европейцы основали в Западной Гренландии довольно большое число населенных пунктов, существующих до сих пор ³ и ставших центрами датского влияния на эскимосов.

В 1734—1742 гг. торговая фирма купца Якоба Северина основала Кристиансхоб на юго-восточном берегу залива Диско, Якобсхавн на восточном берегу того же залива и Фредериксхоб на юго-западе острова. В 1759 г. были основаны Эгедесминне и Холстейнборг. Вскоре на карте Гренландии появилось еще несколько поселков. В 1774 г. был основан Упернивик, в течение длительного времени остававшийся самой северной колонией датчан на западном побережье, а год спустя возникла самая южная колония — Юлианехоб. Таким образом, за полвека со времени начала вторичной колонизации Гренландии датчане охватили своими поселениями все западное побережье, и живущие здесь эскимосы попали в сферу экономического, культурного и религиозного влияния колонизаторов.

Основой датской колонизации Гренландии была торговля. С 1774 г. торговля с этой колонией стала государственной монополией.

² G. Nellemann. Applied Anthropology in Greenland in the 1860's. «Folk», v. 8—9. 1966/67, p. 222.

³ D. Cranz. Histoire von Grönland... Leipzig, 1765, кн. 5-я; G. Williamson. Changing Greenland. London, 1955, p. 37, 78, 88; K. Birket-Smith. Ethnography of the Egedesminde District, København, 1924, p. 15.

Объясняя причины длительного сохранения этой монополии, Г. А. Агранат отмечает, что датская буржуазия мало интересовалась Гренландией, которая не могла дать крупных прибылей на вложенный капитал. Поэтому датское государство само руководило колонизацией Гренландии. Кроме того, королевский двор был заинтересован в Гренландии как в самой крупной колонии Дании⁴.

В 1782 г. Западная Гренландия была разделена на две крупные административные единицы — северный и южный инспектораты, во главе которых были поставлены назначенные метрополией инспекторы. Кстати сказать, выдающийся датский ученый Г. Ринк был в 50-х годах XIX в. инспектором Южной Гренландии. В 1862—1863 гг. по его инициативе там был основан Совет попечителей — первое выборное учреждение в Гренландии. Он состоял из датчан и эскимосов и собирался два раза в год под председательством инспектора. Функции Совета попечителей ограничивались распределением единовременных государственных пособий беднякам и разрешением мелких споров.

В целом система управления Гренландией была малоэффективной, негибкой и не отвечала потребностям развития колонии.

В 1904 г. известный датский ученый и общественный деятель Л. Мюлиус-Эриксен резко выступил против существующей в Гренландии административной системы и, в частности, против объединения в одних руках торговых и административных функций. В результате широкой кампании в печати правительство метрополии актом от 27 мая 1908 г. реорганизовало управление Гренландией. Были введены отдельные должности главы администрации и главы королевской гренландской торговли. Однако эта реорганизация не дала ожидаемых результатов, и в 1912 г. новым актом во главе колонии был назначен директор, которому было подчинено и управление торговлей⁵.

В том же, 1912 г., в каждом дистрикте был создан местный совет, а кроме того, были созданы два провин-

⁴ Г. А. Агранат. Проблемы освоения зарубежного Севера (на примере Аляски, Канадского Севера, Гренландии). Докт. дисс., 1966, стр. 70—71.

⁵ G. Williamson. Указ. соч., стр. 79—81, 84, 87—88.

циальных совета — один для Северной Гренландии, другой — для Южной Гренландии⁶.

Таковы вкратце некоторые данные о системе управления и торговли Дании в Гренландии.

До конца XIX — начала XX в. политика Дании в Гренландии была направлена на то, чтобы эскимосы продолжали заниматься охотой, чтобы они сохраняли традиционные отрасли хозяйства, а также основные элементы самобытной материальной культуры.

Для работы в портах, на китобойных станциях и выполнения других «нетуземных» работ в Гренландию привозились датские и норвежские рабочие и моряки. Многие из них оседали на острове и женились на эскимосках⁷.

Торговля Дании с Гренландией также была ориентирована на максимальное сохранение традиционной культуры. Выбор европейских товаров в лавках Королевской торговой компании был весьма ограничен, а продажа эскимосам съестных припасов первоначально вообще была запрещена. Конечно, даже лимитированная торговля, как это подробно показал Э. Миккельсен в отношении Восточной Гренландии (см. ниже), вела к превращению прежнего натурального хозяйства эскимосов в товарное. Но в то же время благодаря такой политике преобразования в жизни гренландских эскимосов происходили постепенно и не привели к резкой ломке их культуры. В период колонизации значительно усовершенствовалась техника охотничьего промысла. Гарпуны при охоте на тюленей были заменены ружьями. В середине XIX в. был изобретен маскировочный щит для каяка. Он изготовлялся из куска белой материи, прикреплявшейся к форштевню, и делал каяк с носа похожим на ледяной торос. Это позволяло ближе подплывать к тюленям. Примерно в то же время было сделано и другое усовершенствование. Под кормой каяка стала прикрепляться рулевая доска, благодаря которой каяк стал лучше сохранять курс. Для зимней охоты с ружьем с начала XIX в. стал применяться белый матерчатый щит, ставившийся на маленькие санки, которые охотник толкал перед собой.

⁶ P. Freuchen. Peter Freuchen's book of the Eskimos. N. Y., 1961, p. 436.

⁷ F. Gad. Grønlands historie, v. 2. Copenhagen, 1969, p. 493.

Эти и некоторые другие усовершенствования повысили продуктивность индивидуальной морской охоты.

Под влиянием торговцев, скупавших оленьи шкуры, огромные размеры приобрела в первой половине XIX в. охота на оленей карибу. Она значительно облегчилась благодаря замене луков ружьями еще в XVIII в. Истребление оленей приняло хищнический характер. В 1839 г. было убито 37 тыс. оленей, затем в этом промысле наступил упадок, вызванный резким уменьшением поголовья карибу в Гренландии. Так, в дистрикте Юлианехоб олени были истреблены уже в начале XIX в., а в начале XX в. охота на них в Западной Гренландии велась только на участке между заливом Диско и Фредериксхобом⁸.

Увеличение производительности труда охотников и постепенная замена натурального хозяйства товарным в результате расширения торговли с датчанами приводили к повышению значения отдельной малой семьи, к обособлению ее в большесемейной общине. Действительно, уменьшение доли продуктов, добывавшихся для внутреннего потребления, означало также уменьшение продукции охоты, распределявшейся между членами общины по старым первобытным нормам раздела добычи. Все, что охотник получал в обмен на шкуры и жир, проданные торговцу, оставалось в его малой семье. Именно поэтому увеличилась самостоятельность малой семьи, и она начала выделяться из большесемейной общины. Этот процесс нашел свое отражение в происходившей в Западной Гренландии с конца XVIII — начала XIX в. смене больших общих домов маленькими, рассчитанными сначала на две, а позднее на одну малую семью. Очень характерно, что в Восточной Гренландии, где натуральное хозяйство сохранялось дольше, чем в Западной, дольше просуществовали и большие общинные жилища.

С середины XIX в. все сильнее ощущается уменьшение числа тюленей в результате их массового истребления европейскими зверобоями, особенно на лежбищах. В связи с этим участились случаи голода коренного населения в селениях Западной Гренландии⁹. Уменьшение плотности промысловых животных на единицу площади требовало рассредоточения охотников. Вероятно, это

⁸ K. Birket-Smith. *Ethnography of the Egedesminde District*, p. 347.

⁹ R. Petersen. *Some Regulating Factors in the Hunting Life of Greenlanders*. «Folk», v. 7, 1965, p. 112.

обстоятельство также сыграло определенную роль в происходившем в XIX в. в Западной Гренландии распаде большесемейной общины и соответственно в переходе от больших общинных домов к жилищам на одну-две семьи. Основной же причиной распада большесемейной общины и соответствующего изменения типа жилища была, как мы отмечали, постепенная смена прежнего натурального хозяйства западногренландских эскимосов товарным в результате торговли с датчанами. Это, как уже сказано, приводило к повышению значения отдельной малой семьи, к ее выделению из состава большесемейной общины. Этот процесс происходил не только в Гренландии, но и на других территориях, населенных эскимосами.

Мы вполне согласны с мнением Х. Клейвана, что «как только человек начинает продавать продукты своего труда торговцу, он неизбежно должен порвать с традиционными социально-экономическими обязательствами прежде всего по отношению к членам семей, с которыми он делит дом, и до некоторой степени по отношению к соседям»¹⁰ (по поселку.— Л. Ф.).

Один из лучших знатоков Гренландии середины XIX в. Г. Ринк отмечал в нескольких своих работах, что такую же роль, как продажа торговцу продуктов охоты и рыболовства, в разрушении традиционных социально-экономических обязательств по отношению к членам большой семьи и соседям сыграла работа многих гренландских эскимосов по найму в лавках, домах миссионеров и в других местах.

В пределах большой семьи выделялись отдельные малые семьи, имевшие более или менее постоянный денежный доход от продажи шкур, моржового клыка, тюленьего жира и других продуктов представителям Гренландской торговой компании. Доход от продажи этих и других продуктов оставался в малой семье, даже если она еще входила в большесемейную общину. В то же время охотничья добыча, не проданная торговцу, продолжала распределяться по старым коллективистическим нормам¹¹. В результате к полному выделению из большесемейной общины с переходом в индивидуальное жилище толкало

¹⁰ H. Kleivan. The Eskimos of Northeast Labrador. Oslo, 1966, p. 42.

¹¹ H. Rink. The Reason why Greenlanders and Similar People Living by Hunting Decline Materially through Contact with the Europeans. «Folk», v. 8—9, 1966/67.

и стремление тех, кто имел денежные доходы, освободиться от власти большой семьи и получить возможность улучшить условия своей жизни и нежелания тех охотников, чьи источники денежных доходов были малы, делиться мясом со своими более удачливыми «товарищами по дому». И к концу XIX в. в Западной Гренландии за немногими исключениями исчезли и большая семья, и большой дом. Исчезновение больших семей и больших домов повело к ряду существенных экономических и социальных последствий. Эти последствия подметил и описал эскимос Хансерак в журнале, печатавшемся в 60-х годах XIX в. в Гренландии на эскимосском языке. С этой статьей мы смогли познакомиться по выдержкам из нее, приведенным вышеупоминавшимся Р. Петерсеном¹². По наблюдениям Хансерака, переход в жилища на одну семью немедленно привел к ликвидации такой до того обычной формы кооперации, как совместное участие многих семей большого дома в сборе шкур для изготовления оболочки умиака. Эти оболочки менялись ежегодно, и одной малой семье было трудно собрать достаточное количество шкур для новой оболочки. Поэтому вслед за распадом большесемейных общин часть прежде входивших в них супружеских пар лишилась умиаков. Подобный процесс происходил и в Восточной Гренландии, как это установил Э. Миккельсен на основании знакомства с архивами датской администрации в Гренландии (см. главу о Восточной Гренландии).

Переход в маленькие жилища отрицательно сказался не только на умиаках, но и на другом, еще более важном элементе промыслового снаряжения — каяках. До этого каяки обычно ремонтировались зимой в свободное время внутри большого дома. Новые жилища на одну семью были слишком малы, чтобы внутри них можно было бы чинить каяк. На открытом воздухе этому мешал холод. В результате после переселения в маленькие жилища частыми стали случаи, когда охотники целое лето вели промысел в неисправных, протекающих каяках. Это ограничивало район деятельности охотников угодьями, ближайшими к стойбищу, что, конечно, снижало добычли-

¹² *Hanserâq. Kalâtdlit igdlukitdlinerânik avgorâlutik* (The dissolution of the Greenlandic families in more but smaller houses). «Atuagagdliutit», 1864, p. 587—591. Цит. по книге: *R. Petersen. Some Regulating Factors in the Hunting Life of Greenlanders*, p. 112.

вость морского зверобойного промысла. Тот же результат имело и уменьшение числа умиаков, находившихся в распоряжении охотников.

Одним из первых социальных последствий распада большой семьи, также отмеченным Хансераком, было изменение роли стариков в обществе. В большой семье они играли значительную и уважаемую роль. Старейшие члены большой семьи следили за порядком в доме, основываясь на своем опыте, планировали охотничьи поездки. Старики были хранителями традиций и полезных знаний, которые они передавали молодому поколению. Для малой семьи старики оказались тяжелым экономическим бременем в особенности в связи с последовавшим за исчезновением больших домов снижением эффективности морского зверобойного промысла и «их (стариков.— Л. Ф.) место стало теперь на периферии индивидуальной семьи вместо того, чтобы быть в центре большой семьи»¹³.

Как уже было сказано, ближайшим следствием распада большой семьи было снижение эффективности морской охоты. Но очень скоро, примерно с 1865 г., для охоты с каяка начали применяться ружья¹⁴. Они резко повысили добычливость морской охоты, но вместе с тем отстрел плавающих тюленей из ружей привел к тому, что значительная, по некоторым данным до 30—50%, часть убитых или тяжело раненых животных тонула прежде, чем охотник успевал их загарпунить. Несмотря на последнее обстоятельство, применение ружья создало временный бум в промысле тюленей. Наряду с усилением европейского зверобойного промысла у берегов Гренландии этот бум привел в конце XIX в. к значительному уменьшению числа тюленей, упадку зверобойного промысла эскимосов Западной Гренландии и как следствие этого к их крайнему обнищанию, которое отмечали Ф. Нансен, Л. Мюлиус-Эриксен и другие исследователи конца XIX — начала XX в.

Ухудшение экономического положения неблагоприятно отражалось и на демографических процессах, происходивших в Западной Гренландии во второй половине XIX в.

¹³ *Hanserâq*. Указ. соч., стр. 591.

¹⁴ *M. Mørch (Petersen)*. Concerning the tupilak that was caught in 1864. «Folk», v. 6, 1964, N 2, p. 95.

НЕКОТОРЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Во второй половине XIX в. в Западной Гренландии жило около 10 тыс. эскимосов. На протяжении 40 лет — с 1861 по 1900 г. — их численность почти не изменилась. Смертность коренного населения в результате ухудшения условий жизни под господством датских колонизаторов, а также от приносимых ими же эпидемий заразных болезней и туберкулеза была настолько велика, что уравновешивала рождаемость, несмотря на то, что последняя была большой.

Некоторое представление о численности населения Западной Гренландии и факторах, ее определявших, дает таблица 1.

Т а б л и ц а 1 *

Динамика численности коренного населения

Периоды	Численность коренного насе- ления	Смертность на 1000 человек	Рождаемость на 1000 человек
1861—1870 гг.	9648	34,9	34,8
1871—1880 гг.	9586	36,5	38,2
1881—1890 гг.	9720	32,4	36,9
1891—1900 гг.	10254	32,2	39,8

* Таблица составлена на основании таблиц Д1, Д2, Д4 из официального издания Комиссии по социальным исследованиям в Гренландии. «Befolkningssituationen i Vestgrønland». København, 1963, p. 34—36.

Эта неблагоприятная статистика населения была одной из причин, приведших Ф. Нансена, побывавшего на западном побережье острова в конце 80-х годов, к грустному выводу о том, что конечным результатом датской колонизации Гренландии явится вымирание ее коренных жителей и придет время, когда только «солнце будет всходить и заходить, расточая свое сияние над покинутой страной... а длинными зимними ночами мертвые будут танцевать в мерцающих полосах света над вечным безмолвием снежных полей»¹⁵.

¹⁵ Ф. Нансен. Указ. соч., стр. 394.

Подавляющая часть коренного населения в конце XIX в. жила в сельской местности. Как и в прошлом, выбор места для поселений определялся наличием в данном районе достаточного количества промысловых животных, удобными подходами к берегу для каяков и умиаков, а также близостью к источникам пресной воды. Поселения по большей части были расположены у основания выступающих в открытое море или в фьорды мысов. О преимуществах такого расположения уже говорилось выше, в связи с поселениями палеоэскимосов.

В северной части западного побережья (к северу от Эгедесминде) коренное население жило преимущественно по берегам больших круглый год покрытых льдом фьордов, таких как Торссукатак, Карахак и др., которые являются излюбленными местами обитания кольчатой нерпы. С другой стороны, жители юго-запада Гренландии предпочитали селиться в прибрежной полосе на островах¹⁶. Именно в эту изобилующую узкими проливами и мелкими заливами полосу приплывают во время весенних и осенних миграций гренландские тюлени и тюлени хохлачи.

В целом в конце XIX—начале XX в. население распределялось на западном побережье Гренландии весьма неравномерно. Некоторое представление об этом дают вышеприводимые цифры, относящиеся к началу XX в.¹⁷:

Район	Средняя протяженность прибрежной линии (в милях) на одного человека	Район	Средняя протяженность прибрежной линии (в милях) на одного человека
Вся Гренландия .	7,76	Кристиансхоб . .	0,93
Туле	1,61	Эгедесминде . . .	1,18
Упернивик . . .	0,81	Холстейнсборг . .	0,93
Уманак	0,93	Суккертоппен . .	1,12
Годхавн	0,52	Готхоб	1,06
Ритенбенк	0,39	Юлианехоб	0,69
Якобсхавн . . .	0,77	Ангмагсалик . .	1,62

¹⁶ K. Birket-Smith. *Ethnography of the Egedesminde District*, p. 129, ; R. Petersen. *Some Regulating Factors in the Hunting Life of Greenlanders*, p. 108.

¹⁷ E. Weyer. *The Eskimos*. Hamden, 1962, p. 110.

СОВРЕМЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ГРЕНЛАНДИИ

Мы не будем останавливаться на истории Гренландии в первой половине XX в., заметим лишь, что большую роль в сохранении ее коренного населения сыграло развитие морского рыболовства, которое почти на всем западном побережье острова сменило пришедший в упадок зверобойный промысел и дало местным жителям средства к существованию¹⁸.

Что же собой представляют современные гренландцы?

Они очень изменились за последние 60—80 лет. Прежде всего резко возросла их численность. В конце XIX в. в Гренландии жило немногим более 10 тыс. человек¹⁹. К 1968 г. на острове насчитывалось около 44 тыс. жителей²⁰. И этот прирост в основном был достигнут не в результате иммиграции из других стран, а за счет естественного прироста, благодаря увеличению рождаемости и уменьшению смертности. Что касается пришлого населения, то оно состоит почти исключительно из датчан, которых на острове около 7 тыс. человек, остальные 37 тыс.— коренные уроженцы Гренландии, эскимосы по происхождению. Население острова живет примерно в полутораста городах, поселках городского типа и деревнях. Как и прежде, подавляющая часть населения Гренландии, более 40 тыс., сосредоточена на ее западном побережье, особенно в его юго-западной части. В Северной Гренландии, т. е. в дистрикте Туле и районах к северу от него, живут около 700 человек. На востоке острова, где проживают около 3000 человек, наиболее крупные сгустки населения расположены в районе Ангмагсалика и у фьорда Скорсби.

Более четверти этого населения (считая и членов семей) связано с промысловым хозяйством, т. е. с охотой и рыболовством. Так, на конец 1965 г., когда население

¹⁸ Подробнее об этом вопросе см. ниже.

¹⁹ Ф. Хансен. Указ. соч., стр. 207.

²⁰ «Statistisk Årbog, 1969, Danmark». København, 1969, p. 459. Из этого же справочника взяты и другие ниже приводимые статистические данные о населении Гренландии, за исключением тех случаев, когда есть ссылка на другой источник. В 1971 г. население Гренландии, по-видимому, достигнет 50 тыс. человек.

Гренландии составляло 39 600 человек, рыболовством и охотой занимались более 3500 человек, а если добавить сюда неработающих членов семей, то от этих промыслов зависело свыше 11 тыс. человек.

Промысловое хозяйство, как известно, и раньше было основным занятием гренландцев. Но раньше они занимались преимущественно охотой на морского зверя: тюленей, моржей, китов, в меньшей степени охотой на птиц и сухопутных животных; рыболовство же не играло существенной роли в жизни гренландцев, оно считалось второстепенным занятием, женским делом, не достойным внимания мужчин.

Однако за последние 40—50 лет соотношение морского зверобойного промысла и морского рыболовства в хозяйстве гренландцев коренным образом изменилось.

Вследствие одновременного действия нескольких факторов количество морского зверя у берегов Гренландии значительно уменьшилось. Наибольшую роль в этом сыграло хищническое истребление моржей и тюленей европейскими и американскими зверобоями, особенно охота на местах лактации на лежбищах у берегов Ньюфаундленда и на ледяных полях к востоку от Гренландии. Кроме того, в результате потепления климата острова, достигшего своего максимума в период между 1920 и 1950 гг., значительная часть тюленей покинула прибрежные воды Западной Гренландии, переселившись дальше к северу.

В Северной Гренландии на промысел морского зверя отрицательно повлияло изменение ледовых условий опять-таки в связи с потеплением прибрежных вод. У жителей Северной Гренландии издавна охота на тюленей велась в основном со льда, но море последние десятилетия покрывалось здесь льдом на более короткий срок, и сам ледовой покров стал менее надежным, чем в предшествующие столетия. Стала почти невозможной зимняя ловля тюленей сетями подо льдом, весьма затруднилась также весенняя охота на тюленей, вылезających в апреле и мае на лед, чтобы погреться на солнце ²¹.

Все это сказалось на результатах зверобойного промысла. Если в начале XX в. гренландцами ежегодно до-

²¹ П. М. Хансен. Охота и рыболовство. Сб. «Гренландия». М., 1953, стр. 520.

бывалось более 100 тыс. тюленей, то к середине века это число уменьшилось примерно вдвое²². Правда, в последние 10—15 лет добыча тюленей несколько возросла, но она все же значительно меньше, чем в начале века. Так, в 1966 г. было добыто 77 634 тюленей и моржей. Особенно это заметно на юго-западе острова. В районе Юлианехоба в 1900—1909 гг. добывалось в среднем 19,2 тыс. голов морского зверя в год, а в 1954—1961 гг. в среднем 3,1 тыс. голов в год²³.

Население же Гренландии за этот период увеличилось в среднем в три раза, и количество добываемого зверя в расчете на одного охотника резко упало, особенно в наиболее густо заселенной юго-западной части острова.

Так, в 1958—1959 гг. на западном берегу было поймано 53 362 тюленя, т. е. в среднем по 21 тюленю на человека на севере побережья, и только по 7 тюленей на юге Гренландии. В Восточной Гренландии в том же охотничьем сезоне было добыто 13 854 тюленя или 36 на одного охотника²⁴.

В начале же века один охотник на севере Гренландии, по свидетельству К. Расмуссена, добывал за сезон до 200 тюленей²⁵. На юго-западе острова, по оценке Г. Ринка, один охотник добывал в среднем в год 60 тюленей, т. е. почти в 10 раз больше, чем теперь²⁶.

В Восточной Гренландии, по данным Э. Миккельсена, в конце 40-х годов потребление тюленьего мяса составляло «лишь $\frac{1}{3}$, а тюленьих шкур $\frac{1}{5}$ того, чем располагало население для собственных нужд в прошлом»²⁷.

Создавшееся уже в 20—30-х годах XX в. критическое положение с добычей морского зверя стало, особенно на

²² Г. М. Игнатьев. Гренландия. М., 1956, стр. 165.

²³ Wilhelm Dege. Grönland im Strukturwandel von Wirtschaft und Siedlung aufgezelt am Beispiel des Raumes um Jullanehöb. «Erdkunde», 1964, v. 18, N 3. Almindelig beretning, 1967. «Beretn. verdror. Grønland», 1968, N 1.

²⁴ K. Birket-Smith. Comments to Ch. Hughes. Under four flags. «Current Anthropology», 1965, N 1, p. 55.

²⁵ K. Rasmussen. The Netsilik Eskimos. Copenhagen, 1931, p. 152—153, 159.

²⁶ H. Rink. Nogle Bemærkninger om de nuværende Grønlænderes Tilstand. «Geografisk Tidsskrift», v. 1. Copenhagen, 1877, p. 26. Цит. по книге: K. Birket-Smith. Ethnography of the Egedesminde District, p. 278.

²⁷ Э. Миккельсен. Население Восточной Гренландии. Сб. «Гренландия». М., 1953, стр. 238.

юго-западе острова, компенсироваться развитием рыболовства, а именно: ловлей трески, палтуса, зубатки, а также креветок. И последние два — три десятилетия рыболовство и обработка рыбы являются основной отраслью хозяйства Гренландии, оттеснив на задний план прежде главенствовавший зверобойный промысел. Особенно быстро развивалось рыболовство в 50—60-х годах. Уловы рыбы увеличились с 1950 по 1961 г. с 21 до 41 тыс. тонн в среднем в результате замены гребных рыболовных лодок моторными судами и применения более совершенных типов сетей. Особенно возрос вылов наиболее ценного морского продукта — креветок. В 1950 г. их было добыто 199 тонн, а в 1966 г. — 5378 тонн, и сейчас гренландцы в большей мере рыбаки, чем зверобои²⁸.

Товарное рыболовство сосредоточено в Западной Гренландии. Рыбный промысел привел здесь к появлению рыбообрабатывающей промышленности. К концу 50-х годов в Западной Гренландии было свыше 70 рыбоприемных пунктов, где производилась засолка рыбы, 7 рыбоконсервных заводов, несколько предприятий по изготовлению филе из трески и палтуса и т. п. Почти вся треска, а также палтус, зубатка, креветки идут на экспорт. Сушеную треску покупает Нигерия, соленую — Греция, Испания, консервы идут в Данию, а рыбное филе — в США²⁹.

В 1961 г. продажа рыбы составила около 80% стоимости всего гренландского экспорта, а продажа продукции (шкуры, жир) от промысла тюленей только 15%³⁰.

В большей степени, чем на западе, зверобойный промысел сохранил свои позиции на севере и востоке острова. Так, у полярных эскимосов охота на тюленей и моржей, а также на мелких китов — нарвалов и белух — по-прежнему является важной отраслью хозяйства наряду с промыслом песцов. В Восточной Гренландии, в Ангмагсалике, немалое значение приобрел промысел акул, печень которых, содержащая много жира, скупается Гренландским торговым управлением. В целом

²⁸ М. Bøserup. Økonomisk politik i Grønland. København, 1963, S. 484; «Inter-Nord», 1968, N 10, p. 110.

²⁹ В. В. Похлебкин. Гренландия сегодня. «Мировая экономика и международные отношения», 1964, № 8, стр. 132.

³⁰ М. Bøserup. Указ. соч., стр. 479.

в Гренландии имеется около 50 поселков с населением в 8 тыс. человек, жители которых в основном занимаются зверобойным промыслом³¹.

Из других отраслей хозяйства современной Гренландии следует отметить строительство, от которого в 1966 г. зависело более 4 тыс. человек, промышленность (более 3000 работающих и членов семей), добычу полезных ископаемых, а также овцеводство.

Добычей полезных ископаемых было занято на 31 декабря 1965 г. 309 человек (834 человека вместе с неработающими членами семей)³². Они были заняты на добыче криолита около Ивигтута на юго-западе Гренландии и на угольной шахте в Кутдлигсате на острове Диско. В 1963 г. было добыто 67 тыс. тонн криолита и почти 30 тыс. тонн угля.

Как видно, эти цифры невелики. Криолит почти целиком вывозится, уголь же в основном идет на внутренний рынок, покрывая примерно 60% потребности промышленности и коммунального хозяйства Гренландии в этом виде топлива³³. Большую часть рабочих на шахте и рудниках составляют гренландцы. Датчане занимают административные и инженерные должности.

Другие отрасли хозяйства имеют сравнительно небольшое значение в хозяйстве Гренландии, и их развитие носит локальный характер. Так, в некоторых районах страны, особенно на северо-западе, ведется пушная охота. В 1963 г. было добыто, а также получено с двух звероферм 4,5 тыс. шкурок белых и голубых песцов³⁴.

На юго-западе, в районе Юлианехоба, развито овцеводство мясного направления. В 1967 г. насчитывалось около 25 тыс. голов овец. В 1962 г. половина поголовья принадлежала 26 гренландским хозяевам, для которых овцеводство являлось основным занятием, а другая половина находилась в собственности датчан³⁵. Ежегодно забивается до 15—20 тыс. овец и ягнят. Мясо идет

³¹ S. Christiansen. The Greenland fur industry «Polar Record», v. 14, 1966, N 90. p. 287—297.

³² «Statistisk Årbog, 1969», p. 467.

³³ W. Dege. Bergbau auf Grönland. «Glückauf», t. 101, 1965, N 10, S. 612—616.

³⁴ «Statistisk Årbog», 1969, p. 433.

³⁵ A. Kampp. Fareavl i Grønland. «Geografisk tidsskrift», 1964, N 1, s. 82—98.

Цит. по реферативному журналу «География», 1965, № 1, к. 8; «Statistik

на внутренний рынок, а также вывозится в мороженом виде.

Экономическое развитие страны, переход от зверобойного промысла к рыболовству и от натурального к товарному хозяйству, отмена в 1950 г. государственной монополии на торговлю и предпринимательство в значительной мере изменили социальный состав гренландского общества. Как отмечается во многих работах, и в частности в вышеупоминавшейся статье В. Похлебкина, у гренландцев появился свой рабочий класс, включающий рабочих горнорудной и рыбной промышленности; сформировалось довольно многочисленное крестьянство, состоящее в основном из мелких собственников, занимающихся товарным рыболовством с помощью собственных орудий лова и гребных или небольших моторных лодок. К этой же социальной группе относятся и овцеводы Южной Гренландии.

В основном в последнее десятилетие из среды гренландцев выделилась национальная буржуазия, состоящая главным образом из мелких торговцев и владельцев предприятий бытового обслуживания. Значительная часть гренландских розничных торговцев на рубеже 1960-х годов объединилась в акционерное общество, ведущее дела непосредственно с крупными оптовыми торговцами Дании. Из 176 частных предприятий, существовавших в Гренландии в 1961 г., гренландцам принадлежало 110, а датчанам 66, но 75% капиталов владела именно датская буржуазия³⁶, и, по мнению датских экономистов, дальнейшее развитие частного предпринимательства в Гренландии в современных условиях приведет к тому, что все ключевые позиции в хозяйстве страны будут захвачены датскими иммигрантами³⁷.

В результате роста национального и классового самосознания гренландцев в 1965 г. на острове были организованы профсоюзы рабочих, служащих, рыбаков и зверобоев, а также несколько молодежных организаций, например, «Совет молодых гренландцев»³⁸. А в 1964 г. в Гренландии впервые возникла своя политическая партия «Инуит», ставящая своей целью борьбу за экономическое

Årbog», 1969, p. 466.

³⁶ В. В. Похлебкин. Указ. соч., стр. 134.

³⁷ М. Bøserup. Указ. соч., стр. 489.

³⁸ В. В. Похлебкин. Указ. соч., стр. 132.

и социальное равноправие коренного населения³⁹. Ее руководитель У. Розинг заявил также, что главным пунктом программы этой партии является самостоятельность Гренландии. И профсоюзы, и молодежные организации острова все шире развертывают борьбу против экономической дискриминации гренландцев, которые за одну и ту же работу получают значительно меньше, чем датчане. Так в 1963 г. гренландские рабочие получали на 50% меньше, а государственные служащие на 20% меньше, чем рабочие и служащие Дании⁴⁰.

С 1 апреля 1964 г. зарплата гренландцев была повышена на 10%, но все равно она осталась значительно меньшей, чем зарплата рабочих и служащих датского происхождения⁴¹.

Вряд ли гренландские трудящиеся удовлетворятся этой надбавкой и откажутся от выдвигаемого ими уже в течение ряда лет требования равной оплаты за равный труд. И, вероятно, прав норвежский исследователь Х. Клейван, писавший в начале 1965 г., что теперь, после принятия закона о размерах оплаты гренландцев надо ожидать увеличения их политической активности и обострения отношений между Гренландией и Данией⁴².

Распад полунатурального хозяйства, существовавшего в Гренландии еще в прошлом веке, и развитие капиталистического производства, и прежде всего товарного рыболовства, не могли не сказаться на культуре гренландцев.

В течение нескольких десятилетий шел процесс ликвидации мелких населенных пунктов и концентрации населения в более крупных поселках вблизи центров промышленного рыболовства. Начиная в основном с 1950 г., была обновлена большая часть жилого фонда коренного населения страны, только с 1960 по 1965 г. было построено более 1500 стандартных домов. И уже в 1967 г. жилища, построенные до 1948 г., составляли лишь около 15% всех домов. Правда, значительная часть домов имела только одну комнату и в них не было кухни. Но если вспомнить, что два-три десятилетия назад преобладаю-

³⁹ К. Hertling. Hvorfor partidannelser i «Grønland», 1968, N 1, p. 1—8; M. Lidgaard. Grønland amt eller... «Grønland», 1968, N 2, p. 45.

⁴⁰ М. Bøserup. Указ. соч., стр. 497.

⁴¹ В. В. Похлебкин. Указ. соч., стр. 135.

⁴² «Gurrent anthropology», 1965, N 1, p. 62.

щим типом жилища в Гренландии оставались маленькие и негигиеничные хижины из дерна и камней, то прогресс налицо.

Вместе со старым типом жилища уходит в прошлое и национальная одежда. Полный эскимосский костюм гренландцы западного побережья одевают только на праздники.

В обычные дни, как правило, носят одежду фабричного производства. Правда, некоторые ее элементы по покрою копируют традиционный эскимосский костюм. Так, мужчины носят матерчатые куртки с капюшонами, схожие по форме с эскимосскими парками, темные брюки из сержа, заправленные в сапоги из тюленьей кожи. Большинство женщин, особенно в городах, носит европейскую одежду⁴³.

Лучше сохранилась традиционная одежда на северо-западе и востоке острова. Здесь нередко носят одежду из меха медведя, тюленей, песца.

И в питании гренландцев основное место заняли европейские продукты и, пожалуй, только у жителей северо-западной Гренландии до сих пор преобладающую часть пищевого рациона составляет мясо морских животных.

Изменения коснулись не только материальной, но и духовной культуры гренландцев.

Как ликвидация замкнутого натурального хозяйства, так и довольно широкий размах школьного обучения (в 1962—1963 гг. в Гренландии было 116 семилетних, а также несколько средних школ и профессиональных училищ с более чем 6 тыс. учащихся) способствовали расширению кругозора гренландцев, их ознакомлению с жизнью других стран и народов, с основами современных наук. Обучение ведется в большинстве школ, особенно сельских, на эскимосском языке и фактически лишь немногие гренландцы могут свободно говорить по-датски⁴⁴. Тем не менее общая и профессиональная подготовка

⁴³ G. Williamson. *Changing Greenland*. London, 1953, p. 11.

⁴⁴ «Statistisk Årbog, 1969», p. 474; с начала 50-х годов большая часть местных учителей в городах была заменена приезжими из Дании учителями, ведущими занятия на датском языке. C. Hobart and C. Brant. *Eskimo Education, Danish and Canadian: A Comparison*. «The Canadian Review — of Sociology and Anthropology», v. 3, 1966, N 2, p. 50—54; A. Henriksen. *Skole og Kulturmode i Grønland II* «Grønland», 1970, N 3, p. 88.

Гренландцев еще недостаточно и квалифицированные и высокооплачиваемые работы предоставляются в основном датчанам. В Гренландии существует своя письменная литература на эскимосском языке, включающая все основные жанры: прозу, поэзию, драматургию. В числе ее видных представителей В. Тальбицер в очерке по истории гренландской литературы называет имена прозаиков Павиа Петерсена, поэта Хенрика Лунда, прозаика и драматурга Ханса Линге и др.⁴⁵ На эскимосском языке в Гренландии также печатаются две газеты с общим тиражом более 7000 экз. и проводятся радиопередачи.

Потребность в обозначении многих новых для гренландцев понятий привела к насыщению эскимосского языка Гренландии иностранными, особенно датскими словами⁴⁶.

Рост политической активности гренландцев наряду со стремлением Дании сохранить свой суверенитет над островом привели к тому, что в 1950 г. в Гренландии были созданы местные органы самоуправления во главе с национальным советом — Ландсродом, а в 1953 г. Гренландия официально перестала быть колонией и была объявлена неотъемлемой частью Дании. С 1967 г. Ландсрод возглавляется не губернатором Гренландии, а выборным лицом — уроженцем Гренландии Э. Хоегом, сторонником сохранения и интеграции Гренландии в составе Дании⁴⁷.

В датском парламенте был создан гренландский комитет, а в 1955 г. было образовано министерство по делам Гренландии. С тех пор (с 1953 г.) прошло 18 лет. За это время Дания, стремясь сохранить Гренландию и не допустить ее отделения или вхождения в экономическую орбиту США, вложила значительные средства в экономическое развитие Гренландии, в жилищное строительство. Повысился уровень жизни, значительно уменьшилась смертность: с 25 человек на 1000 в 1950 г. до 8 человек на 1000 в 1966 г.⁴⁸ Но в то же время, по приз-

⁴⁵ W. Thalbitzer. Grønlandsk litteratur-historie. Grønlands Bogen. København, 1950, p. 225—250.

⁴⁶ A. Bugge. The native greenlander — a blending of Old and New. «Arctic», v. 5, 1952, N 1, p. 51.

⁴⁷ H. Hoegh. Nye veje — nye arbejdsår. «Grønland», 1968, N 2, p. 38.

⁴⁸ R. Mikkelsen. O lykkelig folk. København, 1970, p. 61,

нанию самих датских авторов, уровень жизни гренландцев по-прежнему намного ниже уровня жизни датчан, а смертность выше, и сейчас, как в прошлом, датчане занимают на острове все ключевые посты.

По свидетельству губернатора Гренландии и скандинавских исследователей, вся перестройка жизни острова проводится сверху, датчанами, без участия коренного населения⁴⁹. Все более острой проблемой становится безработица. Зимой 1969/70 г. более половины профессионально обученных гренландцев не имели работы. Из 850 подростков, окончивших школу весной 1970 г., не смогли найти работы в 1970 г. 600 человек.

Вряд ли такое положение удовлетворяет гренландцев, но лишь будущее покажет, какой путь они выберут — отделения или борьбы за равноправие в составе Дании. В недавние годы на острове был выдвинут лозунг «Гренландия для гренландцев». Но, насколько можно судить, пока что он не получил большой популярности⁵⁰. По-видимому, развитию сепаратистских тенденций препятствует прежде всего большая зависимость Гренландии от датских государственных капиталовложений, ее неспособность в настоящее время самостоятельно конкурировать с более развитыми «рыбопромышленными» странами.

Отдельно надо рассмотреть судьбы коренного населения на восточном берегу и северо-западе острова. Живущие там эскимосы позднее и в меньшей степени подверглись влиянию датской культуры. Почти не имело здесь места и физическое смешение с европейцами из-за ограниченности контактов с последними. Поэтому эскимосы Восточной Гренландии и полярные эскимосы до сих пор остаются своеобразными этнографическими группами в составе гренландского народа.

⁴⁹ *N. Christiansen*. Указ. соч., стр. 79; *V. Aubert*. Greenlanders and Lapps Some comparisons of their relationship to the incusive society. M.S., p. 10.

⁵⁰ *J. Malaurie*. Le développement industriel permettra-t-il du Grønland de rester Groenlandais? «Inter-Nord», 1968, N 10, p. 113.

Глава седьмая

ПОЛЯРНЫЕ ЭСКИМОСЫ

Обособленной группой населения острова, до сих пор не вполне вошедшей в состав гренландского народа, являются полярные эскимосы. Это горстка людей, численностью лишь около 400 человек, живущая ныне на берегах залива Инглфилд на северо-западе Гренландии.

Их предки пришли сюда в 1100—1200 гг. н. э. с островов Канадского арктического архипелага¹. Они принесли в Гренландию культуру туле. Это была культура морских зверобоев и китобоев, распространенная в начале II тысячелетия н. э. по всему северному побережью Америки.

По наиболее общепринятой точке зрения, культура туле считается ответвлением бирнирка-неоэскимосской культуры Северной Аляски. Сторонники этой точки зрения полагают, что, зародившись на Аляске, культура туле очень быстро распространилась на восток вплоть до Гренландии². Эту точку зрения разделял и автор настоящей работы³. Однако существует и другая гипотеза о возникновении культуры туле. Согласно ей, туле не происходит ни от бирнирка, ни от какой-либо другой культуры Аляски. По этой гипотезе, туле — результат приспособления к морю древнейших местных протоэскимос-

¹ J. Meldgaard. On the formative period of the dorset culture. «Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America». Montreal, 1962, p. 92.

² K. Birket-Smith. The Eskimos, London, 1959, p. 194.

³ Л. А. Файнберг. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964, стр. 31—32.

ских культур Северной Канады⁴. Вряд ли при настоящем уровне знаний можно решить, где же возникла культура туле, ясно только одно, что это произошло не в Гренландии. В то же время очевидно, что в Гренландию культура туле распространилась еще на начальном этапе своего развития. Об этом свидетельствует, в частности, ее несколько более сухопутный характер по сравнению с классическими формами канадского туле, высокоспециализированной культуры морских зверобоев и китобоев.

Носители культуры туле, переселившись в Гренландию, обосновались на северо-западе острова в пределах современного дистрикта Туле. Зимой они жили в небольших полуземлянках круглой или закругленной в плане формы, а летом, очевидно, перебирались в палатки из шкур. С самого начала жизни этих людей в Гренландии они занимались охотой на моржей, тюленей и китов, о чем свидетельствуют находки остатков гарпунов, каяков и умиаков, а также костей морских животных на местах поселений⁵.

Однако в раннегренландском туле число таких находок невелико. Судя по остаткам орудий охоты и костей, в XII—XIII вв. у населения дистрикта наряду с морской большую роль продолжала играть и сухопутная охота.

В XIII в. в дистрикте Туле появилась новая группа переселенцев из Арктической Америки. Наиболее ранние остатки их культуры были обнаружены Э. Холтведом на Руин-Айленд в заливе Маршалла.

В своей основе культура руин-айленд была сходна с гренландским туле, отличаясь от него более развитым китобойным промыслом, а также наличием при домах отдельных построек для кухни. Кроме того, у них были кажимы, по-видимому, отсутствовавшие в гренландском туле⁶.

Где-то ближе к концу XIV в. люди с культурой руин-айленд начинают двигаться на юг и быстро сливаются с инугсукцами Западной Гренландии. В XIV же веке часть дистрикта Туле (к югу от Земли Инглфилд и сов-

⁴ E. Holtved. Archaeological investigations in the Thule district, t. II. København, 1944, p. 177.

⁵ Там же, стр. 10—12.

⁶ Там же, стр. 38, 177, 179.

ременной этнической территории полярных эскимосов) испытывает влияние инугсукской культуры. В отличие от культуры туле Земли Инглфилд культура южной части дистрикта в XIV—XVI вв. была весьма сходна с инугсукской. По сравнению с собственно туле для нее было характерно более широкое использование каяков и умиаков, усовершенствованные орудия морской охоты, широкое использование китового уса, а также наличие предметов, свидетельствующих о норманнском влиянии. Так, в южной части дистрикта было найдено 69 бочонков с клепкой, а на Земле Инглфилд только один.

И жилища населения южной части дистрикта были такими же, какие встречались и в инугсукке и у людей руин-айленд. Здесь в XIV—XVI вв. строились закругленные в плане полуземлянки с отдельной кухней⁷.

К сожалению, ни Э. Холтвед, ни другие археологи-исследователи Гренландии пока не смогли решить вопрос о генетических связях между людьми туле с Земли Инглфилд и инугсукцами. Кто были инугсукцы — отдельная ли волна переселения или просто продвинувшаяся на юг часть той же миграционной волны, которая освоила Землю Инглфилд, пока трудно сказать. Нам лично более вероятным представляется второе предположение. Но и в этом случае история жителей Земли Инглфилд насчитывает много столетий самостоятельного этнического развития.

Появившись в Гренландии в XII—XIII вв., обитатели Земли Инглфилд почти не испытали влияния норманнской культуры. А примерно с 1600 г., судя по материалам раскопок, прервались все связи полярных эскимосов со своими западногренландскими собратьями⁸. Возобновились они только в XX в.

По-видимому, в отличие от жителей Западной Гренландии, полярные эскимосы в XVII—XVIII вв. не имели никаких контактов и с европейскими китобоями. В культурных слоях, относящихся к этому периоду, не было обнаружено никаких предметов неместного происхождения⁹.

⁷ E. Holtved. Archaeological investigations in the Thule district, t. II. København, 1944, p. 15—16, 26, 70, 178, 179.

⁸ Там же, стр. 178.

⁹ Там же, стр. 25.

За века изоляции полярные эскимосы утратили многие важные элементы культуры, которые были у них в начале их жизни в Гренландии. У полярных эскимосов исчезли такие характерные элементы неоэскимосской культуры, как каяк и умиак. Утрата их скорее всего была следствием непрерывного ухудшения климата, происходившего в Гренландии на протяжении ряда веков вплоть до 1850-х годов. Море у северных берегов острова все реже освобождалось от ледяного покрова, и охота с лодок все больше теряла свое значение, пока не заменилась полностью охотой со льда.

По не вполне понятным причинам полярными эскимосами были также утрачены лук и стрелы, остроги для лучения рыбы, дротики для охоты на птиц¹⁰.

Меньше, чем орудия охоты, изменились за прошедшие века жилища полярных эскимосов. В XVIII и первой половине XIX в. они, как и их предки, жили в небольших домах, сложенных из камней и дерна. Несколько другой стала лишь форма этого жилища. Если у их предков, людей туле, преобладали круглые в плане жилища, хотя встречались также дома закругленной и прямоугольной формы, то в XVIII в. последние два типа стали преобладающими¹¹.

Изоляция полярных эскимосов от внешнего мира была настолько полной, что в начале XIX в. они считали себя единственными людьми на земле. И когда в 1818 г. английский полярный мореплаватель Джон Росс в поисках Северо-Западного прохода наткнулся на селения полярных эскимосов, последние никак не могли поверить, что пришельцы тоже люди, а не духи, настолько они были убеждены, что к югу от них лежат только безлюдные льды¹².

Вслед за Россом у берегов Северо-Западной Гренландии, т. е. в заливе Мелвилла и в проливе Смита, появились шотландские китобои. Летом, если этому не препятствовали ледовые условия, они приходили сюда для охоты на китов. Попутно шотландцы вели меновую торговлю с полярными эскимосами. В обмен на песцовые

¹⁰ Х. Ларсен. Гренландцы. Сб. «Гренландия». М., 1953, стр. 213; Э. Холтвед. Население округа Туле. Сб. «Гренландия». М., 1953, стр. 226.

¹¹ E. Holtved. Archaeological investigations..., p. 177—178.

¹² J. Ross. A voyage of discovery... London, 1819, p. 83, 85, 123.

и медвежьи шкуры китобои давали полярным эскимосам дерево, в котором те остро нуждались, ножи, а иногда и ружья¹³. Моряки вступали в связи с эскимосскими женщинами, и в результате в племени появились первые метисы¹⁴.

В 50—70-х годах XIX в. дистрикт Туле служил базой для нескольких экспедиций, искавших участников пропавшей экспедиции Джона Франклина. Корабли Э. Кейна в 1854—1855 гг., И. Хейса в 1860—1861 гг. и Г. Холла в 1872—1873 гг. зимовали в проливе Смита, и участники экспедиций встречались с полярными эскимосами¹⁵.

Однако до 90-х годов торговля с полярными эскимосами шотландских китобоев и контакты с ними же участников экспедиций были, по-видимому, невелики по размерам и к тому же носили довольно спорадический и случайный характер. Как отмечает Э. Холтвед, полярные эскимосы в этот период «весьма сдержанно относились к завязыванию отношений с иностранцами. Их удивляло, почему белые люди плохо справляются со своим делом, несмотря на громадное снаряжение, которое, по мнению полярных эскимосов, было, однако, мало практичным»¹⁶.

Основные изменения в культуре полярных эскимосов связаны не с влиянием европейцев, а с влиянием эскимосов же, но только не гренландских, а канадских.

В начале 60-х годов XIX в., когда из-за суровых зим и плохой охоты на севере Канады был голод, произошла последняя миграция американских эскимосов в Гренландию¹⁷. О ней рассказал К. Расмуссену ее участник Меркусак¹⁸. По его словам, эскимосы самого северного стойбища Баффиновой Земли узнали от матросов китобойных судов, что по другую сторону «Великого моря» (Девисова пролива) есть земля, тоже населенная эскимосами. Это известие произвело большое впечатление на

¹³ K. Birket-Smith. The Eskimos, p. 211.

¹⁴ A. Wallace and R. Ackerman. An Interdisciplinary Approach to Mental Disorder among the Polar Eskimos of Northwest Greenland. «Anthropologica», v. II, N 2, 1960, p. 2—3.

¹⁵ Отчеты об этих зимовках содержатся в следующих работах: E. Kane. Arctic Explorations, v. I—II. Philadelphia, 1856; I. Hayes. The Land of Desolation. N. Y., 1872; C. Davis. Narrative of the North Polar Expedition U. S. Ship «Polaris». Washington, 1876.

¹⁶ Э. Холтвед. Население округа Туле, стр. 233.

¹⁷ П. Фрейхен. Зверобой залива Мелвилл. М., 1961, стр. 191, 197, 198.

¹⁸ K. Rasmussen. The people of the polar north. London, 1909, p. 23—31.

шамана Китдларссуака и, по его призыву, 38 человек (мужчин и женщин с детьми) погрузили свое имущество: палатки, каяки, орудия охоты на 9 собачьих упряжек и тронулись в путь. Две зимы они шли на север по побережью сначала Баффиновой Земли, а затем острова Элсмира. Весной устраивали в местах, богатых морским зверем, стойбище, где, охотясь и ловя рыбу, проводили лето. Осенью строили зимние жилища из камня и дерна и оставались в них в течение всей полярной ночи. Но как только солнце появлялось над горизонтом, люди бросали насиженное место и снова трогались в путь. Через два года многие потеряли надежду, и 24 человека повернули обратно, лишь 14 продолжали путь на север. И когда пришла весна, они достигли такого места, где море сужается до небольшого канала (пролив Смита). Они пересекли его и вышли на берег Гренландии. А вскоре после этого они встретились с полярными эскимосами и влились в их маленькое племя. Переселенцы принесли полярным эскимосам немало умений и навыков, когда-то знакомых последним, но утерянных за время жизни в Гренландии. Вклад переселенцев в культуру полярных эскимосов был засвидетельствован многими исследователями и археологами, и этнографами, но никто не сказал о нем так красочно и впечатляюще, как старый эскимос Меркусак:

«Мы научили этих людей многим вещам. Мы показали им, как строить снежные хижины с длинным коридором и входом снизу. Когда снежная хижина строится таким образом, в помещении, где вы сидите, нет сквозняка. Эти люди (полярные эскимосы) строили снежные хижины и до нашего прихода, но они ничего не знали о входе снизу...

Мы научили их стрелять из лука. До нас они не охотились на оленей, хотя их много в этой стране. Если они случайно и добывали оленя, то не решались есть его, боясь, что они могут умереть от этого, и отдавали мясо собакам...

Мы научили их лучить лосося (гольца) в ручьях. В этой стране много лососей, но у здешних людей не было орудия, чтобы добывать их...

И мы научили их строить каяки и охотиться и ловить зверя с каяков. До этого они охотились только со льда и за весеннее время им нужно было поймать столько

тюленей, моржей и нарвалов, сколько надо, чтобы прокормиться лето, когда лед уходил. На лето люди обычно отправлялись на островки, где гнездятся гаги, или к прибрежным скалам, местам гнездовий чистиков или шли в места, где кормятся кайры. Люди рассказали нам, что их предки умели пользоваться каяками, но однажды злая болезнь опустошила их страну и унесла много стариков. Молодые не знали, как строить каяки, а каяки стариков были погребены вместе с их владельцами. Так и случилось, что охота с каяков была забыта...

Но сами мы переняли их тип саней, так как он был лучше нашего...

Весь народ принял нас как сородичей, и мы прожили здесь много лет, не думая о возвращении домой»¹⁹.

Что же представляли собой полярные эскимосы во второй половине XIX в.?

В это время их было около 250 человек, и они, как и их предки, жили на северо-западе Гренландии, на участке побережья между 75° и 80° с. ш.²⁰ Характер их расселения на этой территории периодически менялся в зависимости от времени года и сезона охоты.

Конец осени и большую часть зимы полярные эскимосы жили в постоянных жилищах. В них они проводили все темное время года (полярную ночь), которое длится в Туле с 19 октября по 24 февраля. Зимние селения были невелики по размерам. В каждом из них обычно насчитывалось лишь 5—6 односемейных или изредка двухсемейных домов. Это были полуземлянки из камня и дерна. По устройству они были близки к известным по археологическим раскопкам домам северогренландского туле, но отличались от них по форме. Она была не закругленной в плане, а грушевидной. Дом был обычно расположен на склоне горы и обращен передней широкой стеной к морю. Стены напоминали поставленный на ребро пирог с корками из камней и начинкой из земли или дерна. Крыша из-за недостатка дерева также обычно крылась плоскими камнями, а роль стропил выполняли длинные камни с противовесами.

¹⁹ K. Rosnussen. The people of the polar north. London, 1909, p. 32—33.

²⁰ H. Steensby. Contributions to the ethnology and anthropogeography of the Polar Eskimos. Copenhagen, 1910, p. 225—256.

В помещение вел прокопанный в склоне горы туннель длиной в 4 — 5 м. Изнутри он был обложен камнями. Туннель был таким низким, что через него надо было проползать на коленях. Заканчивался он под фасадом дома. Чтобы попасть в комнату, надо было подняться по ступенькам. При таком расположении входа тяжелый холодный воздух лишь очень постепенно проникал в помещение.

В туннеле лежала костяная лопаточка-тилугтут, которой выбивали снег из одежды, чтобы она не намокла в теплом помещении.

Сама комната обычно имела не более 4 м в поперечнике при высоте около 2,5 м. Всю заднюю часть комнаты занимала широкая платформа высотой около 90 см. Сверху она была выложена плоскими камнями, немного нависавшими над ее передним краем. Под этим навесом хранились шкуры и другое имущество.

На платформу настился толстый слой сухой травы, а поверх нее клались шкуры мускусного быка и оленя карibu. На них и спали, прикрываясь одеялами из оленьего, песцового или заячьего меха. При этом ложились в ряд головой к краю платформы, а ногами к задней стене дома. По обеим сторонам от входа устраивались боковые платформы. На них стояли жировые лампы, лежали ножи и домашняя утварь, а также приготовленное для еды мясо. На одной из платформ стояло корытце с водой для питья. Под потолком была привязана рама из костей, на которой вешали для просушки одежду и обувь. Таким было зимнее жилище полярных эскимосов во второй половине XIX и начале XX в.²¹

В долгую полярную ночь оно освещалось только жировыми лампами. Когда же солнце всходило над горизонтом, в дом проникало немного света и через расположенное как раз над входом окно, затянутое пленкой, сшитой из высушенных кишок бородатого тюленя (*Erig-nathus barbatus*). Это окно было не очень прозрачным, и увидеть, что делается снаружи, можно было только через специальное смотровое отверстие, сделанное в одном из нижних углов окна. А в одном из его верхних углов было отверстие для вентиляции, во избежание сквозняков прикрытое пучком сухой травы. По мере

²¹ «P. Freuchen's Book of the Eskimos». Cleveland, 1961, p. 40—44, 46, 47.

того, как теплый воздух постепенно выходил через это отверстие наружу, в жилище снизу через вход поступал свежий холодный воздух. Таким путем помещение непрерывно и равномерно проветривалось.

Во второй половине февраля полярные эскимосы покидали зимние селения и почти все собирались в одно место — Питуарвик, где было много моржей. Здесь каждый год на льду вырастало большое стойбище из снежных хижин — иглу. Полярные эскимосы жили в них с конца февраля и до второй половины мая, т. е. до того времени, когда начинают взламываться морские льды²². Иглу эскимосов Северо-Западной Гренландии ничем существенно не отличались от многократно описывавшихся в литературе снежных хижин эскимосов Канады²³. Поэтому вряд ли здесь необходимо говорить об их устройстве.

Летом полярные эскимосы образовывали группы по 3 — 4 семьи, которые часто передвигались с места на место в поисках охотничьей добычи. Жили они в это время года в чумах из тюленьих шкур. Хозяйство полярных эскимосов во второй половине XIX в. в основном было еще натуральным. Оно сочетало морскую и сухопутную охоту. Меньшее значение имели рыболовство и собирательство. Промысел отдельных видов животных носил четко выраженный сезонный характер.

Как уже было сказано выше, весна была главным временем охоты на моржей. В этот период года ветры периодически взламывают морские льды. Затем образуется новый ледяной покров. Моржи пробивают во льду отверстия для дыхания или собираются в полыньях. В это-то время велась охота на моржей на севере дистрикта Туле. Их убивали тяжелыми гарпунами с кромки льда или через дыхательные отверстия. Загарпуненное животное подтягивали с помощью линя к кромке льда. Если же она была слишком тонкой и могла проломиться под тяжестью зверя, то его протягивали подо льдом до такого места, где лед был достаточно прочным, и только здесь подымали наверх через специально прорубленное

²² W. Ekblaw. Material responses of the polar Eskimo to their far arctic environment. «Annals of the association of American Geographers», v. XVIII, 1928. N 1, A. Kroeber. The Eskimo of Smith Sound. N. Y., 1900, p. 268—269.

²³ См. работы В. Стефанссона, К. Расмуссена и др.

во льду отверстие²⁴. В южной части дистрикта Туле, в особенности около острова Саундерс, на моржей охотились также в начале осени, до становления льда, с каяков.

Весной, в апреле, полярные эскимосы охотились и на тюленей, вылезавших на лед, чтобы погреться на солнце. К ним осторожно подползали почти вплотную, а затем убивали ударом гарпуна или даже просто кулака. Эта охота называлась уток²⁵.

Весна, как, впрочем, и осень, была также временем охоты на белых медведей. На них охотились с собаками и копьем. Промысел этот велся ради мяса, но особенно ради шкуры, из которой изготовлялись теплые мужские штаны. Апрель и май были единственным временем охоты на мускусных быков.

В конце XIX в. мускусные быки водились в Гренландии только на крайнем севере или северо-востоке. Полярные эскимосы предпринимали для охоты за ними дальние многомесячные поездки на север Гренландии, а также на остров Элсмира²⁶. Итак, весна была очень важным временем в хозяйственной деятельности полярных эскимосов. Это нашло свое отражение в одной из их пословиц: «Человек, бездельничающий дома, когда вокруг весна, попусту растрчивает свою жизнь»²⁷.

Летом полярные эскимосы во второй половине XIX в. охотились с каяков на тюленей и нарвалов, добывали птиц с помощью сетей и сачков, а женщины ловили рыбу.

С наступлением осени возобновлялась охота на моржей, как с каяков, так и с кромки льда, а также на оленей карибу и медведей. К 1914 г. охота на оленей на северо-западе Гренландии прекратилась в связи с их истреблением членами экспедиций Пири.

В начале и конце зимы полярные эскимосы добывали тюленей из-под льда способом маунок, т. е. выжидаанием у продушин, через которые дышат тюлени. Вряд ли необходимо подробно останавливаться на этом много-

²⁴ E. Holtved. Thule districtet. Grønlands Bogen, 1950, København, t. II, p. 280—281.

²⁵ E. Weyer. The Eskimos. Hamden, 1962, p. 80.

²⁶ K. Rasmussen. Greenland by the Polar Sea. London, 1921, p. 17; P. Freuchen. Указ. соч., стр. 151.

²⁷ K. Rasmussen. The people of the polar north, p. 42.

кратно описанном в этнографической литературе способе охоты. К тому же у полярных эскимосов он имел меньшее значение, чем, например, у эскимосов Северной Канады. В течение двух самых темных и суровых месяцев зимы — декабря и января — всякая охота у полярных эскимосов фактически прекращалась, и они жили за счет запасов, сделанных в другие сезоны года. Мясо на зиму они сохраняли в специальных складах.

Суровая борьба за существование, которую постоянно приходилось вести полярным эскимосам — самому северному народу нашей планеты, развила у них коллективизм как во время охоты, так и при распределении добычи. Полярные эскимосы считали, что земля и море с водоящимися в них животными принадлежат всем.

Первым на это обратил внимание упоминавшийся выше Э. Кейн, писавший, что эскимосы пролива Смита, т. е. полярные эскимосы, живут как одна семья, сообщая пользуясь всеми ресурсами своей земли²⁸. Позднее этот факт отмечали все исследователи, бывавшие у полярных эскимосов. И добывать зверя они предпочитали тоже не по-одиночке, так как у нескольких охотников больше шансов на успех, чем у одного, а в случае опасности они могут помочь друг другу. Одним из отражений воспитанного веками лишений и борьбы за существование чувства коллективизма было убеждение полярных эскимосов, что нет хороших и плохих охотников, есть просто удачливые и неудачливые. А раз так, то плодами добычи должны пользоваться все, кто пошел на охоту, и более того все, кто живет в одном стойбище.

Так, например, П. Фрейхен рассказывает о нормах раздела моржа, действовавших в начале XX в. Тот, кто первым вонзил свой гарпун в моржа, получал лучшую долю, чей гарпун попал вторым, — долю похуже и т. д. Те же, кто непосредственно не участвовал в охоте, трогали моржа своими гарпунами, и этот символический жест давал им право на участие в разделе добычи. И характерно, что даже когда добывалось много моржей, так что их хватало на всех, все равно каждое убитое животное делилось по существовавшим нормам.

Свою долю в добыче получали и те, кто по старости, болезни или даже просто по лени не участвовал в охо-

²⁸ *E. Kane. Указ. соч., стр. 211.*

те. Достаточно было выйти навстречу возвращавшимся охотникам и бросить в мертвое животное какое-либо оружие, чтобы получить свою долю мяса²⁹. И как пишет П. Фрейхен, много лет живший вместе с полярными эскимосами, несколько бывших в их среде лентяев ели «ничуть не хуже, чем их друзья и соседи, хотя кормились чужой добычей»³⁰. И эти доли рассматривались самими эскимосами не как подарки своим менее удачливым товарищам, а как то, что дается по праву.

Когда Фрейхен в первый год своего пребывания у полярных эскимосов стал благодарить охотника, убившего моржа, за долю мяса, старый шаман Сагдлек, возглавлявший охоту, сказал: «Ты не должен благодарить за мясо: получать долю добычи твое право. В нашей стране никто не хочет зависеть от других. Поэтому никто не дает и не принимает подарков, так как, беря их, становишься зависимым. Подарками ты создаешь невольников, так же как кнутом ты воспитываешь собак».

Если охотник шел на охоту один и убивал тюленя, то жена его разносила по всем домам стойбища куски мяса. Этот обычай полярных эскимосов назывался паюдарпок.

П. Фрейхен рассказывает, что в 1916 г. у одного полярного эскимоса была жена из Западной Гренландии, где в это время уже не действовали столь неукоснительно правила коллективного потребления добычи, как у полярных эскимосов. И эта женщина стремилась свести паюдарпок к простой формальности. Когда ее муж убивал тюленя, она давала соседям только самые плохие куски мяса³¹. Ее стали высмеивать за нарушения обычая. А смех был издавна главным средством общественного осуждения у всех эскимосов Гренландии. Не выдержав этого, муж нарушительницы покинул стойбище и уехал со всей семьей на самый север дистрикта Туле, где прожил несколько лет, почти не общаясь с соплеменниками.

Дальнейшему выравниванию в распределении добытого мяса способствовал характер его потребления в самом стойбище.

²⁹ P. Freuchen. Указ. соч., стр. 152—154.

³⁰ П. Фрейхен. Указ. соч., стр. 14.

³¹ «P. Freuchen's Book of the Eskimos», p. 156—160.

Все принесенное в стойбище мясо складывалось в одно место. Каждый знал свою добычу, но в то же время любой мужчина мог отрубить мяса себе на еду от любого куска, и владелец его никогда не протестовал против этого.

Кроме того, каждый охотник, вернувшийся с хорошей добычей, торопился созвать к себе на пир всех односельчан с семьями. Наевшись, гости нередко тут же засыпали. Когда в одном доме кончались припасы, все отправлялись в другой. Так могло продолжаться по несколько дней. И в результате, по словам того же П. Фрейхена, полярные эскимосы, находясь в стойбище, чаще едят не у себя дома, а в гостях. А в мягкую погоду вечерами все стойбище собиралось у мясного склада, разжигали костер и все ели вареное мясо из одного горшка³². Об этих совместных трапезах пишет и К. Расмуссен: «Весной нет постоянных часов для сна в эскимосском стойбище; жизнь идет днем и ночью, если только погода хороша; ярко горит большой костер, собирая людей для пиршества, одни приходят, другие уходят, и все время оживленно у огня»³³.

Коллективизм в потреблении пищи не ограничивался пределами стойбища. Находясь в пути, человек имел право воспользоваться любым попавшимся ему на пути мясным хранилищем, сделанным кем-либо на зиму, чтобы поесть самому и накормить собак. Единственное, что требовалось от такого путника,—это прикрыть оставшееся мясо камнями, чтобы его не растащили хищные звери.

Голодный человек даже в начале XX в., не говоря уже о более раннем времени, имел право вынуть песка из чужой ловушки и съесть его. При этом шкурку надо было отдать владельцу ловушки. Но зачастую шкурку на морозе было невозможно снять с замерзшей тушки и тогда ее разрешалось разрубить на куски вместе с мехом. Уходя, следовало лишь насторожить ловушку заново³⁴.

Такой широкий коллективизм в потреблении мяса дал А. Креберу основание утверждать, что на рубеже XX в.

³² «P. Freuchen's Book of the Eskimos», p. 47, 135—136, 175.

³³ K. Rasmussen. The people of the polar north, p. 47.

³⁴ «P. Freuchen's Book of the Eskimos», p. 178.

пища у полярных эскимосов оставалась общей собственностью³⁵.

В интересах точности необходимо упомянуть, что сам А. Кребер не был в Гренландии и свою работу он написал на основании опроса 6 полярных эскимосов, привезенных в 1897 г. в Нью-Йорк Р. Пири, а также по материалам, собранным посещавшими Северо-Западную Гренландию китобоями.

Более индивидуалистичны, чем нормы раздела мяса, были нормы раздела шкур убитых животных. Так, например, если долю мяса белого медведя получали все присутствовавшие при охоте, его шкуру делили между собой лишь 3 охотника, первыми вонзившие копыя в зверя. Все остальные формально тоже имели на нее право, но фактически они его уступали трем первым охотникам³⁶.

Такие нормы раздела диктовались соображениями целесообразности. Из шкуры белого медведя можно изготовить только три пары меховых штанов, а именно из-за них и велась прежде всего охота на это животное.

Шкурка песца была собственностью владельца ловушки, но, как было отмечено выше, в особых случаях общая собственность на мясо брала верх над личной собственностью на шкурку песца.

На том, как изменялись нормы собственности на мясо и шкуры в результате товарной торговли с европейцами, мы остановимся несколько ниже.

Что касается собственности на движимое и недвижимое имущество, то уже упоминавшийся выше А. Кребер замечает по этому поводу, что дома находились в общей, а оружие, утварь, одежда — в личной собственности³⁷.

Более подробно об этом пишет П. Фрейхен: «Каждое стойбище имело дома, куда вернуться на зиму, но они никогда не принадлежали персонально кому-либо. Иногда строились новые дома, но по большей части люди осенью селились в старых или даже в развалинах древних домов. Мужчина, починивший дом, получал право прожить в нем с семьей зиму. Люди, приехавшие зимой из других мест, могли поселиться вместе с любой

³⁵ А. Kroeber. Указ. соч., стр. 301.

³⁶ «P. Freuchen's Book of the Eskimos», p. 53.

³⁷ А. Kroeber. Указ. соч., стр. 301.

из семей поселка. При этом они образовывали общее домохозяйство с семьей, с которой селились»³⁸.

В отличие от зимнего, летнее жилище — чум — находилось в личной собственности. Оно строилось женщиной и ей же принадлежало. Самая ценная часть летнего жилища — стойки, которые было трудно делать из-за нехватки дерева, передавались из поколения в поколение, от матери к дочери³⁹. В остальном же, как и у других эскимосских групп, каждый владел тем, чем он пользовался, т. е. мужчины — оружием, собаками, санями, женщины — домашней утварью, дети — игрушками.

Но на рубеже XX в. у полярных эскимосов действовал обычай, разрешавший без спроса взять любую чужую вещь, в которой ты нуждаешься.

Вероятно, именно этот обычай вместе с общей собственностью на зимние жилища и на мясо дал П. Фрейхену основания для заключения, что «в Туле большинство вещей находилось в общей собственности»⁴⁰.

Наследование имущества у полярных эскимосов в XIX—начале XX в. не было развито, как ввиду ограниченности личной собственности, так и из-за обычая оставлять часть ее на могиле покойного.

Формы собственности, существовавшие у полярных эскимосов, дают некоторый материал для суждений об их общественном устройстве.

Очевидно, что даже на рубеже XX в. полярные эскимосы продолжали жить первобытнообщинным строем. Однако родовой организации у них в это время не было. Мы не будем здесь касаться вопроса о ее существовании в прошлом, а также причин ее разложения у большинства эскимосских групп, так как эта тема специально рассматривалась нами в другой работе⁴¹.

В XIX в., по мнению Г. Стинсби, которое мы разделяем, основной социальной единицей у полярных эскимосов было стойбище, которое обычно образовывали 4 — 5 семей. Основой для их объединения было «отчасти родство, а отчасти товарищество на охоте»⁴².

³⁸ «P. Freuchen's Book of the Eskimos», p. 178.

³⁹ П. Фрейхен. Указ. соч., стр. 7.

⁴⁰ «P. Freuchen's Book of the Eskimos», p. 175.

⁴¹ Л. А. Файнберг. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964.

⁴² H. Steensby. Указ. соч.

Ж. Мадернер подчеркивает, ссылаясь на данные Г. Стинсби и К. Расмуссена, тесные узы взаимопомощи и дружбы, которыми были связаны кровные родственники⁴³. С другой стороны, выше уже отмечалось, сколько коллективистических обычаев связывало жителей одного стойбища как находившихся, так и не находившихся в близком родстве друг с другом.

По-видимому, стойбище полярных эскимосов XIX в. может быть определено как первобытная община, в которой тесно переплетались связи по родству и по соседству.

Надо также иметь в виду, что полярные эскимосы в течение нескольких столетий жили изолированно от остального мира. За такой промежуток времени все или почти все члены этого маленького племени должны были стать родственниками в результате взаимных браков. Поэтому в случае с полярными эскимосами вряд ли стоит и возможно разграничивать взаимные обязательства и связи, вытекающие из родственных и из соседских отношений.

Община полярных эскимосов не имела ни выборного, ни наследственного старейшины. Но фактически и ведением промысла, и перекочевками руководил наиболее опытный охотник стойбища, нередко являвшийся также шаманом. Его называли «тот, кто думает за всех». В общине обычно бывал только один такой человек. Если же появлялся второй претендент на эту роль, община раскалывалась на две части⁴⁴.

Правда, некоторые путешественники, встречавшиеся с полярными эскимосами в основном в первой половине XIX в., утверждали, что у полярных эскимосов есть правитель, которому все охотники отдают часть добычи, или что все дела полярных эскимосов вершит один племенной шаман, но эти утверждения, как отметил Э. Вейер, были результатом недопонимания, а также стремлением перенести на полярных эскимосов политические структуры более развитых народов⁴⁵. Вероятно, известную роль в возникновении подобных

⁴³ J. Maderner. Das Gemeinschaftsleben der Eskimo. «Mitteilungen der Anthropologische Gesellschaft in Wien», 1939, Bd. 69, S. 296.

⁴⁴ «P. Freuchen's Book of the Eskimos», p. 152.

⁴⁵ J. Ross. Указ. соч., стр. 121, 134, E. Weyer, Указ. соч., стр. 213—214.

заблуждений у путешественников XIX в. сыграло отмеченное Фрейхеном и другими этнографами обыкновение полярных эскимосов не противоречить белым пришельцам и, по возможности, давать на все такой ответ, какой от них ждут, так как невежливо спорить с гостями.

В интересах точности надо отметить, что идея о наличии у полярных эскимосов каких-то правителей еще до Фрейхена и Вейера опровергались такими путешественниками XIX в., как И. Хейс и Р. Пири. Так, например, Р. Пири отмечал, что полярные эскимосы абсолютно свободны и не имеют никакого правительства⁴⁶. Отвергая уподобление общества полярных эскимосов монархическому или теократическому государству, в то же время нельзя согласиться и с противоположной точкой зрения, что общество у них вообще не сформировалось и что единицей у них является экономически независимая семья, состоящая из мужа, жены и детей⁴⁷. Такая точка зрения не нова.

В 20 — 30-х годах XX в. ее высказывали известные исследователи эскимосов К. Биркет-Смит и Д. Дженнесс⁴⁸. В позднейшее время этот взгляд был принят многими американскими социологами, стремившимися на эскимосском материале подтвердить идею о том, что развитие человеческого общества начинается с моногамной семьи. Так, Дж. Мердок утверждал, что независимая моногамная семья является основной ячейкой эскимосского общества⁴⁹. В. Гольдшмидт со ссылками на эскимосский материал развивал идею о том, что неблагоприятные природные условия, например, такие, в каких живут эскимосы, приводят не к объединению людей для совместной борьбы за существование, а напротив требуют, чтобы каждая моногамная семья жила совершенно изолированно и независимо от других⁵⁰.

⁴⁶ R. Peary. Northward over the Great Ice. N. Y., 1898, p. 492. Цит. по книге А. Kroeber. Указ. соч., стр. 300.

⁴⁷ «P. Freuchen's Book of the Eskimos», p. 152.

⁴⁸ K. Birket-Smith. Указ. соч., стр. 146—147; D. Jenness. The life of the copper Eskimos. Ottawa, 1922, p. 83—96.

⁴⁹ J. Murdock. Social structure. N. Y., 1949.

⁵⁰ W. Goldschmidt. Man Way. A preface to the understanding of human society, N. Y., 1959, p. 95—119.

Противоречивую позицию заняли американские этнографы-теоретики Р. Билз и Г. Хойджер.

С одной стороны, они подчеркивают, что почти вся собственность у полярных эскимосов находится (или точнее находилась.—Л. Ф.) в общинном владении, но одновременно утверждают, что каждая малая семья совершенно «независима от остальных»⁵¹.

Мы не будем здесь останавливаться на опровержении этих и подобных им взглядов на роль малой семьи, так как этот вопрос специально рассматривается в нашей работе «Общественный строй эскимосов и алеутов». Заметим лишь, что утверждение Фрейхена о семье как единственной и экономически независимой социальной единице полярных эскимосов скорее всего является данью широко распространенной за рубежом концепции. Оно противоречит приводимым и самим Фрейхеном и другими исследователями данным о том, что полярные эскимосы чаще всего и живут, и путешествуют несколькими семьями и в борьбе за существование широко пользуются плодами труда своих односельчан и соплеменников.

Как справедливо отмечает Э. Вейер, никогда, ни в одной из территориальных групп эскимосов семья в узком смысле (т. е. состоящая из родителей и детей) не живет в полной изоляции, да и не может так жить. Без помощи коллектива она не выдержала бы борьбы за существование⁵².

Это, конечно, не исключает того, что временами семьи совершают охотничьи поездки порознь. Но такое обособление семьи, во-первых, не является постоянным, а, во-вторых, даже путешествуя отдельно, семья зачастую регулярно опирается на помощь коллектива, питаясь из мясных складов, оставленных другими семьями.

К. Расмуссен пишет, что когда эскимосы в пути добывают зверя, они обычно оставляют большую часть мяса в гурии из камней. И этим мясом может пользоваться каждый проезжий. И поэтому эскимос, отправляясь в путь, не берет с собой продовольствия, так как на протяжении дневного перехода всегда встречается

⁵¹ R. Beals, H. Hoijer. An introduction to anthropology. N. Y., 1959, p. 444—445.

⁵² E. Weyer. Указ. соч., стр. 142—143.

достаточное количество мясных складов⁵³. Иными словами, и путешествуя порознь, семьи сохраняют между собой экономическую взаимозависимость.

Однако, не переоценивая, нельзя и недооценивать роль семьи в обществе полярных эскимосов XIX в.

Семья у них была важной производственной ячейкой общества. Хозяйственная деятельность мужа и жены была тесно взаимосвязана. Мужчина охотился на морского зверя, оленя, медведя; его жена обрабатывала шкуры, шила и чинила одежду, варила пищу, разбивала чум на временных стоянках, а также ловила песцов зимой и рыбу летом.

Как отмечают и К. Расмуссен и П. Фрейхен, мужчина у полярных эскимосов, впрочем, так же, как и у всех других эскимосов, не мог жить один. Чтобы он мог охотиться, было необходимо, чтобы какая-то женщина свеживала добытых им животных, заботилась о его одежде и пище⁵⁴. Оставшись без жены, мужчина переселялся в дом какой-либо семьи, присоединяясь к ее домохозяйству. Женщины сопровождали мужчин при охотничьих поездках. Продуктивность охоты во многом зависела от женского труда⁵⁵. Если мужчина ехал без женщины, у него много времени уходило на снятие шкуры со зверя, приготовление пищи и другую женскую работу и мало оставалось на сам промысел.

В обеспечение мужчин спутницами для охотничьих поездок большую роль играл обычай временного обмена женами, существовавший как у полярных, так у других эскимосов. Так, если жена охотника по беременности или по другим причинам не могла отправиться вместе с ним, он оставлял ее у одного из остающихся в поселке мужчин, а взамен получал жену последнего.

Если женщина хотела отправиться в путь повидать своих родных, живущих в другом месте, муж мог не ехать сам с ней, а отпустить ее с любым направляющимся в те же места мужчиной, опять-таки получив взамен жену последнего.

Обмен женами на различные промежутки времени практиковался и при раздорах в семье. И, по словам

⁵³ К. *Rasmussen*. The people of the polar north, p. 44.

⁵⁴ Там же, стр. 63.

⁵⁵ «P. Freuchen's Book of the Eskimos», p. 80—83.

К. Расмуссена, каждый муж обычно убеждался, что его собственная жена все же лучше чужой. Дети, рождавшиеся в результате обмена, оставались с матерью⁵⁶.

Как уже отмечалось выше, женщины играли важную роль в хозяйстве полярных эскимосов. Если у них было невозможным существование семьи вне общества, то почти столь же невозможным было и существование охотника вне семьи. Отсюда, очевидно, вытекало отмечавшееся многими исследователями у разных эскимосских групп стремление юношей к скорейшему вступлению в брак. По мнению К. Расмуссена, поспешность юношей в этом вопросе вызывалась также нехваткой женщин⁵⁷. У полярных эскимосов, как и у эскимосов нетсиллик Канады, довольно широко практиковался обычай убивать новорожденных девочек. Чаще всего, на наш взгляд, правильно этот обычай объясняют тяжелыми условиями борьбы за существование, требующими, чтобы мужчины-охотники составляли достаточно большой процент членов общины. В результате у полярных эскимосов в 1895 г. на 140 мужчин приходилось 113 женщин, иначе говоря, 81 женщина на 100 мужчин; а в 1906 г. на 119 мужчин приходилось 85 женщин или 71 женщина на 100⁵⁸.

Интересно отметить, что как только обычай убивать новорожденных девочек был изжит, у полярных эскимосов установилось обычное для Западной и Восточной Гренландии и для подавляющего большинства областей земного шара соотношение между полами, характеризующееся некоторым превышением числа женщин над числом мужчин.

В 1926 г. у полярных эскимосов на 133 мужчин приходилось 138 женщин, т. е. соотношение было 104 на 100⁵⁹.

Но пока нехватка женщин существовала, она порождала ряд социальных последствий. Одним из них была по-

⁵⁶ К. Rasmussen. The people of the polar north, p. 64.

⁵⁷ Там же, стр. 63.

⁵⁸ Н. Steensby. Указ. соч., стр. 255—256. Значительное уменьшение численности полярных эскимосов с 1895 по 1906 г. было вызвано эпидемией испанки, свирепствовавшей в округе Туле в 1902 г.

⁵⁹ Р. Heinbecker and R. Paull. Blood groupings of Baffin Island Eskimos. «Journal of immunology», v. XV. 1928, № 5, p. 280. (Цит. по книге; E. Weyer. Указ. соч., стр. 137).

лиандрия, широко распространенная у полярных эскимосов. Другим — обычай детского обручения. При этом часто о браке детей договаривались их матери. Фактически девушки вступали в брак в возрасте 12—16 лет, а мужчины позднее — в 20 лет с небольшим⁶⁰. Первоначально молодожены чаще всего жили с родителями жены, т. е. матрилокально, реже они селились с родителями мужа. Через некоторое время молодая семья отделялась и селилась своим домом. Но и после отделения муж был обязан помогать родителям жены и заботиться о них так же, как и о своих собственных родителях⁶¹.

Говоря о семейных отношениях у полярных эскимосов, К. Расмуссен подчеркивает, что мужья считались с мнением своих жен и что единственный вопрос, в котором те не имели права голоса, — это обмен женами.

С 1890-х годов в истории полярных эскимосов начался новый период. Его характерной чертой было непрерывное и все усиливающееся влияние на эскимосов европейской культуры.

В 1891 г. Р. Пири начал серию экспедиций, имевших целью достичь Северного полюса. В качестве отправной базы для своих экспедиций Р. Пири избрал Северо-Западную Гренландию. Для подготовки экспедиций и работы в них широко привлекались полярные эскимосы. Они заготавливали мясо, строили в пути снежные хижины, служили проводниками и погонщиками собак и т. д. и, достигнув в 1909 г. полюса, Р. Пири писал: «Мы вряд ли добились бы успеха без помощи наших товарищей эскимосов, их необыкновенной трудоспособности и выносливости...»⁶².

В качестве вознаграждения за работу Пири давал эскимосским помощникам огнестрельное оружие и боеприпасы, металлические орудия труда и другие предметы и материалы. Длившиеся почти 20 лет экспедиции Пири резко изменили жизнь коренного населения округа Туле, «превратив полярных эскимосов в современных охотников»⁶³.

⁶⁰ «P. Freuchen's Book of the Eskimos», p. 97, 98, 100, 101, 121, 134.

⁶¹ К. Rasmussen. The people of the polar north, p. 63.

⁶² Р. Пири. Северный полюс. М., 1948, стр. 19.

⁶³ E. Holtved. Thule districtet. Grønlands Bogen, t. II, S. 286.

Но в экспедициях Пири участвовали далеко не все полярные эскимосы. Судя по его воспоминаниям, он предпочитал из года в год нанимать одних и тех же людей. И в результате все, что было получено от Пири, оказалось в руках небольшого числа лиц. Тем самым было положено начало имущественному расслоению в среде полярных эскимосов. Так, в 1903 г. самым богатым из жителей округа Туле был многократный участник экспедиций Пири — эскимос Самик. У него было три винтовки, винчестер, двуствольное ружье, металлические инструменты (топор, нож, напильник, рубанок), китобойная шлюпка, ялик⁶⁴.

Владение современными орудиями труда облегчало охоту и резко повышало ее добычливость, ускоряло домашние работы. Эскимосы говорили о Самике, что «мясо в его складах дважды видало, как восходит солнце после полярной ночи, так как ни люди, ни собаки не могли съесть за одну зиму то, что он приносил за сезон охоты».

Всех приезжавших в его стойбище Самик приглашал на пиршества с угощениями мясом белого медведя, моржа или оленя, и всегда всего было вдоволь для каждого, кто входил в его дом.

Наличие европейских орудий труда у одних полярных эскимосов и отсутствие подобных орудий у других не только само по себе было неравенством, но и способствовало его дальнейшему развитию. Владельцу ружья несравненно легче было добывать много зверя и тем самым приобрести влияние в общине, чем тому, кто продолжал охотиться только с копьем, гарпуном, луком и стрелами.

И уже в самом начале XX в. сила богатства стала чувствоваться и в отношениях внутри общины. Так, когда Самик пожелал избавиться от своей бесплодной жены (а это по эскимосским понятиям самый большой недостаток у женщины), он поменялся на неопределенное время женами с шаманом Аллатаком, получив в результате красивую шестнадцатилетнюю жену последнего. В качестве компенсации за неравноценный обмен Самик вместе со своей женой одолжил Аллатаку одну из своих винтовок.

⁶⁴ К. Rasmussen. The people of the polar north, p. 65—66.

В 1909 г. Пири достиг Северного полюса. Его экспедиции прекратились. Исчез источник, из которого полярные эскимосы в течение многих лет получали европейские товары.

Незадолго до этого, в 1903 г., в Северо-Западную Гренландию впервые приехал К. Расмуссен. Уже тогда он обратил внимание на угрозу, которую несло эскимосам неминуемое прекращение экспедиций Пири. Расмуссен понимал, что как только полюс будет достигнут, прекратится снабжение полярных эскимосов оружием, боеприпасами к ним, спичками и другими товарами, к которым уже успела привыкнуть часть людей этого маленького племени. А как только будут истрачены накопленные запасы патронов, станут бесполезными и имеющиеся в племени ружья.

Он считал, что это было бы большой бедой для полярных эскимосов, потому что «как только первобытный человек встретился с так называемым цивилизованным миром, пути назад уже нет»⁶⁵. И молодой ученый начал настойчиво добиваться, чтобы датское правительство взяло в свои руки снабжение полярных эскимосов необходимыми товарами. Однако его многократные обращения встретили решительный отказ. Транспортные расходы по доставке товаров в Северо-Западную Гренландию должны были оказаться очень высокими, и датские власти не предвидели никаких финансовых выгод от организации торговли с населением этого удаленного района. Более того, чтобы не брать на себя никаких обязательств, правительство даже воздержалось от официального включения этого района в число датских владений, и еще долгие годы он формально оставался ничьей землей.

В 1906 — 1908 гг. Расмуссен второй раз побывал у полярных эскимосов. Продолжая изучать их богатый и своеобразный фольклор, он в то же время живо интересовался проблемами будущего этой горстки людей. В нем нарастало ожидание грядущих перемен в их жизни. Пири был уже на подступах к полюсу. Перестали

⁶⁵ Это высказывание К. Расмуссена приводит в своей работе А. Бугге. См. А. Bugge. The native greenlander — a blending of Old and New. «Arctic», v. 5, 1952, N 1, p. 45.

посещать северные берега залива Мелвилл китобой. Их суда теперь бороздили воды моря Бофорта, куда к северным берегам Аляски и канадской территории Юкон переместился основной район китобойного промысла⁶⁶. А когда поднялся флаг над полюсом, прервалась последняя тонкая нить, связывавшая самых северных жителей земли с внешним миром.

Тогда в 1909 г. Расмуссен решил взять на себя ответственность за дальнейшую судьбу полярных эскимосов. В 1910 г. он на средства, собранные им в Дании, основал на мысе Йорк, на берегу залива Мелвилл торговую факторию. Она должна была покупать у полярных эскимосов шкурки песцов, а также другую продукцию охотничьего промысла и в обмен снабжать их огнестрельным оружием, патронами, керосином, мукой и т. д. К. Расмуссен назвал основанную им факторию — Туле, по имени полулегендарной страны, которую видел один из первых северных мореплавателей, грек Пифей из Массилии (325 г. до н. э.). Позднее название фактории было распространено на весь район расселения полярных эскимосов, который стал называться дистриктом Туле.

Фактория Туле не была обычным коммерческим предприятием, рассчитанным на получение максимальной прибыли. Здесь эскимосов не обманывали и не спаивали, не пользовались их незнанием европейских цен. Обмен носил эквивалентный характер. Первым управляющим факторией стал молодой датский ученый, а впоследствии видный писатель и антифашист Петер Фрейхен. В Туле он прожил до 1919 г. Фрейхен сблизился с полярными эскимосами, стал их другом. Особенно связал его с ними брак с эскимосской девушкой Навараной.

Торговля на фактории в основном велась осенью и в конце весны. Она была меновой и происходила в традиционной манере обмена подарками, которому предшествовало длившееся несколько дней празднество с угощениями, танцами и беседами о жизни здесь, в Гренландии, и там, в Европе, а потом начиналась сама

⁶⁶ M. Vaucaire. Histoire de la pêche a la baleine. Paris, 1941, p. 178.

торговля. Один охотник в год привозил на факторию до 100 шкурок песцов⁶⁷.

В обмен он получал изделия европейского производства, а также некоторые продовольственные товары (чай, кофе, маргарин, сухари). Завозом на факторию товаров в определенном ассортименте Фрейхен и Расмуссен регулировали процесс аккультурации полярных эскимосов, не допуская резкой ломки их жизни.

Фрейхен помогал каждому покупателю выбрать самые необходимые для него вещи, учил правильно обращаться с ними, а также наилучшим образом распределять денежный доход. И этим фактория Туле резко отличалась от обычного капиталистического торгового предприятия. По своим функциям она скорее приближалась к культбазам, действовавшим на Советском Севере в 1920—1930 гг., хотя, конечно, и разнилась от них по своей экономической природе.

Деятельность фактории, проходившая под общим руководством Кнуда Расмуссена, постепенно расширялась и после того, как П. Фрейхен покинул Туле. В эскимосских поселках Савигсивик и Сиорапалук были открыты филиалы фактории. Для дистрикта Туле были введены специальные денежные знаки (до этого, как уже отмечалось, вся торговля с полярными эскимосами была меновой).

У фактории появилось свое грузовое судно «Кап Йорк». Позднее оно было заменено судном «Секонген».

Но по-прежнему экономической основой торговли с полярными эскимосами оставались песцовые шкурки⁶⁸. И это не могло не сказаться на направлении хозяйства эскимосов. Начиная с основания фактории, неуклонно возрастает роль сухопутной пушной охоты в противовес морской. А так как именно морская охота была основой прежнего натурального хозяйства полярных эскимосов, то одновременно с уменьшением ее роли происходит и разложение последнего.

Повышение значимости охоты на песцов уже в начале XX в. находит свое отражение в изменении прежнего разделения труда⁶⁹.

⁶⁷ «P. Freuchen's Book of the Eskimos», p. 72—77.

⁶⁸ E. Holtved. Thule districtet, p. 286.

⁶⁹ «P. Freuchen's Book of the Eskimos», p. 68.

В XIX в. ловлей песцов занимались только женщины, но как только эта отрасль хозяйства из натуральной стала товарной, она немедленно переходит в руки мужчин.

Повышается и техническая оснащенность этого промысла. Для охоты на песцов наряду с самодельными ловушками — пастями — с 1910-х годов начинают применяться купленные на фактории Туле стальные капканы.

Под влиянием пушной торговли начали меняться описанные выше нормы раздела шкуры белого медведя. Если охотник, первым попавший в медведя, хотел получить шкуру целиком, чтобы продать ее на факторию, он должен был сказать фразу: «Я снимаю шкуру с когтями». Тогда делили только мясо. Но тот, кто произносил эти слова, обычно подвергался насмешкам и осуждению своих товарищей и нередко отказывался от намерения получить всю шкуру⁷⁰. По крайней мере, так было в 1910 — 1920-х годах.

Распространение среди полярных эскимосов ружей могло в конечном счете привести к истощению охотничьих ресурсов. Предвидя эту опасность, К. Расмуссен в 1920 г. созвал всех охотников и убедил их принять выработанный им «закон Туле»⁷¹. В нем были положения об охране промысловых животных, о запрещении перепромысла. Во всех остальных районах обитания эскимосов замена гарпунов ружьями привела к тому, что довольно много убитых животных тонули, прежде чем их успевали загарпунить. По мнению некоторых исследователей, эскимосы в XX в. теряли таким путем от 20% до 50% добычи от морской охоты. Поэтому по закону Туле запрещалось, например, стрелять в моржа, не загарпунив его сначала.

Другие положения закона были направлены против вредных обычаев, и в частности против обычая кровной мести, с которым К. Расмуссен энергично и успешно боролся.

Чтобы следить за соблюдением закона Туле, по инициативе Расмуссена, был создан совет, в который вошли наиболее уважаемые охотники.

⁷⁰ Там же, стр. 53—54.

⁷¹ Там же, стр. 173—174.

Закон Туле действовал до 1950 г., когда на дистрикт Туле было распространено общегренландское законодательство.

В 1931 г. деятельность К. Расмуссена среди полярных эскимосов была официально узаконена правительством Дании. Он был назначен полномочным представителем Дании в дистрикте Туле, сочетающим административные, судебные и полицейские функции. Лишь после смерти К. Расмуссена в 1933 г. фактория Туле была передана государственной Королевской гренландской торговой компании.

Отдельно надо сказать о деятельности миссионеров среди полярных эскимосов. Миссионерская станция в Туле была открыта почти одновременно с факторией. Но, насколько можно судить, при жизни К. Расмуссена влияние миссионеров на полярных эскимосов было сравнительно невелико и ограничивалось сферой духовной жизни, а также брачно-семейных отношений. К 1934 г. все полярные эскимосы были крещены. Усилиями миссионеров было ликвидировано шаманство. Вместе с ним стали забываться старые верования и легенды.

В области брачно-семейных отношений миссионеры старательно искореняли полигамию, обмен женами и другие немоногамные формы брачных отношений. Все это в конечном счете привело к снижению рождаемости, что весьма нежелательно для такой маленькой популяции, как полярные эскимосы⁷².

Что же собой представляли полярные эскимосы в последние 15—20 лет? В 1951 г. их было 302 человека и они жили в 10 поселках. В самом большом из них — Туле — было 37 человек, в самом маленьком — Нуна-тарсуаке — только 3 человека (одна семья)⁷³.

Они охотились на песца, тюленя, моржа и нарвала, а в летнее время также работали на разгрузке судов Гренландской торговой компании. Мясо морских животных шло для собственного потребления, а шкуры тюленей, а также моржовый и нарвалей клык продавались

⁷² J. Malaurie. Possible Consequences of Recent Economic and Social Developments among the Eskimos of Thule. «Unesco International Social Science Bulletin», v. 6, 1954, N 3, p. 462, 464.

⁷³ Ch. Hughes. Under four flags, «Current anthropology», 1965. № 1, p. 10.

на фактории. Но главным предметом торговли были не продукты морского промысла, а шкурки песцов. Песцовый промысел давал и дает полярным эскимосам более устойчивый доход, чем их собратьям в Северной Канаде и Аляске, так как гренландская торговая компания принимает шкурки песцов по постоянной цене, не зависящей от частых колебаний цен на меха на мировом рынке⁷⁴.

Некоторое представление о денежных доходах полярных эскимосов дает следующая цифра: с марта 1950 по март 1951 г. фактории закупили у полярных эскимосов песцовых шкурок и других продуктов промысла на сумму 75748 крон, т. е. в среднем денежный доход на одну семью от торговли составил около 1000 крон в год, фактически же он был у одних семей значительно выше, у других — много ниже этой цифры.

В целом же денежные доходы в расчете на одну семью или на одного охотника были в Тулетораздо выше, чем в Упернавике и Уманаке, северных поселках Западной Гренландии, где основным занятием населения также остается охота. По словам французского исследователя Ж. Малори, Туле в конце 40 — начале 50-х годов было одним из немногих охотничьих поселений Гренландии и всей Американской Арктики, где доходы жителей превышали их расходы, и охотники не были в долгу у торговых компаний⁷⁵.

Однако в это же время непрерывно росли цены на европейские товары и увеличивалась потребность в них. Так, непрерывно возрастает потребление покупных продуктов питания: маргарина, кофе, чая, галет и др.; текстильных изделий, а также привозного топлива: керосина, нефти, угля.

Исходя из всего этого, Ж. Малори, на наш взгляд, правильно полагает, что будущее полярных эскимосов нельзя считать обеспеченным, если не будут найдены какие-то новые источники доходов⁷⁶.

В результате развития товарного хозяйства распадаются или уже распались первобытнокоммунистические нормы производства и распределения. Коллективная

⁷⁴ Л. А. Файнберг. Указ. соч., стр. 218.

⁷⁵ J. Malaurie. Possible Consequences ..., p. 464.

⁷⁶ Там же, стр. 463, 465.

охота на медведей и моржей сменяется индивидуальной охотой на песцов. Эскимосы теперь продают друг другу за деньги тюленьё мясо и жир, а еще в 1936 г. первые подобные случаи вызывали возмущение всей общины⁷⁷.

Возникло и растет классовое расслоение. Более богатые эскимосы купили моторные лодки, что дает им возможность вести охоту в больших масштабах, чем их бедным соплеменникам. Моторные лодки позволили в несколько раз увеличить добычливость морского промысла, а также расширить промысел песцов, так как лучшей приманкой при ловле их является мясо моржа⁷⁸. На охоте владельцы моторных лодок используют в качестве наемных помощников своих бедных земляков. Так возникает эксплуатация.

Кстати, на значение частного владения такими новыми средствами производства, как моторные лодки в возникновении эксплуатации, обращают внимание и исследователи других групп коренного населения зарубежного севера, например, алеутов⁷⁹. Интересно, что в отличие от богатых эскимосов бедняки совместно покупают и сообща пользуются большими гребными лодками. Под влиянием изменений в производственных отношениях меняется психология полярных эскимосов, их этические нормы.

Исчезает дух коллективизма, сменяясь индивидуализмом капиталистического общества, духом частного предпринимательства, ведущее положение в общине теперь занимают не наиболее опытные охотники, а самые богатые люди, те, кто имеет счет в банке и в наибольшей степени европеизировался⁸⁰.

Меняется и материальная культура. В конце 40-х — начале 50-х годов большинство полярных эскимосов жило в деревянных домах, а не в полуземлянках из дерна и камней. В оконные рамы обычно были вставлены стекла, а не пленки из кишок. Многие пользовались примусами и печками, хотя кое-кто еще продолжал употреблять жировые лампы из-за дороговизны керосина.

⁷⁷ E. Holtved. Thule districtet..., p. 288.

⁷⁸ Там же, стр. 289—290.

⁷⁹ G. Berreman. Effects of a technological change in an Aleutian village. «Arctic», v. 7, 1954, N 2.

⁸⁰ J. Malaurie. Possible Consequences..., p. 464.

Летом полярные эскимосы теперь живут не в чумах из тюленьих шкур, а в палатках из покупного дешевого холста. Такие палатки плохая замена чумов. В них холодно и они недостаточно устойчивы. Сильный ветер нередко сметает весь летний лагерь полярных эскимосов⁸¹. Зимой и весной в качестве временного охотничьего жилища по-прежнему строятся снежные хижины.

В основном сохраняется верхняя меховая одежда, но в дополнение к ней носится покупное нижнее белье, свитеры, куртки.

В 1951 — 1952 гг. по соседству с поселком Туле американцы построили огромную авиабазу, где находятся 5—7 тыс. солдат. Датские власти предусмотрительно запретили американским солдатам всякое общение с эскимосами, но все же ее влияние на жизнь полярных эскимосов было велико. Непрерывный шум, доносившийся с базы, распугал всех животных, не давал он покоя и самим полярным эскимосам. Но им не хотелось покидать насиженные места, где они жили много столетий, где спят в могилах их предки. Люди с горечью говорили Ж. Малори, что они перестали быть хозяевами собственной земли⁸².

В 1952 г. навестить полярных эскимосов приехал П. Фрейхен. Его старый друг, последний оставшийся в живых участник экспедиции Пири, Одарк, сказал писателю: «Жизнь сейчас идет не так, как раньше, Питá (эскимосское имя Фрейхена.—Л. Ф.). Когда мы были молодыми и сильными, мы сами охотились на медведей, тюленей и моржей. Сегодня,— он вздохнул,— сегодня мясо продается за деньги. У меня достаточно денег. Король дает мне больше, чем мне нужно, но я никогда не опущусь до того, чтобы покупать себе мясо⁸³. Я никогда не буду платить своим друзьям за то, чтобы покормить своих собак.

Ты помнишь, когда ты впервые пришел в Туле, Питá. Я кормил твоих собак и кормил их хорошо. Теперь мясо кладется на весы и каждый кусочек взвешивается. Люди больше не знают, как охотиться на медведя или ловить рыбу. Они ждут, пока рыба сама приплывет и проглотит

⁸¹ E. Holtved. Thule district..., p. 277.

⁸² J. Malaurie. The last kings of Thule. N. Y., 1956, p. 266.

⁸³ Одарк получает пенсию за участие в экспедиции Пири.

ленивый крючок. Я никогда не ловил любую рыбу, а только лосося, которого я пронзал своей острогой.

Жизнь сейчас идет не так, как во времена нашей молодости. Ты помнишь дом, который ты построил в Туле, Питá? Первый дом, когда-либо построенный здесь. А сегодня здесь город белых людей и шум, который они производят, разогнал все живое. Белые медведи больше не приходят в залив Мелвилла, тюлени и моржи ушли отсюда на более счастливые охотничьи земли, и дикие гуси улетели. Сегодня, Питá, жизнь кажется мне более тяжким бременем, чем смерть. И смерть не может быть далеко отсюда, когда наша земля стала такой, как сегодня, и когда мои друзья берут деньги за мясо»⁸⁴.

В этих словах Одарк образно подвел итог крушению первобытнообщинных отношений полярных эскимосов. В 1953 г. датские власти переселили полярных эскимосов на берега залива Инглфилд, на полтора километра к северу от Туле. Здесь для них был создан образцовый поселок из стандартных деревянных домов, с тройными рамами окон, центральным отоплением, электричеством, канализацией и водопроводом⁸⁵. Обстановка в домах датская, лишь вместо кроватей сохраняются спальные лежанки.

Дома были предоставлены эскимосам бесплатно, и в этом нельзя не отдать должное датской администрации, но за пользование электроэнергией и другими современными удобствами надо платить, и это резко ставит перед полярными эскимосами проблему увеличения денежных доходов.

По свидетельству Ж. Малори, лучший эскимосский охотник получает в 10 раз меньше, чем самый мелкий датский служащий в Туле.

В новом Туле есть школа, больница и церковь с изображением Христа в эскимосском костюме.

Большинство детей учатся. Кроме общеобразовательных знаний, девочек в школе учат выделывать меха и шить из них, а мальчиков — управлять каяками (которых, кстати, становится все меньше) и моторными лодка-

⁸⁴ P. Freuchen. Vagrant viking. N. Y., 1953, p. 1—2.

⁸⁵ Г. А. Агранат. Зарубежный север. М., 1957, стр. 227.

ми, охотиться и изготавливать для продажи сувениры из моржового клыка.

В новом Туле, кроме эскимосов, жили в середине 1950-х годов 11 датских семей⁸⁶, а в 1962 г. в дистрикте Туле жили 603 человека. Около 400 из них принадлежали к полярным эскимосам, почти 100 были переселенцами из Западной Гренландии и более 100 человек — были служащими и рабочими, приехавшими из Дании уже после второй мировой войны⁸⁷.

В результате все увеличивающегося притока в этот район пришлого населения полярные эскимосы, по-видимому, довольно скоро утратят свою специфику.

⁸⁶ *Ch. Hughes. Under four flags*, p. 11.

⁸⁷ «Statistisk Årbog, 1965», Danmark, København, 1965. Tabl. 359, 360, p. 426, 427. К началу 1968 г. население дистрикта Туле увеличилось до 720 человек, из них 604 человека были местными уроженцами, т. е. полярными эскимосами или детьми западногренландских переселенцев. Statistisk Årbog, 1969, p. 459.

Глава восьмая

ЭСКИМОСЫ ВОСТОЧНОЙ ГРЕНЛАНДИИ

СУДЬБЫ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Как уже говорилось в главе I, древнейшие следы человека в Гренландии обнаружены на северо-востоке острова (культуры индепенденс I и индепенденс II). В южной части восточного побережья от мыса Фарвель до Ангмагсалика встречаются орудия саркакской и дорсетской культур того же типа, как в Сермермиуте и других археологических стоянках западного побережья¹. Находки остатков саркакской и дорсетской культур в Восточной Гренландии свидетельствуют о каких-то древних миграциях носителей этих культур с западного побережья на восточное. По-видимому, и саркакцы, и дорсетцы совершили эту миграцию через южную оконечность острова. Что касается северной половины восточного побережья, то там у залива Скорсби, у залива Янг и в других местах было найдено довольно много боковых вогнутых скребков, а также резцов. Однако, по мнению Ларсена и Мельдгорда, еще неясно, принадлежат ли эти орудия людям культуры индепенденс, шедшим с севера на юг, или, напротив, саркакцам, распространявшимся с юга на север.

Остатки саркакской и дорсетской культур на восточном побережье пока еще не раскапывались так систематически, как на западе острова. Поэтому хронологические рамки существования этих культур в Восточной Гренландии остаются неясными. Несомненно лишь то, что раз люди пришли с западного побережья, то их пер-

¹ *H. Larsen and J. Meldgaard. Paleo-Eskimo cultures in Disko Bugt, West Greenland. København, 1958, p. 70.*

вое появление на востоке острова датируется более поздним временем, чем на западе. Но, может быть, они и просуществовали здесь дольше? Так ли это, покажут будущие раскопки. Значительно более подробны сведения об эскимосском населении Восточной Гренландии во II тысячелетии нашей эры. Большую работу по их обобщению проделал датский исследователь Э. Миккельсен.

В XIV в. на восточном побережье появились неоэскимосы — переселенцы из Западной Гренландии. Они пришли сюда через север и юг острова. При этом более многочисленной была миграция через южное побережье Гренландии².

По-видимому, уже к середине века часть переселенцев с юга достигла района нынешнего Ангмагсалика и обосновалась там. В конце XIV в. те, кто продолжил движение на север, обосновались в Кангердлугссуаке, примерно в 2° к северу от Ангмагсалика. От него до залива Скорсби, т. е. на участке побережья протяженностью примерно в 400 км, в XIV и XV вв., по-видимому, не было постоянного населения. В XVI в. переселенцы с юга продвинулись к северу до района Датской гавани (76° с. ш.).

К этому же времени этого района достигли те, кто пришел на восточное побережье через север Гренландии. Так встретились две волны переселенцев. Как отмечает здесь же Э. Миккельсен, к моменту встречи переселенцы с севера и с юга довольно значительно отличались по своей культуре. У первых была развита охота на морского зверя со льда и техника передвижения на собаках, и по культуре они напоминали полярных эскимосов; вторые принесли сюда инугсукскую культуру Западной Гренландии с ее характерными чертами — охотой на морского зверя в открытом море и использованием каяков и умиаков, как основного средства передвижения. Сплав этих двух культур дал ту эскимосскую культуру, которая существовала в Северо-Восточной Гренландии в конце XVI — первой половине XIX в. Южные границы распространения этой культуры, судя по данным археологии,

² *Th. Mathiassen. Prehistory of the Angmagssalik Eskimos. København, 1933, p. 61.*

проходят на широте Конг-Оскар-фьорда, но, может быть, она достигала к югу залива Скорсби³.

По-видимому, за первой миграцией с запада через южное побережье последовала вторая миграция, шедшая в том же направлении и достигшая Датской гавани. На рубеже XVII и XVIII вв. за ней последовала еще одна большая миграция в основном в район Ангмагсалика⁴. В XVII—XVIII вв. на восточном побережье Гренландии существовало значительное число постоянных эскимосских поселений. Некоторое представление об общей численности населения Восточной Гренландии с XIV по XIX в. дают руины жилых построек. Их обнаружено на восточном побережье свыше 1200. Среди них были дома разных типов: круглые на 5—6 человек (XIV—XVI вв.), более крупные жилища квадратной формы (XVII в.) и, наконец, большие, датируемые XVIII—XIX вв., дома, в которых нередко жили по 30—40, а иногда и по 50 человек. Миккельсен составил таблицу распространения этих руин по побережью, но, к сожалению, в ней нет разделения домов по типам⁵.

Районы	Число жилищ
Линден-фьорд-Инигсалик	382
Дистрикт Ангмагсалик	250—300
Залив Кангердлугсуатсиак-Апутитек	21
Дистрикт Кангердлугсуак	30
Дистрикт зал. Скорсби	123
Конг-Оскар-фьорд — М. Броер-рейз	173
О-в Клаверинг	108
О-в Сабине — залив Доув	33
Земля Германия и Датская гавань	56
К северу от Скерфьорда	2

Отсюда видно, что численность населения Восточной Гренландии была, по крайней мере, в отдельные периоды довольно значительной. Анализ археологических и исто-

³ *H. Larsen. Dødemadsbugten, an Eskimo settlement on Clavering Island. København, 1934, p. 167.*

⁴ *Th. Mathiasen. Указ. соч., стр. 21.*

⁵ *E. Mikkelsen. The East Greenland possibilities of existence, their production and consumption, København, 1944, p. 9—12.*

рических данных привел Э. Миккельсена к выводу, что в период до начала колонизации датчанами Восточной Гренландии, т. е. до 1884 г., численность населения достигла своего максимума в XVII — начале XVIII в. Со второй половины XVIII в. оно резко уменьшается и не позднее второй половины XIX в. на Северо-Востоке Гренландии, к северу от Ангмагсалика, совсем не остается постоянного населения⁶.

По-видимому, оно вымерло. Причины этого не вполне ясны. Миккельсен предполагает, что вымиранию населения Северо-Восточной Гренландии способствовал ряд факторов, а именно: ухудшение условий охоты и, следовательно, питания населения, в результате того, что в водах к востоку от Гренландии были истреблены киты европейскими китобоями, физическая дегенерация населения как следствие изолированного существования, в некоторых случаях массовые пищевые отравления. Эти соображения Миккельсена, конечно, заслуживают внимания, но они не объясняют, почему, например, в Северо-Западной Гренландии, где действовали те же или сходные неблагоприятные факторы, вымирания населения не произошло. Единственным европейцем, видевшим эскимосов Северо-Восточной Гренландии и описавшим свою встречу с ними, был английский капитан Д. Клаверинг.

Примерно на 74° с. ш. на острове, носящем теперь его имя, Д. Клаверинг в августе 1823 г. обнаружил летнюю стоянку, где жили 12 эскимосов. Клаверинг провел с ними два дня. В своем судовом журнале он записал, что встреченные им люди, «очевидно, принадлежат к той же расе, что и эскимосы других частей Гренландии и северной части Америки». Он отметил также, что эти люди «были одеты в тюленьи шкуры мехом внутрь». Они помещались в палатке из тюленьих шкур, стоявшей на берегу в нескольких ярдах выше уровня прилива. «Палатка была маленькая, занимая пространство около 12 футов в окружности, высота ее была около пяти футов; остов палатки был сделан из плавника и китовых костей; дерево, должно быть, было собрано на берегу.

Там также была маленькая, на одного человека, лодка из тюленьей кожи, ничем не отличавшаяся от лодок, описанных Кранцем или Эгеде (т. е. от каяков Западной

• Там же, стр. 12, 20—21.

Гренландии. — Л. Ф.). Сбоку от нее лежали их гарпуны и копья; наконечники из кости и некоторые из железа, которое по своему виду было метеоритного происхождения».

На берегу Клаверинг видел прикрытые камнями запасы тюленьего жира и моржового мяса, а также добытых птиц. Мясо тюленей и моржей эскимосы острова дали Клаверингу в качестве подарка.

О духовной жизни эскимосов острова в судовом журнале есть только одна запись Клаверинга: «Описание капитанами Парри и Ляйоном туземцев иглулик во многом напоминает наших друзей. Я наблюдал, в частности, тот же суеверный обряд обрызгивания водой тюленя или моржа, прежде чем свежевать его»⁷. Кстати сказать, этот обычай, имеющий целью умилоствление души убитого животного, известен у многих эскимосских групп Канады и Аляски.

Однако, по-видимому, еще до путешествия Д. Клаверинга имели место отдельные встречи европейских китобоев с эскимосами Северо-Восточной Гренландии. Свидетельством таких встреч являются осколки бутылки, найденные Э. Миккельсеном в старом эскимосском жилище на острове Шэннон (75° с. ш.). Они были погребены под упавшей крышей.

Один из осколков — донышко бутылки, по-видимому, был переделан эскимосами в сосуд для питья⁸. Х. Ларсен нашел на острове Клаверинг кусочки стекла и фарфора. Миккельсен допускает, что бутылки могли быть принесены к берегу морскими течениями, но это не могло случиться с фарфором⁹.

По его мнению, вышеуказанные находки не могли быть взяты и с каких-то потерпевших крушение у берега Гренландии китобойных судов, так как в этом случае у эскимосов было бы больше европейских предметов. Очевидно, фарфор дали эскимосам высаживавшиеся на берег европейцы.

Незадолго до Клаверинга в 1822 г. известный англий-

⁷ D. Clavering. Journal of a voyage to Spitzbergen and the east coast of Greenland in His Majesty's ship «Griper». «Edinburgh new philosophical Journal», v. IX, 1830, July. Этот номер журнала остался нам недоступным, и мы цитируем отчет Д. Клаверинга по указ. кн. Э. Миккельсена, где он приведен полностью.

⁸ E. Mikkelsen. The East Greenlanders..., p. 15.

⁹ Там же.

ский китобой В. Скорсби-младший, плававший у берегов Северо-Восточной Гренландии, видел в нескольких местах следы эскимосов. Так, недалеко от устья залива, носящего ныне его имя, Скорсби обнаружил несколько открытых очагов со свежими кострищами. Скорсби отмечает также, что немного ранее, в 1820 г., один китобой на 73° с. ш. вблизи берега Северо-Восточной Гренландии нашел недавно убитого моржа с воткнутыми в него двумя костяными гарпунами с железными наконечниками, к ним были привязаны ремни из моржовой кожи. Эти гарпуны явно принадлежали местным эскимосам¹⁰.

Как по наблюдениям Клаверинга, так и по результатам археологических раскопок, можно составить определенное представление о культуре обитателей Северо-Восточной Гренландии в начале XIX в. (работы Т. Матиссена, Х. Ларсена).

Судя по всем этим данным, эскимосы, жившие в Северо-Восточной Гренландии, т. е. к северу от Ангмагсалика, занимались охотой на тюленей и моржей, а также ловлей птиц. В прошлом они также охотились на китов, но к XIX в. эта охота прекратилась в связи с хищнической деятельностью европейских китобоев в водах между Шпицбергом и Восточной Гренландией, приведшей к истреблению поголовья китов. Большую часть времени своего пребывания в Северо-Восточной Гренландии эскимосы также промышляли оленей, но в XIX в. перед вымиранием населения этого района охоты на оленей не производились.

Напротив, кости мускусного быка были обнаружены лишь в самых поздних слоях археологических стоянок, когда вымирание населения уже шло полным ходом. До этого мускусные быки, очевидно, не водились в районах расселения восточно-гренландских эскимосов. Основными орудиями охоты служили гарпуны, копья, лук со стрелами. Население Восточной Гренландии было знакомо с употреблением железа. Ранние иммигранты с запада на восток добывали железо, раскапывая руины норманнских поселений на юге острова.

В дальнейшем обитатели Северо-Восточной Гренландии, по-видимому, получали железо главным образом из

¹⁰ W. Scoresby junior. *Journal of a Voyage to the Northern Whale-Fishery*. Edinburgh, 1823, p. 183, 187, 334.

выброшенных на берег обломков китобойных судов, а жители южной части восточного побережья добывали этот металл, выменивая его на меха у населения Западной Гренландии, которое, как отмечалось выше, рано вступило в торговые сношения с европейскими мореплавателями.

Однако железа у эскимосов Восточной Гренландии было мало, и до конца XIX в. основным материалом для изготовления орудий оставались у них камень и кости.

ЭСКИМОСЫ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Что касается эскимосов Юго-Восточной Гренландии (от Ангмагсалика к югу), то первое историческое свидетельство о них датируется 1380 г. В этот год Бьерн Эйнарсон Иорсалфар встретил эскимосов в Гунбьорн Скэр, вероятно, где-то в районе современного Ангмагсалика. Сообщение об этом содержится в гренландских исторических хрониках¹¹.

Следующая информация о восточногренландских эскимосах содержится в работах Г. Эгедде. Он, хотя и не бывал сам в Восточной Гренландии, но очень интересовался ею, так как верил, что восточная колония норманнов должна находиться именно там. В одной из своих книг Эгедде отмечал, что, по сообщениям голландских китобоев, они время от времени пробивались сквозь льды к юго-восточным берегам острова и вели там прибыльную торговлю с туземцами¹². Это сообщение подтверждается результатами датской экспедиции на восточное побережье, руководимой морскими офицерами Холмом и Гарде.

Члены экспедиции обнаружили на юго-востоке Гренландии на широтах 61°45' и 62°20' два гурия, поставленных голландскими китобоями. Оба гурия находились около удобных гаваней и в то же время в посещавшихся восточногренландскими эскимосами местах.

¹¹ «Grønlands Historiske Mindesmæker», v. I—III. København, 1838, v. I, p. 111. Это издание осталось нам недоступным и мы цитируем его по книге Э. Миккельсена, стр. 21.

¹² Н. Egede. Det gamle Grønlands nye perlustration. København, 1741, p. 21. Цит. по книге: E. Mikkelsen. The East Greenlanders..., p. 22.

В 1733 г. одна старая эскимоска из Западной Гренландии рассказала Эгедe, что жители Западной и Восточной Гренландии торгуют друг с другом¹³. Более подробные сведения об общении и меновой торговле между западно- и восточнoгренландскими эскимосами имеются для середины и второй половины XVIII в.

Так, Д. Кранц довольно подробно рассказывает о поездках эскимосов с западного на восточное побережье и в обратном направлении и отмечает, в частности, что во время этих поездок восточные гренландцы заходили довольно далеко на север вдоль западного побережья острова. Так, по словам Д. Кранца, в 1750-х годах один восточный гренландец зимовал на западе острова в районе Готхоба¹⁴.

Незадолго до приезда Д. Кранца в Гренландию (1761 г.) П. Ольсен Валле, отплыв в 1751 г. из Готхоба на умиаке, обогнул южную оконечность Гренландии и, следуя вдоль восточного побережья, достиг примерно 61° с. ш. На своем пути он несколько раз встречался с эскимосами. Валле отмечает, что западные и восточные гренландцы встречались с целью торговли на острове Алук в устье залива Принца Христиана¹⁵. Восточные гренландцы привозили медвежьи и песцовые шкуры, а западные — иглы, ножи, куски железа, полученные от европейцев. Железо переходило на восточном побережье от одной группы эскимосов к другой, достигая в конечном счете жителей Ангмагсалика, непосредственно не плававших на остров Алук. Таким путем все население Восточной Гренландии, за исключением жителей северо-востока, втягивалось в торговлю с европейцами через посредство западных гренландцев. Объем торговли запада с востоком значительно возрос после того, как в 1777 г. датчане основали на юго-западе острова поселение и факторию Юлианехоб. А в 1797 г. почти у южной оконечности Гренландии был открыт торговый пост Нанорталик.

Его основание положило начало переселению эскимосов с юго-востока Гренландии на юго-запад. В 1798 г.

¹³ H. Egede. Relationer fra Grønland. Цит. по книге: E. Mikkelsen. The East Greenlanders..., p. 22.

¹⁴ D. Cranz. Historie von Grönland... Leipzig, 1765.

¹⁵ E. Mikkelsen. The East Greenlanders..., p. 23.

14 охотников с семьями, т. е. всего, вероятно, человек 70, покинули восточное побережье и поселились около Нанорталика. С этого времени миграции населения с юго-востока на юго-запад повторялись, пока не закончились в 1900 г. полным обезлюдением Юго-Восточной Гренландии, когда последние 38 или 40 жителей этой части острова перебрались на запад в район Юлианехоба¹⁶. Причин этих переселений было несколько. Одной из них было ухудшение природных условий и, следовательно, уменьшение возможностей для успешной охоты на юго-востоке острова. Но главное, по-видимому, было не в этом, а в той притягательной силе, которую имели для эскимосов датские торговые фактории на юго-западе Гренландии. Посещая их, жители юго-востока убеждались, что, продавая меха непосредственно на факторию, за них можно получить больше железных орудий и других полезных предметов, чем при торговле через посредство западных гренландцев. И многие приезжие с юго-востока оседали вокруг факторий. Этому процессу весьма способствовала деятельность датских миссионеров, но особенно членов ордена моравских братьев¹⁷. Им было значительно легче обращать язычников в христианство на освоенном европейцами юго-западе Гренландии, чем основывать миссии на юго-востоке острова. И поэтому они убеждали всех, кто приезжал из Восточной Гренландии для торговли, не возвращаться туда, а оставаться навсегда на юго-западе Гренландии. Еще в 1774 г. «моравские братья» основали к югу от Юлианехоба миссию Лихтенау, но особенно увеличилось их влияние после того, как в 1824 г. на юге острова, как раз на обычном пути восточногогренландских эскимосов в Нанорталики была основана миссия Фредериксдол, специально для обращения в христианство восточногогренландских эскимосов.

Некоторое, хотя и неполное представление об объеме переселения с юго-востока на юго-запад в XIX в. дают отчеты датских и моравских миссий. На основе их Э. Миккельсен составил нижеследующие таблицы.

Если учесть, что в остальной части Западной Гренландии, коренное население которой на 1815 г. насчитывало 3993 человека, некрещеных оставалось только 102

¹⁶ Х. Ларсен. Гренландцы. Сб. «Гренландия». М., 1953, стр. 211.

¹⁷ V. Stefansson. Greenland. N. Y., 1944, p. 247.

Т а б л и ц а 1

Численность крещеных и некрещеных эскимосов в дистрикте Юлианехоб *

Год	Все население дистрикта	Число крещеных	Число некрещеных	% некрещеных
1803	1797 человек	1003 человека	794 человека	44
1815	1903 человека	1122 »	781 человек	41
1820	1969 человек	1310 человек	659 »	33
1822	1942 человека	1418 »	524 человека	27

* *E. Mikkelsen. The East Greenlanders...., p. 25.*

Т а б л и ц а 2

Число эскимосов, крещенных в разные годы *

Год	Число крещеных	Год	Число крещеных	Год	Число крещеных	Год	Число крещеных
1822	8	1841	2	1861	10	1881	2
1823	8	1842	0	1862	10	1882	12
1824	68	1843	1	1863	4	1883	0
1825	75	1844	0	1864	1	1884	0
1826	48	1845	2	1865	4	1885	0
1827	22	1846	4	1866	3	1886	0
1828	19	1847	4	1867	2	1887	50
1829	19	1848	19	1868	2	1888	1
1830	39	1849	12	1869	0	1889	0
1831	29	1850	4	1870	9	1890	0
1832	23	1851	3	1871	1	1891	0
1833	20	1852	15	1872	10	1892	21
1834	16	1853	3	1873	0	1893	0
1835	15	1854	0	1874	2	1894	2
1836	8	1855	1	1875	0	1895	0
1837	2	1856	1	1876	0	1896	0
1838	5	1857	2	1877	0	1897	0
1839	0	1858	9	1878	1	1898	2
1840	3	1859	17	1879	0	1899	0
		1860	10	1880	0	1900	40

* *E. Mikkelsen. The East Greenlanders. . ., p. 26.*

человека, т. е. около 3%, то возникает мысль, что такое отставание дистрикта Юлианехоб могло быть связано с притоком некрещеных переселенцев из Юго-Восточной Гренландии.

Значительно более определенны данные за период с 1822 по 1900 г. За это время в моравской миссии во Фредериксдоле было крещено 725 переселенцев с юго-востока. О темпах переселения дают наглядное представление годовичные списки крещеных.

Переселение из Юго-Восточной Гренландии шло неравномерно, а волнами. Самая большая миграция в Юго-Западную Гренландию последовала за основанием миссии Фредериксдол. С 1824 по 1835 г. на юго-запад переселилось 393 человека, т. е. больше, чем за последующие 65 лет.

Э. Миккельсен отмечает, что отчеты о крещениях новоприбывших язычников не отражают полностью числа переселенцев, так как некоторые из них могли быть крещены позднее и уже не записаны как восточные гренландцы. Так, известно, что в 1835 г. 135 эскимосов переселились с юго-востока на юго-запад Гренландии, а в миссионерском отчете за этот год фигурируют только 39 переселенцев. Э. Миккельсен считает, что в целом за XIX в. более 1000 человек переселились из Восточной Гренландии в Западную¹⁸. Это большое количество, если иметь в виду, что в 1805 г., по первой переписи населения в Западной Гренландии, жило лишь 6046 человек. Из них на юго-западе острова проживало около 2000 человек.

Обезлюдение юго-востока Гренландии и концентрация населения на юго-западе острова выключали первый из названных районов из числа опромышляемых охотничьих угодий и в то же время несли в себе угрозу перепромысла во втором из районов. Поэтому датская администрация уже с начала XIX в. с беспокойством наблюдала за миграцией с юго-востока на юго-запад. (Отчет инспектора М. Мюленпорта за 1803 г.) Однако лишь 90 лет спустя была сделана попытка остановить этот процесс. На юго-востоке Гренландии у устья залива Принца Христиана был открыт торговый пост Итивулек. Но моравские миссионеры через посредство «обращен-

¹⁸ E. Mikkelsen. The East Greenlanders..., p. 26—27.

ных» эскимосов, живших около миссии, продолжали переманивать остатки населения юго-востока на юго-запад. И к 1901 г. район Ангмагсалика остался единственной заселенной областью на всем восточном побережье. К югу от него более чем на 600 км берег был безлюден. Пустынными были и берега к северу от Ангмагсалика. Лишь время от времени его жители совершали сюда длительные охотничьи поездки.

Но постепенно уменьшалось и население Ангмагсалика. Еще в 1830 г., когда Гро путешествовал вдоль берега Юго-Восточной Гренландии, местные жители рассказали ему, что к северу от них есть эскимосские стойбища, в которых в последние годы (перед 1830 г.) стало гораздо меньше людей, так как многие умерли от голода¹⁹. Однако сам В. Гро не достиг Ангмагсалика, так как льды преградили ему путь. Отдельные разрозненные сведения о жителях Ангмагсалика поступали к датчанам через посредство эскимосов юго-восточного побережья и после экспедиции В. Гро. Так, в 1861 г. они рассказали У. Розингу, что самое северное обитаемое место на восточном берегу — Ангмагсалик лежит в 17 днях пути в каяке от островка Алук на юге Гренландии. У людей Ангмагсалика так мало железа, что они продолжают пользоваться гарпунами с костяными наконечниками.

Первым европейцем, воочию увидевшим эскимосов Ангмагсалика и описавшим их, стал датский морской офицер Г. Холм. По информации, полученной им от жителей этого места, количество населения здесь резко уменьшилось на протяжении одного или двух поколений в результате постепенного ухудшения условий охоты и порождаемых этим голодовок эскимосов.

Только в 1881—1882 гг. непосредственно от голода или от его последствий умерло около 70 человек. Чтобы выжить, люди ели тела своих умерших родственников. В 1884 г., когда Холм приплыл в Ангмагсалик, в живых оставалось 413 человек, в том числе 193 мужчины (включая 59 детей мужского пола моложе 12 лет) и 220 женщин (включая 66 девочек моложе 12 лет). Женатых

¹⁹ W. Graah. Undersøgelses-Reise til Østkysten af Grønland i Aarene 1828—1831. København, 1832, p. 118, 140. Цит. по книге; E. Mikkelsen. The East Greenlanders..., p. 28.

мужчин было 89, а замужних женщин 98, что свидетельствует о существовании многоженства у эскимосов Ангмагсалика.

Все население Ангмагсалика жило в 1884 г. в 13 поселениях, в каждом из которых был только один дом. В нем размещалось от 12 до 58 человек. Летом жили в 36 палатках из шкур, т. е. на каждую палатку приходилось в среднем 11 человек.

Жители Ангмагсалика были неплохо обеспечены средствами охоты и передвижения. У них было 118 каяков и 28 умиаков. Хорошо они были снабжены и всем необходимым охотничьим оружием²⁰. И все же, по наблюдениям Г. Холма, население вымирало. Смертность была больше, чем рождаемость. Холм провел в Ангмагсалике около года.

Следующая по времени информация об Ангмагсалике датируется 1892 г., когда сюда приехал К. Рюдер. Он обнаружил, что в Ангмагсалике осталось только 293 человека, так как более 100 человек покинули Ангмагсалик и отправились в южном направлении с конечной целью переселиться поближе к европейским торговым постам. И в 1894—1895 гг. Ангмагсалик покинула еще одна группа переселенцев, и численность его жителей сократилась до 247 человек²¹. Процесс переселения на юго-запад, происходивший на юго-востоке острова с конца XVIII в., теперь с началом прямых контактов с европейцами захватил и Ангмагсалик. Однако на этот раз датские власти, стремясь не допустить полного обезлюдения всего восточного побережья Гренландии, приняли энергичные меры, чтобы удержать население Ангмагсалика на его исконных местах и в то же время не допустить его вымирания, потому что, по данным того же К. Рюдера, смертность в Ангмагсалике за десятилетие — с 1882 по 1892 г. продолжала превышать рождаемость.

²⁰ E. Mikkelsen. The East Greenlanders..., p. 30—31, 34.

²¹ Там же, стр. 36, 43.

ЭСКИМОСЫ АНГМАГСАЛИКА
В КОНЦЕ XIX—XX в.:
РАЗЛОЖЕНИЕ НАТУРАЛЬНОГО И ФОРМИРОВАНИЕ
ТОВАРНОГО ХОЗЯЙСТВА

Что же представляли собой эскимосы Ангмагсалика непосредственно перед началом колонизации, т. е. в 1884—1894 гг.? Благодаря работам Г. Холма, который, как уже отмечалось, был в Ангмагсалике в 1884 г., и В. Тальбицера, впервые побывавшего здесь в 1894 г., о самобытной культуре восточнोगренландских эскимосов имеется довольно полное представление.

По данным этих исследователей, название Ангмагсалик происходит от эскимосского названия рыбы мойвы—ангмагсат, которую в больших количествах ловят в заливе Ангмагсалика. Эскимосов, живших по берегам этого залива, их южные соседи называли ангмагсалингмиут. Что касается самоназвания эскимосов ангмагсалик, то по этому вопросу Холм и Тальбицер несколько расходятся. По утверждению Холма, эти эскимосы называют себя «иник» или «так» — человек. По наблюдениям же Тальбицера, они называют себя «ээвин» — человек или «таавин» — тень. Несомненно, что данные крупнейшего знатока эскимосского языка В. Тальбицера более точны, чем наблюдения Г. Холма. Зимой 1884—1885 гг. эскимосы ангмагсалик жили по берегам заливов Сермилик, Ангмагсалик и Сермилигак в 12 селениях. Семь из них были расположены у залива Ангмагсалик. В каждом селении был один дом. В нем обитало от 12 до 60 человек. Всего в селениях зимой 1884—1885 гг. был 371 человек.

Зимнее жилище представляло собой полуземлянку из дерна и камня, построенную обычно на склоне холма фасадом к морю. В плане эта полуземлянка напоминала трапецию с широкой задней стеной и более узкой передней. Длина дома достигала 24—50 футов, ширина — 12—16 футов. У задней стены находилась лежанка, разгороженная шкурами на помещения отдельных семей. Холостяки и подростки спали на передних платформах, расположенных по обе стороны от входа. В жилище со стороны моря вел длинный (20—30 футов) коридор, пол которого был ниже уровня жилища, чтобы не допустить утечку из него легкого теплого воздуха. По обе стороны

коридора было расположено по окну. Летом эскимосы ангмагсалик покидали свои зимние селения и собирались в три больших стойбища в местах, наиболее богатых рыбой и морским зверем²². Жили они в этих стойбищах в палатках из тюленьих шкур. (Устройство этих палаток было подробно описано Ф. Нансеном, видевшим их в 1888 г. у южных соседей эскимосов ангмагсалик.)

Хозяйственный цикл был детально охарактеризован Э. Вейером и Х. Ларсеном на основе материалов Холма, Тальбицера и других авторов. Он складывается следующим образом.

Зимой — с ноября по февраль — эскимосы ангмагсалик добывают тюленей через продушины во льду, а также бьют их с кромки льда в полыньях, всю зиму сохраняющихся у побережья Ангмагсалика. С конца февраля или с марта и по май включительно охотники добывают тюленей, вылезавших на лед погреться на солнце. В июне ловят мойву в фьордах. В июле, августе и сентябре охотятся на тюленей с каяков. Октябрь — время подготовки к зимней охоте. Белых медведей в основном добывают в феврале и марте, когда они на дрейфующих льдах приплывают к побережью. В начале XX в. эскимосы Ангмагсалика ежегодно добывали 70—80 белых медведей²³.

О социальных отношениях у эскимосов Ангмагсалика перед колонизацией известно значительно меньше, чем, например, у полярных эскимосов. По-видимому, основной экономической и социальной ячейкой в Ангмагсалике в 1880—1890 гг. была группа людей, живших зимой вместе в доме-селении. Г. Холм отмечает, что все обитатели одного дома пользуются добычей и зимними запасами каждого из живущих в доме. Он же пишет, что оказание помощи товарищам по дому и ближайшим родственникам является самой обязательной и священной из всех социальных обязанностей²⁴. Очевидно, все жители дома-селения могут рассматриваться как одна община.

Некоторые косвенные указания о составе этой общины есть у В. Тальбицера. По его наблюдениям, опреде-

²² W. Thalbitzer. The Ammassalik Eskimo. Social customs and mutual aid. Copenhagen, 1941, p. 625.

²³ E. Weyer. The Eskimos. Hamden, 1962, p. 38—80; Х. Ларсен. Указ. соч., стр. 212.

²⁴ G. Holm. Ethnological sketch of the Angmagssalik [Eskimos.]. Copenhagen, 1914, p. 58.

ленные, установленные обычаем части пойманного тюленя получали сам охотник и его родственники (отец, мать, братья, сестры, жены братьев, отец отца, брат матери, кузены), а также жена охотника и ее родственники (родители, братья, отец отца, дети братьев и сестер). При этом родственники самого охотника получали доли от передней части тюленя, а родственники жены — от задней²⁵. Разработанная структура раздела добычи между определенными родственниками и свойственниками, на наш взгляд, указывает на то, что включенные в нее лица чаще всего жили вместе, образуя одну общину. Эта община являлась не только хозяйственной, но и религиозной ячейкой. Имевшиеся у эскимосов ангмагсалик шаманы были связаны в своей деятельности с определенными общинами. Различные обрядовые празднества также устраивались зимой, когда общины жили порознь.

Летом же, когда люди из многих общин собирались вместе в летних лагерях, прекращалась деятельность шаманов и не устраивались религиозные празднества²⁶.

Сведения о формах собственности у эскимосов Восточной Гренландии до колонизации также неполны, но достаточны, чтобы полагать, что они не отличались от соответствующих норм у других эскимосских групп, находившихся на том же уровне развития²⁷.

Охотничьи и рыболовные угодья были общей собственностью. Но в то же время человек, нашедший продушину во льду, получал преимущественное право ловить в ней тюленя.

Охотничье оружие, мужские орудия труда, каяк, а также умиак и палатка находятся в личной собственности мужчины. Домашняя утварь и женские орудия труда — в собственности женщины.

В случае смерти мужчины вместе с ним погребается его оружие, но наиболее ценные вещи — умиак и палатка — наследуются сыном. Домашняя утварь, по крайней мере, частично наследуется дочерью после матери.

Материальная культура Восточной Гренландии в конце XIX в. имела ряд отличий от материальной куль-

²⁵ W. Thalbitzer. Указ. соч., стр. 645—647.

²⁶ Там же, стр. 625.

²⁷ Л. А. Файнберг. Общественный строй эскимосов и алеутов, стр. 116—128.

туры Западной Гренландии. Многие из этих отличий объяснялись тем, что на востоке острова дольше, чем на западе, сохранялись такие элементы культуры, характерные в более отдаленном прошлом и для Западной Гренландии, как большие общинные дома, крестообразное сидение каяка, уже в XVI в. замененное в Западной Гренландии круглым, острога для лучения рыбы, особый тип гарпуна для охоты через продушины (итсуартит)²⁸.

Кроме этого, у восточных гренландцев были в XIX в. некоторые самобытные черты в одежде, отличавшие их от западных собратьев, например, очень короткие штаны у женщин, козырьки для защиты глаз от солнца у мужчин и некоторые другие.

Но все эти различия возникли сравнительно поздно. Еще в начале XVIII в., судя по археологическим данным, материальная культура на обоих берегах острова оставалась сходной²⁹.

В 1894 г. была открыта фактория Ангмагсалик. С этого времени началось разложение натурального хозяйства у живущих здесь эскимосов. Этот процесс был детально прослежен на большом статистическом материале Э. Миккельсеном.

Необходимо сразу же сказать, что в свете исследований Э. Миккельсена представляется необоснованным и ошибочным некритически цитировавшееся нами в книге «Общественный строй эскимосов и алеутов» утверждение К. Биркет-Смита, что «эскимосы Ангмагсалика остаются в фазе натурального хозяйства. Их продукция в основном идет на удовлетворение собственных потребностей и лишь излишки и ненужные им самим продукты продаются»³⁰. Это разделявшееся в прошлом и нами представление опровергается всем ниже приводимым материалом.

Об объеме торговли фактории Ангмагсалик в первые 5 лет после ее основания дает представление следующая составленная Э. Миккельсеном таблица³¹.

²⁸ Х. Ларсен. Указ. соч., стр. 212.

²⁹ Там же, стр. 210, 211.

³⁰ К. Birket-Smith. The Eskimos. London, 1959, p. 228.

³¹ E. Mikkelsen. The East Greenlanders..., p. 150.

Т а б л и ц а 3

Стоимость покупок жителей Ангмагсалика на фактории
в 1894/95—1898/99 гг.

Финансовый год	Стоимость покупок	Финансовый год	Стоимость покупок
1894/95	848,54 крон	1897/98	1989,03 крон
1895/96	1729,98 »	1898/99	3934,68 »
1896/97	2977,88 »		

Стоимость покупок на фактории в эти годы примерно совпадала со стоимостью проданных эскимосами шкур. В первые годы эскимосы, видимо, в основном получали денежный доход от продажи медвежьих шкур, стоивших по 40 крон каждая, или столько же, сколько 90 шкур кольчатой нерпы (0,45 кроны за штуку в 1894 г.).

В первые пять лет подавляющую часть покупок эскимосов по стоимости составляли охотничье оружие и боеприпасы, некоторые предметы одежды, а также табак.

Уже в первый год работы фактории было куплено 12 ружей, а всего за 5 лет 85 штук по 32 кроны каждое.

Если учесть, что в эти годы в Ангмагсалике было в среднем 65 охотников, то, следовательно, к началу XX в. у каждого из них было ружье. Превышение числа купленных ружей над числом охотников, на наш взгляд, правильно объясняется Э. Миккельсеном как результат частой поломки ружей из-за отсутствия навыков пользоваться ими.

Покупка пороха за пятилетие увеличилась более чем вдвое — с 55 до 127 кг в год, а капсюлей свыше чем втрое — с 17500 до 57500 штук в год. Число капсюлей равно числу выстрелов в год, но, вероятно, многие из них были безрезультатными.

Всего 65 охотников купили за пять лет на 4326 крон огнестрельного оружия и боеприпасов, что равно стоимости 108 первосортных медвежьих шкур.

В это же время было куплено 236 мужских ножей по 30 эре штука. Но значительная часть ножей, в особенности женских, продолжала выделяться и в конце

XIX и в начале XX в. самими гренландцами из обломков стали. Много покупали иголок и мотков ниток. Их потребление соответственно возросло с 575 до 6925 штук и с 228 до 325 мотков в год.

Покупка тканей (хлопчатобумажных, миткаля и на рубашки) возросла со 184 м до 1368 м в год. Всего за 5 лет было куплено тканей на 2348,82 кроны или на 58 медвежьих шкур. За те же пять лет было куплено 1272 цветастых головных платка на 381,60 кроны (9 медвежьих шкур). За 5 лет было также куплено 477 м материи на зимние женские анораки (16 м в первый год, 98 м в последний) стоимостью в 524,70 кроны. Из готовой одежды жители Ангмагсалика прежде всего стали покупать фарерские фуфайки по 3 кроны за штуку. В первый год пятилетки их купили 15, в последний — 51, а всего 179 на сумму 537 крон. В значительно меньших количествах в эти годы покупались ютландские фуфайки, брюки, рубашки. Всего готовой одежды за пятилетие было куплено на сумму около 900 крон.

Значительным бременем на бюджет жителей Ангмагсалика легла покупка табака, совершенно не известного им до 90-х годов XIX в. Его покупка за пятилетие возросла почти в 20 раз: с 9,5 кг до 163 кг в год. Всего за пятилетие было куплено табака на 1204,08 кроны, а спичек 7082 коробки на 141,64 кроны.

Продажа съестных припасов жителям Ангмагсалика началась с 1898/99 г., когда они купили ячневую крупу, горох, овсянку, рис и ржаную муку — всего на сумму в 203,17 кроны. Как отмечает Э. Миккельсен, это, конечно, было очень мало на население в 400 человек. Но это было нарушением установленного датской администрацией правила не продавать жителям Ангмагсалика привозного продовольствия и это было началом процесса, приведшего к тому, что уже в конце 30-х годов XX в. многие восточные гренландцы, служащие и работавшие по найму в Ангмагсалике, питались почти исключительно привозными продуктами, в дополнение к ним, прикупая или выменивая у охотников на хлеб немного мяса³².

В дальнейшем объем торговли непрерывно возрастал. Жители Ангмагсалика во все больших количествах сда-

³² E. Mikkelsen. The East Greenlanders..., p. 151—154.

вали на факторию не только не очень нужные им медвежьи шкуры, но и насущно необходимые тюленьи шкуры.

У них стало не хватать тюленьих шкур для оболочек умиаков и каяков. В результате этого, а также роста численности населения резко уменьшилась оснащенность населения этими важными средствами передвижения и охоты. Из-за нехватки средств передвижения, а также из-за стремления находиться поближе к фактории реже, чем до колонизации, стали предприниматься далекие поездки для промысла зверя.

При этом сократилось не только число, но и продолжительность охотничьих кочевков. Население стало покидать постоянные поселки только на 1—1,5 месяца на время летних охот³³. Результатом этого неизбежно явился перепромысел зверя вблизи мест постоянных поселений. Чтобы избежать отрицательных результатов относительного перенаселения дистрикта Ангмагсалик датская администрация в 1925 г. переселила 82 человека на север в район залива Скорсби.

В 1938 г. около 150 жителей Ангмагсалика переселились к югу в район Шальдунгена, в прошлом одно из наиболее богатых зверем мест Юго-Восточной Гренландии. В 1947 г. 25 человек переселились в Кангердлугсуак к северу от Ангмагсалика³⁴.

Однако, за исключением Скорсби, переселение на новые места не дало желаемых результатов. В начале 1940-х годов значительная часть людей, переселившихся в Шальдунген, вернулась обратно в Ангмагсалик, стремясь жить поближе к большой торговой фактории. А большинство оставшихся обосновались около метеостанции, открытой здесь в 1942 г., и занимаются главным образом не морской охотой, а работой по найму.

В Кангердлугсуаке также была построена метеостанция, и в результате переселившиеся сюда охотники сосредоточились вокруг нее в поисках наемной работы и настолько забросили морской промысел, что лишились необходимых средств к существованию. Объем же работы по найму на метеостанции был недостаточен, чтобы прокормиться. Поэтому датские власти ликвидировали эскимосское поселение в Кангердлугсуаке.

³³ E. Mikkelsen. Øst-Grønland. Grønlands Bogen, v. II, p. 264.

³⁴ Там же, стр. 265—266.

В результате образовавшихся ножниц между добычей тюленей и численностью населения восточным гренландцам стало не хватать мяса, жира, а также шкур для одежды, покрышек палаток и оболочек каяков и умиаков.

Нехватка шкур вызывала необходимость замены части их импортными изделиями (покупными тканями и т. д.). Чтобы купить последние, эскимосам надо было увеличить денежные доходы, а для этого надо было продавать на факторию еще бо́льшую часть охотничьей добычи и в том числе важнейшей ее части — тюленей. Получался замкнутый круг. С каждым его оборотом натуральное хозяйство все больше вытеснялось товарным.

С начала XX в. все возрастающую роль в денежных доходах жителей Ангмагсалика начинает играть и постоянная или временная работа по найму для действовавших в Ангмагсалике датских учреждений — фактории, миссии и др.

В 1925 г. в связи с ухудшением условий охоты в районе Ангмагсалика датская администрация переселила 82 человека из Ангмагсалика на север, в район залива Скорсби, и открыла там факторию. О развитии хозяйства переселенцев и о соотношении в нем товарного и натурального производства дают представление ниже следующие табл. 5, 6.

Как мы видим, денежные доходы у жителей Скорсби в несколько раз выше, чем в Ангмагсалике, и хозяйство в большей мере ориентировано на товарное производство.

За первые полвека колонизации Восточной Гренландии уменьшилось потребление коренным населением не только шкур, но и мяса.

Э. Миккельсен отмечает, что при анализе этой таблицы надо иметь в виду следующие обстоятельства: примерно четверть мяса съедалось собаками, а 66% жира использовалось (в том числе в 1938/39 г.) не для еды, а для отопления и освещения жилища.

Из таблицы следует, что потребление тюленьего мяса и жира уменьшилось с 1897 по 1939 г. примерно в три раза, а потребление шкур более чем в пять раз. Тем не менее и к началу 1940-х годов тюленьё мясо оставалось основным продуктом питания восточных гренландцев (особенно жителей дистрикта Ангмагсалик), составляя, по некоторым оценкам, до 76% всей калорийности пищи.

Т а б л и ц а 4

Среднегодовой денежный доход (в кронах) восточных гренландцев в 1894—1939 гг. *

Годы	Численность	Доходы от охоты		Другие доходы			Всего доход	На семью	На человека века
		всего	на 1 человека	постоянная зарплата	поденная зарплата	субсидии			
1894/95—1898/99	307	1 904	6,20	...	120		2024	28,91	6,56
1899/00—1904/05	434	3 204	7,38	1142	164		4510	57,95	11,08
1905/06—1909/10	535	4 001	7,48	1689	561		6251	56,83	11,68
1910/11—1914/15	592	5 382	9,09	1584	840		7806	68,47	13,19
1915/16—1919/20	634	4 826	7,61	3257	1556	...	9639	73,58	15,20
1920/21—1924/25	706	7 785	11,03	4633	2440	100	14 908	105,74	21,12
1925/26—1929/30	809	15 202	18,79	10 195	4416	200	24 813	187,50	36,85
1930/31—1934/35	956	20 946	21,91	14 415	4190	382	39 933	229,50	41,77
1935/36—1938/39	1041	24 979	23,99	16 066	6094	1248	48 387	310,77	46,48

* E. Mikkelsen. The East Greenlanders ..., tabl. 43, p. 161.

Таблица 5

Годовое производство и денежные доходы эскимосов Скорсби-Сунна *

Годы	Численность населения	Тюлени		Медведи	Песцы		Денежный доход от торговли (в кронах)	
		продано	домашнее потребление		белые	голубые	всего	на человека
1925/26—1929/30	100 человек	289 шт.	500 шт.	74,6	45	59	6284	62,84
1930/31—1934/35	122 человека	512 »	600 »	39,0	44,4	97,6	5810	47,63
1935/36—1938/39	178 человек	939 »	900 »	48,3	32,8	142,3	9336	52,45

* E. Mikkelsen. The East Greenlanders . . . , tabl. 34, p. 116.

Таблица 6

Среднегодовой денежный доход (в кронах) гренландцев Ангмагсалика и Скорсби-Сунна с разбивкой по статьям дохода *

Годы	Число жителей		Охота		Жалование		Поденная работа		Всего		На 1 человека	
	Ангмаг-салик	Скорсби-Сунн	Ангмаг-салик	Скорсби-Сунн	Ангмаг-салик	Скорсби-Сунн	Ангмаг-салик	Скорсби-Сунн	Ангмаг-салик	Скорсби-Сунн	Ангмаг-салик	Скорсби-Сунн
1925/26—1929/30	693	100	8 913	6284	4218	5977	3477	939	16 613	13 200	2384	13 200
1930/31—1934/35	823	112	15 736	5810	5769	8616	2615	1575	24 120	15 431	2938	12 648
1935/36—1938/39	852	178	15 644	9336	7709	8557	4011	2083	27 364	19 975	3212	11 222

* E. Mikkelsen. The East Greenlanders . . . , tabl. 45, p. 163.

Т а б л и ц а 7

Потребление продукции промысла тюленей (мяса, жира и шкур) населением Восточной Гренландии *

Годы	Численность населения	Количество мяса на 1 человека (кг)	Количество жира на 1 человека (кг)	Число шкур на 1 человека
1897/98—1899/900	307	521	287	9,4
1900/01—1905/06	434	369	184	6,7
1905/06—1909/10	535	299	150	6,4
1910/11—1914/15	592	220	135	3,6
1915/16—1919/20	634	121	110	3,3
1920/21—1924/25	706	170	85	2,3
1925/26—1929/30	809	221	112	2,6
1930/31—1934/35	956	196	100	1,7
1935/36—1938/39	1041	185	95	1,8

* E. Mikkelsen. The East Greenlanders. . ., p. 165—166.

Для характеристики разложения натурального хозяйства весьма показательны проведенные А. Бертельсеном и А. Хеюгардом и позднее суммированные и критически проанализированные Э. Миккельсеном исследования питания восточных гренландцев и роли в нем импортных продуктов³⁵. Из работ этих авторов следует, что если к 1901 г. потребление европейских продуктов питания восточными гренландцами было почти равно 0, то к 1921 г. оно повысилось примерно до 10%, к 1931 г. примерно до 15%, а к 1939 г. до 30—35%. При этом в Скорсби-Сунне удельный вес европейских продуктов в питании был значительно выше, чем в Ангмагсалике. В 1936/37 — 1938/39 гг. он составлял в Ангмагсалике, по разным оценкам, 26—30%, а в Скорсби-Сунне — 54—62%.

Однако в разных частях дистрикта Ангмагсалик импортное продовольствие занимало разную роль в питании коренных жителей. Наибольшее значение оно имело и имеет для тех, кто живет в административном и торговом центре Восточной Гренландии — поселке Ангмагса-

³⁵ E. Mikkelsen. The East Greenlanders..., p. 181—189.

лик. Уже в конце 30-х годов большинство из живших здесь в это время 130 гренландцев зависело преимущественно не от охоты, условия для которой вблизи поселка были очень плохи, а от работы по найму. И в питании этих людей 80% (по калорийности) занимало продовольствие, привезенное из метрополии.

Вторую группу образовывали в этот же период 340 человек, живших не далее чем на расстоянии дня пути (на лодке) от Ангмагсалика. Возможности для охоты у них были большие, чем у жителей Ангмагсалика, и в их питании импортное продовольствие занимало 25%. Наконец, примерно 350 человек, живших на расстоянии более чем дня пути от Ангмагсалика, продолжали питаться почти исключительно продуктами собственного промысла — мясом и рыбой, и импортное продовольствие составляло лишь около 5% получаемых ими калорий.

В отличие от Ангмагсалика, в Скорсби все население было тесно связано с факторией и не различалось по уровню потребления привозного продовольствия.

Интересно сравнить, с какой скоростью росло потребление привозного продовольствия, а следовательно, и разрушалось натуральное хозяйство на западе и на востоке Гренландии.

Т а б л и ц а 8

Удельный вес привозного продовольствия в питании населения к общей калорийности пищи (в %) *

Годы	Западная Гренландия	Дистрикт Юлианехоб	Ангмагсалик	Скорсби
1901	16	11,1	0	0
1931	63	40,7	13,4	43,2

* E. Mikkelsen. The East Greenlanders..., p. 184.

Таким образом, уже первая треть XX в. была для Гренландии временем, когда на ее западе и северо-востоке импортное продовольствие заняло преобладающую или почти равную роль в питании местного населения с продукцией охоты и рыболовством. Лишь в Ангмагсалике на восточном побережье и, вероятно, также в дистрикте Туле на северо-западе коренное население про-

должало в основном питаться продуктами своих собственных промыслов.

Имеющиеся в литературе данные о хозяйстве восточногренландского населения в 1940—1970 гг. значительно менее полны, чем за предшествующие полвека. Все большее число восточных гренландцев начинает работать по найму. В 50-х годах среди этих людей были механики, радиотехники, строительные рабочие, продавцы на факториях, мелкие служащие, сиделки, акушерки³⁶.

Однако для большей части населения Восточной Гренландии основным источником существования остается промысловое хозяйство: охота на тюленей (в районе Скорсби также на песцов) и поощряемое датчанами рыболовство (лов трески и акул). В некоторых поселках охотой занимаются все мужчины. В то же время в наиболее крупном поселке Восточной Гренландии — Тасиусаке, где в 1966 г. жило 600 гренландцев и 150 датчан, был только один профессиональный охотник. Охота ведется с помощью винтовок, гарпуны за последние 30 лет полностью вышли из употребления. В год в районе Ангмагсалика добывается 6—7 тыс. тюленей, т. е. столько же, сколько добывалось в 1934—1935 гг. Между тем население здесь выросло с 899 человек в 1934 г. (среди них 820—840 гренландцев) до 2436 человек в 1967 г. (в том числе 2206 человек гренландцев)³⁷.

Из других отраслей хозяйства следует упомянуть изготовление из кости мелких скульптур, идущих на экспорт. Этим занимаются в двух селениях.

Изменения в характере хозяйства, увеличение связей с внешним миром привели к изменениям в характере расселения, материальной и духовной культуре.

В частности, на восточном побережье происходит значительное увеличение средней численности жителей в поселке, тогда как общее число поселков почти не возрастает.

В то же время уменьшается число жителей в каждом доме. К началу 40-х годов большие общинные дома сменились жилищами в среднем на две семьи каждое (на

³⁶ G. Williamson. *Changing Greenland*. London., 1953, p. 97.

³⁷ «Statistisk Årbog, 1969», p. 459, R. Gessain. *Angmasalik, trente ans apres. Evolution d'une tribu eskimo dans le monde moderne.* «Objetse Mondes», t. VII, fasc. 2, 1967, p. 135, 144—145; K. Jensen. *Angmagsalik 75 År. Grønland*, 1969, N 9, p. 276.

11 человек), а к 1956 г. большинство жилищ было односемейными (в среднем 6,5 человек) ³⁸.

Уменьшение размеров жилища, замена общинных домов односемейными является показателем и естественным результатом распада первобытного коллективизма, индивидуализации производства и становления у восточных гренландцев моногамной семьи.

Как видно из таблицы 9, лишь в 50-х годах восточные гренландцы в этом отношении догнали своих западно-гренландских собратьев.

В среднем восточногренландском поселке теперь не один, а много домов. В то же время, как уже было сказано, число самих поселков почти не увеличилось (в 80-х годах XIX в. их было 13, в 50-х XX в. — 16). Стремление людей концентрироваться в старых поселках, а не создавать новые связано с их желанием находиться вблизи торговой фактории, а также датских учреждений, где можно получить работу по найму.

Власти поощряют концентрацию населения, так как это облегчает его школьное, религиозное и медицинское обслуживание. Но эта концентрация отрицательно сказывается на эффективности охоты, требующей более равномерного распределения населения вдоль побережья ³⁹.

Несмотря на возрастающее сходство, населенные пункты Восточной Гренландии продолжают разниться от населенных пунктов Западной Гренландии многими чертами, что отражает более низкий уровень экономического развития на востоке острова. Так, если в Западной Гренландии в 1962 г. почти 65% населения жило в поселках городского типа, около 27% в поселках с торговым постом и лишь около 8% в деревнях без торгового поста, то в Восточной Гренландии в это же время в поселках городского типа жило около 37% населения, в поселках с торговым постом немногим более 24%, а остальные почти 40% проживали в деревнях без торгового поста.

К 1968 г. в Западной Гренландии городское население возросло до 70%, а в Восточной до 40% от всего населения. До последних лет различались и преобладающие в Западной и Восточной Гренландии типы жилищ. На востоке острова еще в 1955 г. более половины жилищ были

³⁸ «Statistisk Årbog, 1965», tabl. 368, p. 432.

³⁹ R. Gessain. Указ. соч., стр. 149.

Таблица 9

Изменение численности обитателей одного дома в Восточной (дистрикт Ангмагсалик) и Западной Гренландии *

Годы	Дистрикт Ангмагсалик			Число людей на один дом в Западной Гренландии
	всего людей	число домов	число людей на один дом	
Зима 1884/85	413	13	32	9,3
» 1897/98	372	11	34	...
» 1910/11	556	26	21	6,9
» 1920/21	663	35	19	6,3
» 1930/31	771	52	15	6,1
» 1938/39	872	76	11	...
На 1 окт. 1955 **	1651	254	6,5	5,4

* E. Mikkelsen. The East Greenlanders..., tabl. 22, p. 64.

** «Statistisk Årbog, 1965», tabl. 368, p. 432.

построены по старым образцам из дерна и торфа или из дерева и дерна, тогда как на западе острова таких жилищ старого типа оставалось процентов 8, а остальные были заменены современными деревянными домами ⁴⁰.

Правда, в последующие годы это различие, по-видимому, постепенно уменьшалось. По данным итальянской экспедиции, в 1963 г. в Ангмагсалике значительную часть жилищ составляли сборные деревянные дома, хотя встречались также хижины из дерна и торфа ⁴¹.

В последующие годы традиционные жилища были полностью заменены стандартными деревянными двухкомнатными домами. Детали этих домов привозятся из Дании и собираются приезжающими оттуда же на лето датскими рабочими. Эти дома отапливаются угольными печами и освещаются керосиновыми лампами. Жировые лампы совершенно вышли из употребления. Единственным традиционным предметом обстановки являются прикрепленные к стенам деревянные платформы для сна,

⁴⁰ Проценты вычислены по цифрам «Statistisk Årbog, 1965», p. 426, 432 и «Statistisk Årbog, 1969», p. 459.

⁴¹ Tavatti Silvio. Le dimore umane ad Angmagssalik (Groenlandia orientale). «Boll. Soc. Geogr. ital.», v. 5, 1964, № 7—8, 336—343.

копирующие старые эскимосские лежанки. Летом охотники и рыбаки живут в легких хлопчатобумажных палатках, плохо защищающих от ветра и холода ⁴².

Меховая одежда и сапоги из тюленьей кожи также почти повсеместно сменились покупной европейской одеждой и резиновыми сапогами. Этот костюм не приспособлен к местному климату и его ношение часто ведет к простудным заболеваниям.

С начала 40-х годов произошли крупные изменения и в питании коренного населения Восточной Гренландии. Тюленьё мясо в это время было основной пищей для большинства жителей района, теперь же оно осталось таковой лишь для меньшинства, во многих семьях питаются главным образом рыбой, а в Тасиусаке и некоторых других поселках в повседневный рацион входят преимущественно крупы, сахар, кофе, хлеб. Тюленьё мясо стало для многих восточных гренландцев деликатесом, который можно позволить себе только по воскресеньям. По-видимому, участвовавшие здесь случаи заболевания туберкулезом связаны с уменьшением количества мяса и жиров в питании.

В основном ушла в прошлое и старая духовная культура. Больше не исполняются произведения местного фольклора, не устраиваются традиционные празднества.

Постепенно отмирает восточногренландский диалект эскимосского языка, так как обучение в школах ведется на западногренландском диалекте. Он же является официальным языком в государственных учреждениях. На восточногренландском диалекте продолжают говорить только в быту и то преимущественно люди старшего поколения. Датским языком владеют лишь немногие уроженцы Восточной Гренландии. В основном, по мнению Р. Жессена, школьная политика направлена на культурную ассимиляцию восточных гренландцев западными ⁴³.

Существующие еще различия между населением Западной и Восточной Гренландии в материальной и духовной культуре, а также в языке продолжают медленно, но неуклонно стираться и, по-видимому, уже недалеко время, когда восточные гренландцы исчезнут как отдельная этнографическая группа в результате ассимиляции ее западными гренландцами.

⁴² R. Gessain. Указ. соч., стр. 145, 148.

⁴³ Там же, стр. 144

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели два периода в истории американских эскимосов: древний, предшествовавший капиталистической колонизации севера, и новый, с начала этой колонизации.

Мы видели, что уже в VI—III тысячелетии до н. э. на Аляске существовали культуры, если еще и не эскимосско-алеутские, то во всяком случае развивавшиеся в их направлении. Это микролитический комплекс денби на северо-западе Аляски и культура стоянки Анангула на Алеутских островах. Судя по найденным орудиям и костям животных, люди культуры денби сочетали охоту на оленей карибу с охотой на тюленей и, возможно, также рыболовством. По-видимому, эта культура сыграла бóльшую, если не решающую роль, в формировании таких эскимосских культур, как нортон, нуклит и ипиутак на Аляске, а также дорсет, очевидно, возникшую также на Аляске, но затем распространившуюся на восток — в Канаду и Гренландию. Во многом еще неясно происхождение древнейших эскимосских культур Гренландии индепенденса и саркака. Если денби, а также некоторые другие микролитические культуры Аляски сыграли особую роль в возникновении дорсета, ипиутака и других вышеназванных эскимосских культур, носители которых в равной мере занимались морской и сухопутной охотой, то, с другой стороны, в создании культуры ярко морского облика и в особенности культуры алеутов наибольшую роль сыграли традиции, унаследованные от людей стоянки Анангула, в которой в свою очередь чувствуется зна-

чительное влияние таких культур Дальнего Востока, как саккотсу на Хоккайдо, Арайя на Хонсю и т. п.

Таким образом, нам кажется весьма вероятным, что разнообразные локальные варианты древнеэскимосских культур в Америке возникли в результате взаимодействия двух производственных и культурных традиций: арктической микролитической традиции, наиболее четко представленной на Аляске комплексом денби, и традиции, пришедшей из более южных районов Дальнего Востока и проявившейся в культуре Анангула на Алеутских островах. В зависимости от конкретных экологических условий на первый план в последующих эскимосских культурах выступала или традиция комплексного хозяйства, или традиция господства морской охоты. Сказанным мы, конечно, никак не хотим умалить как значение самостоятельного развития отдельных эскимосских культур, так и значение контактов с другими этническими группами. Так, в дорсете чувствуется некоторое влияние индейских культур, хотя, очевидно, и не такое большое, как предполагалось раньше, а инугсук, на наш взгляд, формировался под влиянием культуры гренландских норманнов.

Из всего, что известно о древних культурах Американской Арктики, можно сделать вывод, что они не появились там в готовом виде, а вместе с людьми, их создавшими, прошли длительный и сложный путь развития, в котором приняли участие пришельцы из разных районов Дальнего Востока, а позднее также индейцы и норманны. Многие нам неизвестно: остается загадкой этническая принадлежность многих групп людей, принимавших участие в формировании эскимосской этнической общности, неизвестно, как возник и распространялся среди людей эскимосский язык. Лишь значительное накопление фактических данных позволит ответить на эти и другие нерешенные вопросы древней истории эскимосов.

Новая история эскимосов, пожалуй, не менее интересна, чем их далекое прошлое. Живя на крайнем севере, эскимосы, в особенности в Канадской Арктике, оказались одним из последних доклассовых обществ земли, пришедших в контакт с развитыми капиталистическими нациями. Колонизация США, Канадой, Данией Американской Арктики привела к большим переменам не только в экономике, материальной и духовной культуре эскимосов, но и в их этническом облике. Все эти перемены, как мы

попытались показать на конкретном материале в предшествующих главах, были тесно взаимосвязаны и систематически сопровождались обнищанием, а до недавних пор и вымиранием коренного населения. Вместе с тем различные виды деятельности и различная интенсивность капиталистической колонизации крайнего севера по-разному влияли на этнический облик эскимосов и их социально-экономическое положение.

Так, период расцвета американского китобойного промысла повел не только к частичному разрушению натурального хозяйства у эскимосов Северной и Северо-Западной Аляски, но и имел своим следствием ассимиляцию части племени нунамиутов береговыми жителями, слияние многих соседних племен, особенно в районе мыса Барроу и мыса Хоп, служивших базами китобойного флота, уменьшение различий в языке и культурных традициях у подавляющего числа племен Аляски. С другой стороны, пушная охота не стимулировала дальнейших перемен в этническом типе эскимосов Аляски.

В послевоенные годы расширение контактов с пришлым населением, увеличение миграций в связи с работой по найму повели к почти полному исчезновению племенных культурных традиций у эскимосов Аляски и к консолидации их в единое этническое целое.

В Канаде получение индейцами ружей у европейцев повело к изменению существовавших многие века границ между эскимосами и индейцами. Развитие торговых связей эскимосских кочевых общин с факториями компании Гудзонова залива вызвало распад племени на несколько частей, каждая из которых тяготела к определенной фактории. Этот процесс привел к исчезновению общеплеменного самоназвания и самосознания. Каждая из частей племени стала осознавать себя отдельным целым. Наконец, в последние годы в связи с ростом городского эскимосского населения части прежних племен перемещиваются и образуют единую, но уже не племенную, а социальную группу городского населения. Имеются некоторые признаки того, что в городах Канадской Арктики, в особенности в Инувике, начался процесс постепенного стирания прежних этнических различий между эскимосами и индейцами, в связи с объединением их в одну низшую социально-экономическую группу, противостоящую привилегированному и господствующему слою городско-

го населения — белым канадцам. Во многом иной, чем на Аляске и в Канаде, была этническая история эскимосов Гренландии, где на основе сплава местной и датской культур возник новый народ — гренландцы, уже не считающий себя эскимосами.

В наших очерках мы смогли коснуться лишь некоторых этнических процессов у коренного населения Американской Арктики. Мы попытались также показать, что до тех пор пока изучение культуры эскимосов остается уделом только этнографов и археологов, изучение экономической истории этого народа останется необходимой составной частью исследований по его этнической истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки. М., 1961.
- Агранат Г. А.* Зарубежный Север. М., 1957.
- Агранат Г. А.* Положение коренного населения Американского Севера. СОПС. инф. бюлл. по зарубежному северу, № 24 (4). М., 1958.
- Агранат Г. А.* Новая техника и освоение зарубежного Севера. М., 1960.
- Агранат Г. А.* Положение коренного населения крайнего севера Америки. «Советская этнография», 1961, № 4.
- Агранат Г. А.* Проблема освоения зарубежного севера (на примере Аляски, Канадского Севера и Гренландии). Докт. дисс. М., 1966.
- Агранат Г. А.* Зарубежный Север. М., 1970.
- «Американский Север». М., 1950 (перевод с англ.).
- Амундсен Р.* Северо-западный проход. Плавание на судне «Иоа», 1903—1907. Собр. соч., т. 1. Л., 1939.
- Анохин Г. И.* Судьба гренландских норманнов. «Советская этнография», 1967, № 3.
- «Арктические походы Джона Франклина». Л., 1937.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969.
- Бенк Т.* Колыбель ветров. М., 1960 (перевод с англ.).
- Береговая Н. А.* Древнейшие культуры Аляски и вопрос о заселении Америки. «Советская этнография», 1948, № 4.
- Береговая Н. А.* Из древнейшей истории Арктики. «Летопись Севера». М., 1949, № 1.
- Береговая Н. А.* Находки доэскимосских поселений в Аляске и прилегающих областях. «Советская этнография», 1957, № 2.
- Биркет-Смит К.* История открытия и исследований. Сб. «Гренландия». М., 1953 (перевод с датского).
- Богораз В. Г.* Социальный строй американских эскимосов. Тр. Ин-та антропологии, археологии и этнографии, т. IV. М.—Л., 1936.
- Вдовин И. С.* Из истории отношений чукчей и эскимосов Аляски. М., 1964 (доклад на VII МКАЭН).
- Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965.

- Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. I—III. СПб., 1840.
- Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. СПб., 1810—1812.
- Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951.
- Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969.
- Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. М., 1950.
- Загоскин Л. А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке. М., 1956.
- Золотарев А. М. К вопросу о происхождении эскимосов. «Антропологический журнал», 1949, № 1.
- Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
- Игнатьев Г. М. Гренландия. М., 1956.
- Кашеваров А. Ф. Заметки об эскимосах в Русской Америке. СПб., 1846.
- Ларсен Х. Гренландцы. Сб. «Гренландия». М., 1953.
- Левин М. Г. Рецензия на кн. С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. «Советская этнография», 1949, № 1.
- Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.
- Левин М. Г., Сергеев Д. А. К вопросу о времени проникновения железа в Арктику (Первая находка железного орудия в памятнике древнеберингоморской культуры). «Советская этнография», 1960, № 3.
- Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 гг. М., 1947.
- Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962.
- Миккельсен Э. Население Восточной Гренландии. Сб. «Гренландия». М., 1953.
- Нансен Ф. Жизнь эскимосов. Собр. соч., т. 1. Л., 1937.
- «Народы Америки», т. 1. М., 1959.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. «Материалы и исследования по археологии СССР», т. 18. М.—Л., 1950.
- Пири Р. Северный полюс. М., 1948.
- Похлебкин В. В. Гренландия сегодня. «Мировая экономика и международные отношения», 1964, № 8.
- Расмуссен К. Великий санный путь. М., 1958.
- Рейни Ф. Археология Американской Арктики. «Советская этнография», 1958, № 2.
- Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947.
- Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.
- Сергеев Д. А. Развитие древних культур эскимосов Западного Берингоморья. Канд. дисс. М., 1966.
- Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. М., 1967.
- Стефансон В. Гостеприимная Арктика. М., 1948.
- Файнберг Л. А. Вклад американских эскимосов в освоение Арктики. Сб. «Культура индейцев». М., 1963.

- Файнберг Л. А. Современное положение эскимосов (1940—1960) и проблема их будущего в трудах этнографов США и Канады. «Современная американская этнография». М., 1963.
- Файнберг Л. А. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964.
- Файнберг Л. А. Гренландия и ее население. «Советская этнография», 1966, № 6.
- Файнберг Л. А. Население Гренландии во II тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э. Сб. «От Аляски до Огненной Земли. История и этнография стран Америки». М., 1967.
- Файнберг Л. А. Первобытнообщинные отношения и их разложение у полярных эскимосов Гренландии. Сб. «Разложение родового и формирование классового общества». М., 1968.
- Файнберг Л. А. Роль лесотундры как природного фактора в хозяйстве народов Американского Севера. Сб. «Растительность лесотундры и пути ее освоения». Л., 1967.
- Фостер У. Очерк политической истории Америки. М., 1953.
- Фрейхен П. Великий ловец. М., 1930.
- Фрейхен П. Зверобой залива Мелвилл. М., 1961.
- Хансен П. Охота и рыболовство. Сб. «Гренландия». М., 1953.
- Хенниг Р. Неведомые земли, т. II. М., 1961; т. III. М., 1962.
- Херн С., Макензи А. Путешествия по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану, совершенные господами Херном и Макензием. СПб., 1808.
- Холтвед Э. Население округа Туле. Сб. «Гренландия». М., 1953.
- Чард Ч. Происхождение хозяйства морских охотников северной части Тихого океана. «Советская этнография», 1962, № 5.
- Шелехов Г. И. Путешествие Г. Шелехова. СПб., 1812.
- «A historical atlas of Canada». Toronto — New York — Edinburgh, 1960.
- «A survey of the aboriginal population of Quebec and Labrador». Montreal, 1955.
- «A collection of documents on Spitzbergen and Greenland». London, 1855.
- Ackerman R. Culture contact in the Bering Sea: Birnirk — Punuk Period. — In «Prehistoric cultural relations between the Arctic and temperate zones of North America». Montreal, 1962.
- «Alaska's health: a survey report to the United States Department of the Interior». Pittsburgh, 1954.
- «Alaska's population and economy», v. I—II. Alaska, College, 1963.
- Aldrich H. Arctic Alaska and Siberia, or eight months with the Arctic whalers. New York, 1889.
- Anderson J., Merbs C. A contribution to the human osteology of the Canadian Arctic. «Occasional Paper N. 4». Royal Ontario Museum, Toronto, 1962.
- Anderson H., Eels W. Alaska natives. London, 1935.
- Andrews Cl. The Eskimo and his reindeer in Alaska. Caldwell (Idaho), 1939.
- Aubert V. Greenlanders and Lapps. Some comparisons of their relationship to the inclusive society. Manuscript, 1969.
- Baird J. The Eskimo woman. Her changing world. «Beaver». Spring, 1959.
- Balikci A. Some acculturative trends among the Eastern Canadian Eskimos. «Akten des 34 Internationalen Amerikanistenkongress», Wien, 18—25 July, 1960. Horn — Wien, 1962.

- Balikci A.* Le régime matrimonial des esquimaux netsilik. «Home», t. 3, 1963, N 3.
- Balikci A.* Development of basic socio-economic units in two Eskimo communities. Ottawa, 1964.
- Balikci A., Brown Q.* Ethnographic filming and the Netsilik Eskimos. «Educat. Services Incorp. Quart. Report». Spring — Summer, 1966.
- Bandi H.* Die Erage eines Zusammenhanges zwischen dem Magdalenien und der Eskimokultur. «Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Urgeschichte», Bd. XL, 1949/50. Zurich, 1950.
- Bandi H.* Der heutige Stand der Eskimoarchäologie. «Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Urgeschichte», Bd. XLIII, 1953.
- Bandi H.* The Burins in the Eskimo area. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 10, 1963, N 2.
- Bandi H.* Urgeschichte der Eskimo. Stuttgart, 1965.
- Bank Th.* Cultural succession in the Aleutians. «American Antiquity», v. XIX, 1953, № 1.
- Barberini S.* Le problema delle origini degli Esquimesi. «Terra America», Nov. 1967. — Gen. 1968, № 12.
- Beals R., Hoijer H.* An introduction to anthropology. New York, 1959.
- «Befolkingsituationen i Vestgrønland. Bebyggelsespolitik og befolkningsudvikling». København, 1963.
- Bereza L.* The changing pattern. «North», v. IX, 1962, N 1.
- Bergsland K.* Aleut demonstratives and the Aleut-Eskimo relationship. «International Journal of American Linguistics», 1951, N 3.
- Bergsland K.* Aleut and Proto-Eskimo. «Proceedings 32-d International Congress of Americanists». Copenhagen, 1958.
- Berreman G.* Effects of a technological change in an Aleutian village. «Arctic», v. VII, 1954, N 2.
- Berreman G.* Inquiry into communtiy in an Aleutian village. «American Anthropologist», v. 57, 1955, N 1.
- Berreman G.* Aleut reference group: alienation, mobility and acculturation «American Anthropologist», v. 66, 1964, N 2.
- Berton P.* The mysterious North. New York, 1956.
- Bias R.* Le depeuplement du Labrador septentrional et les migrations recentes des populations esquimaudes. «Norois», v. 8, 1961, N 30.
- Bilby I.* Among unknown Eskimo; an account of 12 years intimate relations with the primitive Eskimo of ice-bound Baffin Land, London, 1923.
- Bird J.* Archaeology of the Hopedale Area. Labrador, New York, 1945.
- Birket-Smith K.* Ethnography of the Egedesminde district with aspects of the general culture of West Greenland. København, 1924.
- Birket-Smith K.* The Greenlanders of the present day. Greenland, v. II. Copenhagen and London, 1928.
- Birket-Smith K.* The Caribou Eskimos. Copenhagen, 1929.
- Birket-Smith K.* The question of the origin of the Eskimo culture. «American Anthropologist», v. 32, 1930, N 4.
- Birket-Smith K.* Folk wanderings and culture drifts in Northern North America. 1930.
- Birket-Smith K.* Eskimo cultures and their bearing upon the prehistoric cultures of North America and Eurasia. «Early Man». New York, 1937.
- Birket-Smith K.* Present status of the Eskimo problem. — In «Indian Tribes of Aboriginal America». Chicago, 1952.

- Birket-Smith K.* The Chugach Eskimo. København, 1953.
- Birket-Smith K.* The significance of Eskimology. «Proceedings 32-d International Congress of Americanists». Copenhagen, 1958.
- Birket-Smith K.* The Eskimos. London, 1959.
- Bloch I.* Alaska: the economic outlook «Financial Analysts Journal». 1960, № 1.
- Boas F.* The Central Eskimo. Washington, 1888.
- Boas F.* The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay. New York, 1907.
- Boas F.* Migrations of asiatic race and cultures to North America. 1929.
- Borden Ch.* West coast crossties with Alaska. «Techn. Paper. Arctic Inst. North America», N 11. Montreal, 1962.
- Brevig T.* Apaurak in Alaska. Philadelphia, 1944.
- Brown R.* Changing rural settlement patterns in Arctic Alaska. «Professional Geographer», v. 21, 1969, N 5, p. 324—327.
- Bruemmer F.* Samson Koenagnak. An Eskimo of the Barren Land. «Canadian Geographical Journal», v. LXXIV, 1967, N 3.
- Bruemmer F.* The Vanishing Kayak. «Canadian Geographical Journal», v. LXXVIII, 1969, N 4.
- Bryce G.* The remarkable history of the Hudson's Bay Company. London, 1900.
- Bugge A.* The native greenlander a blending of Old and New. «Arctic», v. V, 1952, N 1.
- Bøserup M.* Økonomisk politik i Grønland. København, 1963.
- Calder R.* Men against the Frozen North. London, 1957.
- Campbell J.* Cultural succession at Anaktuvuk Pass, Arctic Alaska. «Techn. Paper. Arctic Inst. North America», N 11, Montreal, 1962.
- Campbell J.* Ancient Alaska and Paleolithic Europe. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 10, 1963, N 2.
- Camu P., Week E., Sametz Z.* Economic geography of Canada. Toronto, 1964.
- Canadian Regions. D. Putnam (Ed.). Toronto, 1954.
- Chance M.* The Eskimo of North Alaska. New York, 1967.
- Chance N.* Culture change and integration. An Eskimo example. «American Anthropologist», 1960, v. 62, N 6.
- Chard Ch.* The western roots of Eskimo culture. «Actas del XXXIII Congr. Internac. Americanistas». San Jose, 1959, v. II.
- Christensen M.* Greenland. In «People of Light and Dark». Ottawa, 1966.
- Christiansen H.* The Greenland fur industry «Polar Record», v. 14, 1966, N 90.
- Clark A.* Iceland and Greenland. Washington, 1943.
- Clavering Ch.* Journal of a voyage to Spitzbergen and the east coast of Greenland in His Majesty's ship «Griper». «Edinburgh New Philosophical Journal», v. IX, 1830, July.
- Collins H.* Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska. Washington, 1937.
- Collins H.* Eskimo archaeology and its bearing on the problem of man's antiquity in America. «Proceedings of the American Philosophical Society», v. 86, 1945, N 2.
- Collins H.* The Aleutian Islands: their people and natural history. Washington, 1945.

- Collins H.* The Aleutian Islands: their people and natural history. Washington, 1945.
- Collins H.* Radio-carbon dating in the Arctic. «American Antiquity», v. XVIII, 1953, N 3.
- Collins H.* Recent developments in the Dorset culture area. In «Asia and North America. Transpacific contacts». Salt Lake City, 1953.
- Collins H.* Arctic Area. Mexico, 1954.
- Collins H.* Bering Strait to Greenland. «Techn. Paper Arctic Inst. North America», N 11, Montreal, 1962.
- Collins H.* Paleo-Indian artifacts in Alaska: an example of cultural relation in the Arctic. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 10, 1963, N 2.
- «Conference on Eskimo Affairs». «Arctic», v. 5, 1962, N 3.
- Cooley R.* Alaska: A challenge in conservation. Madison, 1967.
- Cranz D.* History of Greenland including an account of the Mission carried on by the United Brethren in that country. London, 1820.
- Damas D.* Igluligmiut kinship and local groupings. A structural approach. Ottawa, 1963.
- Damas D.* Eskimo communities then and now. «People of Light and Dark». Ottawa, 1966.
- De Laguna F.* The archaeology of Cook Inlet, Alaska. Philadelphia, 1933.
- De Laguna F.* Intemperate reflections on Arctic and Subarctic archaeology. «Techn. Paper. Arctic Inst. North America», N 11, Montreal, 1962.
- Desgoffe Cl.* Contact culturelle: Le cas des Esquimo des îles Belcher. «Anthropologica», 1955, N 1.
- Dolgikh B. O., Fainberg L. A.* Some parallel features in the culture of Samoyeds and Eskimos. «Actas del XXXIII Congress Internac. Americanistas» (1958) San Jose, 1959.
- Dunbar M.* The Ungava Bay problem. «Arctic», v. 5, 1952, N 1.
- Dunning R.* An aspect of domestic group structure among eastern Canadian Eskimo. «Man», v. 1, 1966, N 2.
- Ekblaw W.* Material responses of the Polar Eskimo to their Far Arctic environment. «Annals of Association of American Geographers», v. XVIII, 1928, N 1.
- Ellis E.* Education of the Eskimo for wage employment. «Canadian Geographical Journal», v. LXXIII, November 1966, N 5.
- Emerson W.* The land of the midnight sun. Philadelphia, 1956.
- Ervin A.* Conflicting styles of life in a Northern Canadian town. «Arctic», v. 22, 1969, N 2.
- Finnie R.* Canada moves north. London, 1947.
- Fitzpatrick I.* Eskimos of Newfoundland — Labrador. «North Affairs Bulletin», v. VI, 1959, N 2.
- Fleming A. L.* Archibald the Arctic. By Archibald Land Fleming the flying bishop. New York, 1956.
- Foote D.* The Canadian North. «Inter-Nord», 1967, N 9.
- Foote D.* ... of Whales and Whalers. In «People of Light and Dark». Ottawa, 1966.
- Foote D.* Remarks on Eskimo sealing and the harp seal controversy. «Arctic», v. 2, 1967, N 4, p. 267—268.
- Ford J.* Eskimo. Prehistory in the Vicinity of Point Barrow, Alaska. New York, 1959.

- Frazer J.* Labrador winter notes 1950. «Arctic», v. III, 1950, N 2.
- Freeman M.* An ecological study of mobility and settlement patterns among the Belcher Island Eskimo. «Arctic», v. 20, 1967, N 3.
- Freuchen P.* Vagrant viking. New York, 1953.
- «Freuchen's Book of the Eskimos». Cleveland, 1961.
- Fristrup B.* Tule 50 år siden Knud Rasmussen grundlagde Tule. «Natur verden», 1960.
- Gabus J.* Iglus. Vie des Esquimaux — Caribou. Neuchatel, s. a.
- Gabus J.* Touctou. Chez les hommes qui vivent loin du sel. Paris, 1943.
- Gad F.* Grønlands historie, v. 2. Copenhagen, 1969.
- Geist O., Rainey F.* Archaeological excavations at Kukulik St. Lawrence Island, Alaska. Washington, 1936.
- Gessain R.* Angmassalik, trente ans après. Evolution d'une tribu eskimo dans le monde moderne. «Objects et Mondes». Paris, t. VII, fasc. 2, été 1967.
- Giddings J.* The Denbigh Flint Complex. «American Antiquity», v. XVI, 1951, N 3.
- Giddings J.* Ancient Bering Strait and population spread. «Science in Alaska». Washington, 1952.
- Giddings J.* Early Man in the Arctic. «Scientific American», v. 190, 1954, N 6.
- Giddings J.* Forest Eskimos. Philadelphia, 1956.
- Giddings J.* First traces of man in the Arctic. «Natural History», v. LXIX, 1960, N 9.
- Giddings J.* The archaeology of Bering strait. «Current Anthropology», v. 1, 1960, N 2.
- Giddings J.* Cultural continuities of Eskimos. «American Antiquity», v. 27, 1961, N 2.
- Giddings J.* Some Arctic spear points and their counterparts. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 10, 1963, N 2.
- Giddings J.* The archaeology of Cape Denbigh. Providence, 1964.
- Giffen N.* The roles of men and women in Eskimo culture. Chicago, 1930.
- Gilhooly U.* Oranges and Eskimos. «Canadian Geographical Journal», v. LXV, 1962, N 6.
- Gillham Ch.* Raw North. London, 1947.
- Gillies Ross W.* The Igloolik Eskimos. «Scottish Geographical Magazine», v. 76, 1960, N 3.
- Gillies Ross W.* American whaling in Hudson Bay. «Canadian Geographical Journal», v. LXXV, 1967, N 6.
- Gini C.* On the extinction of the Norse settlements in Greenland. Bergen, 1958.
- Gjessing G.* Circumpolar stone age. «Acta Arctica», fasc. II. København, 1944.
- Gjessing G.* The circumpolar stone age. «Antiquity», 1953, v. XXVII.
- Godsell Ph.* The Eskimo goes modern. «Natural History», v. XLV, 1940, N 1.
- Godsell Ph.* Is there time to save the Eskimo? «Natural History», 1952, N 2.
- Godt P.* The Canadian Eskimo cooperative movement. «Polar Record», v. 12, 1964, N 77.
- Goldenweiser A.* The Eskimo: A case of environmental adjustment. «Early Civilisation», pt I, Chap. I. London, 1921.

- Goldschmidt W.* Man way. A preface to the understanding of human society. New York, 1959.
- Goldschmidt V.* New trends in studies on Greenland social life. «Folk», v. 5, 1963.
- Gosling W.* Labrador: its discovery, exploration and development. London, 1910.
- Gourdeau E.* Cross — Cultural Education in the North. «Arctic», v. 22, 1969, N 4.
- Graah W.* Narrative of an expedition to the East coast of Greenland. London, 1837.
- Grantham E.* Education goes north. «Canadian Geographical Journal», v. XLII, 1951.
- «Greenland», v. 1—3. London, 1928.
- «Grønland Sagaer». Aarhus, 1955.
- Gruening E.* The State of Alaska. New York, 1954.
- «Grønlands Bogen», v. I—II. København, 1950.
- Gubser N.* The Nunamiut Eskimos. Hunters of Caribou. New Haven, 1965.
- Hall Fr.* Life with the Eskimaux: the narrative of captain Charles Francis Hall. London, 1865.
- Hammerich L.* Can Eskimo be related to Indo-European? «International Journal of American Linguistics», v. XVII, 1951.
- Hammerich L.* The origin of the Eskimo. «Proceedings 32-nd International Congress of Americanists», 1956. Copenhagen, 1958.
- Harp E.* Ecological continuity on the Barren Grounds. «Polar Notes», November, 1959, N 1. Hannover, New Hampshire, 1959.
- Harp E.* The culture history of the Central Barren Grounds. «Technical Paper. Arctic Inst. North America», N 11, Montreal, 1962.
- Harp E.* Evidence of Boreal Archaic Culture in Southern Labrador and Newfoundland. National Museum of Canada, Bull., N 193. Ottawa, 1963.
- Harp E.* The cultural affinities of the Newfoundland Dorset Eskimo. Ottawa, 1964.
- Harrington R.* Coppermine patrol. «Canadian Geographical Journal», v. XLI, 1950, N 6.
- Harrington R.* The face of the Arctic. New York, 1952.
- Harrington R.* Eskimo stone carving. «Canadian Geographical Journal», v. LIX, 1959, N 2.
- Hatt G.* North American and Eurasian culture connexions. «Proceedings of the Fifth Pacific Science Congress, 1933», Toronto, 1934.
- Hawkes E.* The Labrador Eskimo. Ottawa, 1916.
- Healy M.* Report of the Cruise of the Revenue Marine Steamer Corwin in the Arctic Ocean in the year 1884, Washington, 1889.
- Henriksen H.* Skole og kulturmøde i Grønland (Eliteskole eller folkeskole i Grønland) I—II. «Grønland», 1970, N 2—3.
- Hertling K.* Hvorfor partidannelser i Grønland. «Grønland», 1968, N 1.
- Hinds M.* School in the High Arctic. «Beaver», 1959, Winter.
- Hirsch D.* Glottochronology and Eskimo and Eskimo-Aleut Prehistory. «American Anthropologist», v. 56, 1954, N 5.
- Hobart C., Brant C.* Eskimo education, Danish and Canadian: a comparison. «The Canadian Review of Sociology and Anthropology», v. 3, 1966, N 2.
- Hoffmann B.* Implications of Radiocarbon Datings for the origin of Dorset culture. «American Anthropologist», v. 18, 1952, N 1.

- Holm G.* Ethnological sketch of the Angmagssalik Eskimo. Copenhagen, 1914.
- Holtved E.* Archaeological investigations in the Thule District, v. 1—2. København, 1944.
- Holtved E.* Thule districtet. Grønlands Bogen, v. II. København, 1950.
- Holtved E.* Contributions to Polar Eskimo ethnography. København, 1967.
- Honigmann J.* Intercultural relations at Great Whale River. «American Anthropologist», v. 54, 1952, N 4.
- Honigmann J.* The Great Whale River Eskimo. A focussed social system. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 9, 1960, N 1.
- Honigmann J.* The Pre-Radar Period of the Great Whale River Eskimo. «Akten des 34. Internationalen Amerikanistenkongress», 1960, Horn — Wien, 1962.
- Honigmann J.* Education in the modernization of cultures: Pakistan and Indian villages compared to Eskimo in a Canadian Arctic town. Manuscript (Chapel Hill, 1966).
- Honigmann J.* Transforming the arena of action: two paths to cultural modernization compared. «Dalhousie Review», v. 47, 1967, N 3.
- Honigmann J.* Preliminary Report on Fieldwork in Inuvik, N. W. T. Manuscript, Chapel Hill, 1967.
- Honigmann J.* Five Canadian Arctic and Subarctic towns, their native populations. Manuscript, 1968.
- Honigmann J.* Integration of Canadian Eskimo, Indians and other persons of native ancestry in modern economic and public life, evidence from Inuvik. Manuscript, 1969.
- Honigmann J., Honigmann I.* Eskimo townsmen. Ottawa, 1965.
- Hooper C.* Report of the Cruise of the U. S. Revenue Steamer Corwin in the Arctic Ocean, November 1, 1880, Washington, 1881.
- Hrdlička A.* The Aleutian and Commander Islands and their inhabitants. Philadelphia, 1945.
- Hughes Ch.* An Eskimo village in the modern world. Ithaca (N. Y.), 1960.
- Hughes Ch.* Under four flags. «Current Anthropology», 1965, N 1.
- Høegh E.* Nye veje — nye arbejdsår. «Grønland», 1968, N 1.
- Illingworth F.* North of the circle. London, 1951.
- Ingstad H.* Nunamiut. Oslo, 1952.
- Ingstad H.* Landet under Leidar Sfjernen. Oslo, 1960.
- Ingstad H.* Vesterveg till Vinland, 1965.
- Irwing W.* Evidence of Early Tundra cultures in Northern Alaska. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 1, 1953, N 2.
- Israel H.* Kulturwandel grønlandisher Eskimo im 18. Jahrhundert. Wandlungen in Gesellschaft und Wirtschaft unter dem Einfluss der Herrnhuter Brudermission. Berlin, 1969.
- Jacobsen J.* Reise an der Nordwestküste Amerikas, 1881—1883, 1884.
- Jenness D.* The life of the Copper Eskimos. Ottawa, 1922.
- Jenness D.* Myths and traditions from Northern Alaska, the Mackenzie Delta and Coronation Culf. Ottawa, 1924.
- Jenness D.* A new Eskimo culture in Hudson Bay. «Geographical Review», v. 15, 1925.
- Jenness D.* Prehistoric culture waves from Asia to America. «Annual Report of the Smithsonian Institution», 1940. Washington, 1941.

- Jenness D.* Dawn in Arctic Alaska. Minneapolis, 1957.
- Jenness D.* The people of the twilight. Chicago, 1959.
- Jenness D.* Eskimo administration: I. Alaska. «Arctic Institute of North America. Technical Paper», N 10. Montreal, 1962.
- Jenness D.* Eskimo administration: II. Canada. «Arctic Institute of North America. Technical Paper», N 14. Montreal, 1964.
- Jenness D.* Eskimo administration: III. Labrador. «Arctic Institute of North America. Technical Paper», N 16, Montreal, 1965.
- Jenness D.* Eskimo administration: IV. Greenland. «Arctic Institute of North America. Technical Paper», N 19. Montreal, 1967.
- Jenness D.* Eskimo administration: V. Analysis and reflections. «Arctic Institute of North America. Technical Paper», N 21. Montreal, 1968.
- Jensen K.* Angmagssalik 75År. «Grønland», 1969, N 9.
- Jochelson W.* Archaeological investigations in the Aleutian Islands. Washington, 1925.
- Jochelson W.* The ethnological problems of the Bering sea. «Natural History», v. XXVI, 1926.
- Jochelson W.* People of the foggy seas. The Aleut and their Islands. «Natural History», v. XXVIII, 1928, N 4.
- Jochelson W.* History, ethnology and anthropology of the Aleut. Washington, 1933.
- Kampp A.* Fareavl i Grønland. «Geografisk tidsskrift», t. 63, 1964, N 1.
- Kane E.* Arctic explorations in the years 1853—54—55, v. I—II Philadelphia. 1856.
- Kirwan J.* Belcher Islands. «Canadian Geographical Journal», v. LXIII, 1961, N 3.
- Kleivan H.* Comments to Hughes' article. «Current Anthropology», v. 6, 1965, N 1.
- Kleivan H.* Acculturation, ecology and human choice: case studies from Labrador and South Greenland. «Folk», v. 6, 1964, 1.
- Kleivan H.* The Eskimo of Northeast Labrador. A history of Eskimo — White relations 1771—1955. Oslo, 1966.
- Knuth E.* An outline of the archaeology of Peary Land. «Arctic», v. 5, 1952, N 1.
- Knuth E.* The Paleo — Eskimo culture of Northeast Greenland elucidated by three new sites. «American Antiquity», v. XIX, 1954, N 4.
- Knuth E.* Archaeology of the Farthest North. «Proceedings of the 32-nd International Congress of Americanists», 1956. Copenhagen, 1958.
- Knuth E.* The ruins of the Musk-ox Way. «Folk», v. 8—9, 1966/1967. «Kongsspegelen». Oslo, 1965.
- Kroeber A.* The Eskimo of Smith Sound, N. Y., 1900.
- Lacroix M.* Integration or disintegration. Some reflections on the present evolution of the Eskimo by Bishop Lacroix. O. M. O. Vicar Apostolic of Hudson Bay. «Beaver». Spring, 1959.
- Lantis M.* The social structure of the Nunivak Eskimo. Philadelphia, 1946.
- Lantis M.* The reindeer industry in Alaska. «Arctic», v. 3. 1950, N 1.
- Lantis M.* Present status of the Alaskan Eskimos. Science in Alaska. «Proceedings of the Second Alaskan Science Conference». Washington, 1952.

- Lantis M.* Eskimo herdsmen: introduction of reindeer herding to the natives of Alaska. In «Human problems in technological change». New York, 1965.
- Lantis M.* The current nativistic movement in Alaska. Manuscript, 1969.
- Larsen H.* Dodemadsbugten, an Eskimo settlement on Clavering Island. København, 1934.
- Larsen H.* The Ipiutak culture, Its origin and relationships. In «Indian Tribes of Aboriginal America». Chicago, 1952.
- Larsen H.* The position of Ipiutak in Eskimo culture. «American Antiquity», v. XX, 1954, N 1.
- Larsen H.* The material culture of the Nunamiut and its relation to other forms of Eskimo culture in Northern Alaska. «Proceedings 32-d International Congress of Americanists», 1956.
- Larsen H.* Eskimo — archaeological problems in Greenland. «Acta Arctica». Copenhagen, 1960, fasc. 12.
- Larsen H.* Archaeology in the Arctic, 1935—60. «American Antiquity», v. XXVII, 1961, N 1.
- Larsen H., Rainey F.* Ipiutak and the arctic whale hunting culture. New York, 1948.
- Larsen H., Meldgaard J.* Paleo-Eskimo cultures in Disko Bugt. West Greenland. København, 1958.
- Laughlin W.* Contemporary problems in the anthropology of Southern Alaska. «Science in Alaska». Washington, 1952.
- Laughlin W.* The Aleut — Eskimo community. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. I. Alaska, College, 1952.
- Laughlin W.* Neo-Aleut and Paleo-Aleut prehistory. «Proceedings 32-d International Congress of Americanists». 1956. Copenhagen, 1958.
- Laughlin W.* Generic problems and new evidence in the anthropology of the Eskimo — Aleut stock. «Techn. Paper Arctic Inst. North America», N 11, Montreal, 1962.
- Laughlin W.* Bering Strait to Puget Sound: dichotomy and affinity between Eskimo Aleuts and American Indians. «Techn. Paper Arctic Inst. North America», N 11, Montreal, 1962.
- Laughlin W.* The Earliest Aleuts. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 10, 1963, N 2.
- Laughlin W.* Eskimos and Aleuts: their origins and evolution. «Science», v. 142, 1963, N 3593.
- Laughlin W., Marsh G.* A new view of the history of the Aleutians. «Arctic», v. 4, 1951, N 2.
- Leechman D.* Eskimo sculpture in stone. «Canadian Geographical Journal», v. XLIX, 1954, N 3.
- Leffingwell E.* The Canning River Region, Northern Alaska. Washington, 1919.
- Levin M. G.* Problems of Arctic ethnology and ethnogenesis. «Acta Arctica», Copenhagen, 1960, fasc. XII.
- Lewis B.* Eskimo stone boat. «Canadian Geographical Journal», v. LXXV, 1967, N 1.
- Lidegaard M.* Grønlands, amt eller...? «Grønland», 1968, N 2.
- Lidegaard M.* Grønlands historie. København, 1961.
- Linne S.* The Bering Isthmus — Bridge between Asia and America. «Ethnos», 1955, N 4.

- Linton R.* The tree of culture. New York, 1955.
- Lloyd T.* Changing Greenland. «Beaver», 1959, Spring.
- Lomen C.* Fifty years in Alaska. New York, 1954.
- M'Clintock L.* The voyage of the Fox in the arctic seas. A narrative of the discovery of the fate of Sir John Franklin and his companions. London, 1859.
- M'Clure R.* The discovery of the north west passage. London, 1856.
- McDonald M.* Canadian North. London, 1945.
- MacCracken H.* Hunters of the stormy sea. New York, 1957.
- Mackenzie W.* Oil and gas in the far north. «Western Mineral and Oil Revue», v. 34, 1961, N 5.
- MacNeish R.* The Great Lakes to the Barren Lands. «Techn. Paper. Arctic Inst. North America», N 11. Montreal, 1962.
- Maderner J.* Das Gemeinschaftsleben der Eskimo. «Mitteilungen der Anthropologische Gesellschaft in Wien», 1939, Bd. 69.
- Malaurie J.* The last kings of Tule. N. Y. 1956.
- Malaurie J.* Possible consequences of recent economic and social developments among the Eskimos of Thule. «UNESCO International Social Science Bulletin», v. 6, 1954, N 3.
- Malaurie J.* The Eskimos: a society geared for survival. «Realities», April, 1966, N 185.
- Malaurie J.* Le Groenland en 1966. Integration économique et malaise sociale. «Inter-Nord», 1967, N 9.
- Malaurie J.* Distorsion des développements économiques dans le nord canadien et problèmes socio-ethniques. «Inter-Nord», 1967, N 9.
- Malaurie J.* Canadianisation des esquimaux et proletarianisation. «Inter-Nord», 1967, N 9.
- Malaurie J.* Le développement industriel. Permettra-t-il au Groenland de rester Groenlandais? «Inter-Nord», 1968, N 10.
- Mansfield A.* The walrus in Canada's Arctic. «Canadian Geographical Journal», v. LXXII, 1966, N 3.
- Marshall P.* Udvikling af et moderne liberalt samfund i Grønland. «Grønland», 1966, N 12.
- Mathiassen Th.* Material culture of the Iglulik Eskimos. Copenhagen, 1928.
- Mathiassen Th.* Inugsuk, a Mediaeval Eskimo settlement in Upernivik District, West Greenland. København, 1930.
- Mathiassen Th.* Ancient Eskimo settlements in the Kangamiut Area. København, 1931.
- Mathiassen Th.* Prehistory of the Angmagssalik Eskimos. København, 1933.
- Mathiassen Th.* The Sermermiut excavations 1955. København, 1958.
- Mauss M., Beuchat M.* Essai sur les variations saisonnières des sociétés Eskimos, étude de morphologie sociales. «L'Année Sociologique 1904—1905», Paris, 1906.
- Meldgaard J.* A paleo-eskimo culture in West Greenland. «American Antiquity», v. XVII, 1952, N 3.
- Meldgaard J.* Dorset Kulturen. «Kuml.», Århus, 1955.
- Meldgaard J.* Prehistoric culture sequences in the Eastern Arctic as elucidated by stratified sites at Igloodik. «Selected Papers of the 5-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences». Philadelphia, 1956.
- Meldgaard J.* Origin and evolution of Eskimo cultures in the Eastern Arctic. «Canadian Geographical Journal», v. LX, 1960, N 2.

- Meldgaard J.* On the formative period of the Dorset culture. «Techn, Paper Arctic Inst. North America». N 11. Montreal, 1962.
- Meldgaard J.* Nordboerne i Grønland. En vikingebygds historie København, 1965.
- Meyers W.* Eskimo village. New York, 1957.
- Michie G., Neil E.* Cultural conflict in the Canadian Arctic «The Canadian Geographer», 1955, N 5.
- Mikkelsen E.* The East Greenlanders possibilities of existence, their production and consumption. København, 1944.
- Mikkelsen E.* The Eskimos of East Greenland. «Canadian Geographical Journal», v. XLIII, 1951.
- Mikkelsen R.* O lyksalig folk. København, 1970.
- Moore R.* Social life of Eskimo of St. Lawrence Island. «American Anthropologist», v. 25, 1923, N 3.
- Mørch M. (Petersen).* Concerning the tupilak that was caught in 1864. «Folk», v. 6, 1964, N 2.
- Mowat F.* People of the deer. London, 1952.
- Mowat F.* The desperate people. Boston—Toronto, 1959.
- Mowat F.* He would join us, but barrier keeps Eskimo out. «Northern Affairs Bulletin», v. VI, 1959, N 2.
- Murdoch J.* On the Siberian origin of some customs of the Western Eskimos. «American Anthropologist», Washington, 1888, v. 1.
- Murdoch J.* Ethnological results of the Point Barrow expedition. 9-th Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1892.
- Murdoch J.* Social structure. New York, 1949.
- Nellemann G.* Mitârneq: a West Greenland winter ceremony. «Folk», v. 2, 1960.
- Nellemann G.* Vinterfiskeriet på Jakobshavns Isfiord. «Geografisk Tidsskrift», København, v. 60, 1961.
- Nellemann G.* Applied anthropology in Greenland in the 1860's H. J. Rink's administration and view of culture. «Folk», v. 8—9, 1966/1967.
- Nelson E.* The Eskimo about Bering Strait. «18-th Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1899.
- Nichols P.* Since the days of Barter. «People of Light and Dark». Ottawa, 1966.
- Nicholsen L.* The Northwest Territories. Geographical aspects. «Canadian Geographical Journal», v. LX, 1960, N 1.
- Ninn-Hansen E.* Forsøg på en vurdering af 10 år. «Grønland», 1963, N 12.
- Nissen N.* Die Südwestgrönländische Landschaft und das Siedlungsgebiet der Normannen. Hamburg, 1924.
- Nörlund P.* Viking settlers in Greenland. Copenhagen, 1936.
- Oschinsky L.* The most ancient Eskimos. The Eskimo affinities of Dorset culture skeletal remains. Ottawa, 1964.
- Oswalt W., Van Stone J.* The future of the Caribou Eskimos. «Anthropologica», v. II, 1960, N 2.
- Oswalt W.* Caribou Eskimo without caribou. «Beaver», 1961, Spring.
- Oswalt W.* Napaskiak. An Alaskan Eskimo community. Tucson, 1963.
- Oswalt W.* Alaskan Eskimos. San-Francisco, 1967.
- Oswalt W., Van Stone J.* Partially acculturated communities: Canadian Athapascans and West Alaskan Eskimos. «Anthropologica», v. V, 1963, N 1.

- Oswalt W., Van Stone J.* The ethnoarchaeology of Crow Village, Alaska. Washington, 1967.
- Parker S.* Ethnic identity and acculturation in two Eskimo villages. «American Anthropologist», v. 66, 1964, N 2.
- Parry W.* Journals of the first, second and third voyages for the discovery of a North—West Passage from the Atlantic to the Pacific, in 1819—20—21—22—23—24—25, v. 1—5. London, s. a.
- Peacock F.* The Moravian Mission in Labrador. «Canadian Geographical Journal», v. LX, 1960, N 5.
- Peguy Ch., Moign A., Moign J., Garreau J.* Chronique arctique 1965. «Norois», v. 12, 1965, N 48.
- Persson H.* Nordboernes efterkommere i Grønland, «Grønland», 1970, N 5.
- Persson H.* The fate of the Icelandic Vikings in Greenland. «Arctic», v. 4, 1969, N 4.
- Petersen R.* Family ownership and right of disposition in Sukkertoppen District, West Greenland. «Folk», v. 5, 1963.
- Petersen R.* On the variations in settlement pattern and hunting conditions in 3 Greenlandic districts. Manuscript, 1969.
- Petersen R.* Some regulating factors in the hunting life of Greenlanders. «Folk», v. 7, 1965.
- Petroff I.* Report on the population, industries and resources of Alaska, 10-th Census U. S., v. VIII. Washington, 1884.
- Petroff I.* Geographical and ethnographical notes on Alaska. Washington, 1891.
- Petroff I.* Compilation of narratives of explorers in Alaska. Washington, 1900.
- Phillips R.* The Eastern Arctic patrol. «Canadian Geographical Journal», v. LIV, 1957, N 5.
- Phillips R.* Akudlik. The place between. «Canadian Geographical Journal», v. LX, 1960, N 4.
- Phillips R.* The Arctic: its human resources. «Queen's Quarterly», 1960, v. LXVI, 4.
- Piche P.* The Educator and the Eskimo. «Northern Affairs Bulletin», v. VI, 1959, N 2.
- Pie B.* Private virksomheder i Grønland, «Grønland», 1963, N 11.
- Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America Campbell J.(Ed.). Techn. Paper, Arctic Institute of North America, Montreal, 1962, N 11.
- Quimby G.* Aleutian Islanders. Chicago, 1944.
- Rainey F.* The significance of recent archaeological discoveries in Inland Alaska. In. «Asia and North America. Transpacific Contacts». Salt Lake City, 1953.
- Rainey F., Ralph E.* Radiocarbon dating in the Arctic. «American Antiquity», v. XXIV, 1959, N 4.
- Rasmussen K.* The people of the polar north. London, 1909.
- Rasmussen K.* Greenland by the Polar Sea. London, 1921.
- Rasmussen K.* Across Arctic America. Narrative of the Fifth Thule Expedition. New York and London, 1927.
- Rasmussen K.* Intellectual culture of the Iglulik Eskimos. Copenhagen. 1929.
- Rasmussen K.* The Netsilik Eskimos: Social life and spiritual culture. Copenhagen, 1931.

- Rasmussen K.* Intellectual culture of the Copper Eskimos. Copenhagen, 1932.
- Rasmussen K.* Eskimos and stone age peoples. «Proceedings of the 5-th Pacific Science Congress», Canada, 1933, v. IV. Toronto, 1934.
- Rasmussen K.* Adjustment of the Eskimos to European civilization. «Proceedings of the 5-th Pacific Science Congress», 1933. Toronto, 1934.
- Rasmussen K.* The Mackenzie Eskimos. Copenhagen, 1942.
- Rasmussen K.* The Alaskan Eskimos. Copenhagen, 1952.
- Rausch R.* Notes on the Nunamiut Eskimo and animals of Anaktuvuk Pass Region, Brooks Range, Alaska. «Arctic», v. IV, 1951, N 3.
- Ray P.* Ethnographic sketch of the natives. Report of the International Polar Expedition to Point Barrow, Alaska. Washington, 1885.
- Richardson J.* Eskimos, their geographical distribution. «Edinburgh New Philosophical Journal», v. LII, 1852.
- Rink H.* The reason why Greenlanders and similar people living by hunting decline materially through contact with the Europeans. (Впервые опубликована в 1862 г.; переведена на английский и переиздана в 1967 г.), «Folk», v. 8—9, 1966/1967.
- Rink H.* Tales and traditions of the Eskimo. London, 1876.
- Rink H.* Danish Greenland, its people and its products. London, 1877.
- Ritchie W.* Northeastern crossties with the Arctic. «Techn. Paper Arctic Inst. North America», N 11, Montreal, 1962.
- Roberts P.* Employment of Eskimos by the Navy at Point Barrow, Alaska. «Proceedings of the 3-rd Alaska Science Conference». Alaska, College, 1954.
- Roberts S., Snowden D.* New Deal for Ungava Eskimos. «Northern Affairs Bulletin», v. VI, 1959, N 2.
- Robertson R.* The material prospects of the North. «Queen's Quarterly», v. LXVI-4, Winter, 1960.
- Robertson R.* Introduction. In «People of Light and Dark». Ottawa, 1961.
- Robinson J.* Eskimo population in the Canadian Eastern Arctic. «Canadian Geographical Journal», v. XXIX, 1944, N 3.
- Rogers G.* Eskimo administration «Arctic», v. 20, 1967, N 4.
- Rogers G.* Alaska's native population and employment prospects. «Inter-Nord», 1967, N 9.
- Rogers G.* Major social and economic characteristics of Alaska's regions. «Inter-Nord», 1967, N 9.
- Rosendahl Gunnar P.* Nogle grønlandske udviklingsproblemer «Ingr — og bygnings vaesen», v. 58, 1963, N 24.
- Ross J.* A voyage of discovery made under the orders of the admiralty in his Majesty's ships Isabella and Alexander... London, 1819.
- Rosse J.* Medical and anthropological notes on Alaska. Arctic Cruise of the Revenue Steamer Corwin. Notes and Observation. Washington, 1883.
- Rousseau J.* Coupe biogéographique et ethnobiologique de la Péninsule Quebec — Labrador. Sorbonn s. a. (tirage a part).
- «Royal Commission on Canada's Economic Prospects. Final Report». Ottawa, 1958.
- Rowley J.* The Dorset culture of the Eastern Arctic. «American Anthropologist», v. 42, 1940, N 4.

- Rubel A.* Partnership and wife — exchange among the Eskimo and Aleut of Northern North America. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 10, 1961, N 1.
- Sapir E.* Time perspective in aboriginal American culture, a study in method. Ottawa, 1916.
- Schuster C.* A survival of the Eurasiatic animal style in modern Alaskan Eskimo art. In «Indian Tribes of Aboriginal America». Chicago, 1952.
- Scoresby W.* An account of the Arctic regions with a history and descriptions of the northern whale-fishery v. I, II. Edinburgh, 1820.
- Scoresby W.* Journal of a Voyage to the Northern Whale — Fishery. Edinburgh, 1823.
- Simpson J.* Observations on the western Eskimo and the country they inhabit. London, 1855.
- Snowden D.* Eskimo fine crafts, another Arctic find. «North», v. IX, 1962, N 1.
- Solberg O.* Beiträge zur Vorgeschichte der Osteskimo. Christiania, 1907.
- Sonnenfeld J.* Growth and decline of an Arctic reindeer industry «Geographical Review», v. XLIX, 1959, N 1.
- Sonnenfeld J.* Changes in an Eskimo hunting technology, an introduction to implement geography. «Annual Association of American Geographers», v. 50, 1960, N 2.
- Spaulding A.* The current status of Aleutian archaeology. In «Asia and North America. Transpacific contacts». Salt Lake city, 1953.
- Spaulding A.* Archaeological investigations on Agattu. Aleutian Islands, 1962.
- Speck F.* Inland Eskimo bands of Labrador. Essays in anthropology presented to A. L. Kroeber. Berkeley, 1936.
- Spencer R.* The North Alaskan Eskimo. A study in ecology and society. Washington, 1959.
- Spencer R., Jennings J. et al.* The native Americans. New York, 1965.
- Spruszs A.* Development of the cooperative movement in Northern Canada. «Polar Record», v. 13, 1967, N 86.
- «Statistisk Årbog. 1965. Danmark». København, 1965.
- «Statistisk Årbog. 1966. Danmark». København, 1966.
- «Statistisk Årbog». 1969. København, 1969.
- Steele H.* Policing the Arctic. The story of the conquest of the Arctic by the Royal Canadian Mounted Police. London, 1936.
- Steensby H.* Contributions to the ethnology and anthropogeography of the Polar Eskimos. Copenhagen, 1910.
- Steensby H.* An anthropogeographical study of the origin of Eskimo culture. København, 1917.
- Stefansson V.* The Eskimo and Civilization. «The American Museum Journal», v. XII, 1912, N 6.
- Stefansson V.* Prehistoric and present commerce among the arctic coast Eskimo. Ottawa, 1914.
- Stefansson V.* My life with the Eskimo. London, 1929.
- Stefansson V.* The Friendly Arctic. New York, 1939.
- Stefansson V.* Greenland. New York, 1944.
- Stefansson V.* Eskimo longevity in Northern Alaska. «Science», v. 127, 1958, N 3288.
- Steward J.* Theory of culture change. The methodology of multilinear evolution. Urbana, 1955.

- Sveistrup P.* Economic principles of Greenland Administration before 1947. København, 1949.
- Sveistrup P.* Grønland og dansk politik. «Grønland», 1967, № 5.
- Sveistrup P.* Grønland og FN. «Grønland», 1967, N 1.
- Swadesh M.* Unaalik and Proto-Eskimo. «International Journal of American Linguistics», 1951, v. 17.
- Swadesh M.* Some new glottochronological dates for Amerindian linguistic groups. «Proceedings of 32-nd International Congress of Americanists», 1956. Copenhagen, 1956.
- Swadesh M., Marsh G.* Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts. «Proceedings of the American Philosophical Society», v. 96, 1952.
- Tanner V.* Outlines of the geography, life and customs of Newfoundland — Labrador, v. I—II. Cambridge, 1947.
- Tavatti S.* Le dimore umane ad Angmagssalik (Groenlandia orientale). «Bolletino della Societa Geografica italiana», v. 5, 1964, N 7—8.
- Taylor E.* Four years inside a Jukon Dog collar. «Queen's Quarterly», v. LXVI-4, 1960. Winter.
- Taylor W.* The mysterious Sadlermiut. «Beaver», 1959. Winter.
- Taylor W.* Review and assessment of the Dorset problem. «Anthropologica», v. 1, 1959, N 1—2.
- Taylor W.* Pre-dorset occupations at Ivugivik in Northwestern Ungava. «Techn. Paper Arctic Inst. North America», N 11. Montreal, 1962.
- Taylor W.* Hypo-Zthesis on the origin of Canadian Thule culture «American Antiquity», v. XXVIII, 1963, № 4.
- Taylor W.* ... and then came Man. In «People of Light and Dark». Ottawa, 1966.
- Taylor W.* An archaeological perspective on Eskimo economy. «American Antiquity», v. XL, 1966, N 158, June.
- Teague M.* The Poorest Americans. «The Geographical Magazine», v. 39, 1966. N 1.
- Tener J.* The present status of the Barren Ground Caribou. «Canadian Geographical Journal», v. LX, 1960, N 3.
- Thalbitzer W.* Parallels within the culture of the Arctic peoples. «Proceedings of the 20-th International Congress of Americanists», Rio de Janeiro, 1924.
- Thalbitzer W.* The Ammassalik Eskimo. Social customs and mutual aid. Copenhagen, 1941.
- Thalbitzer W.* Possible early contacts between Eskimo and Old World languages. In «Indian Tribes of Aboriginal America». Chicago, 1952.
- Thalbitzer W.* Grønlandsk literaturhistorie. Grønlands Bogen. København, 1950.
- The Eskimo of St. Michael and vicinity as related by H. M. W. Edmonds. D. Ray. (Ed.). «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 13, 1966, N 2.
- «The 1951 Census in the Northwest Territories. Population of Eskimo peoples», «Arctic», v. 7, 1954, N 1.
- «The 1961 Census in the North». «Arctic Circuit», v. 16, 1963—1964 (1966), N 4.
- «The significance of communities and social capital in resource development in frontier regions». In «Resources Tomorrow», v. 3. Ottawa, 1962.

- Thornton H.* Among the Eskimos of Wales. Alaska, 1890—93. Baltimore and London, 1931.
- Turner L.* Ethnology of the Ungava district. 11-th Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1894.
- Turquetil A.* Notes sur les Esquimaux de Baie Hudson. «Anthropos», Bd. XXI, 1926.
- Tving R.* Grønlands besejling. Grønlands Bogen, v. II.
- Tylor E. B.* Old Scandinavian civilization among the modern Eskimo. «Journal of the Anthropological Institute», v. XIII, 1884, N 3.
- «Udvalget for Samfundsforskning i Grønland, Alkoholsituationen i Vestgrønland». København, 1961.
- Uhlenbeck E.* Ur- und alt-indogermanische Anklänge im Wortschatz der Eskimo. «Anthropos», Bd. 37—40, 1942—1945.
- Vallee F.* The cooperative movement in the North. In «People of Light and Dark», Ottawa, 1966.
- Van Den Steenhoven.* The law through Eskimo eyes. In «People of Light and Dark», Ottawa, 1966.
- Van Stone J.* Archaeological excavations at Kotzebue, Alaska. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 3, 1955, N 2.
- Van Stone J.* An archaeological reconnaissance of Nunivak Island, Alaska. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 5, 1957, N 2.
- Van Stone J.* The autobiography of an Alaskan Eskimo. «Arctic», v. 10, 1957, N 4.
- Van Stone J.* An Eskimo community and the outside world. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 7, 1958, N 6.
- Van Stone J.* Commercial whaling in the Arctic Ocean. «Pacific Northwest Quarterly», v. 49, 1958, N 1.
- Van Stone J.* Notes on the economy and population shifts of the Eskimos of Southampton Island. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 8, 1960, N 2.
- Van Stone J.* An early nineteenth century artist in Alaska. Louis Choris and the first Kotzebue Expedition. «Pacific Northwest Quarterly», v. 51, 1960, N 4.
- Van Stone J., Oswalt W.* Three Eskimo communities. «Anthropological Papers of the University of Alaska», v. 9, 1960, N 1.
- Van Stone J.* An archaeological collection from Somerset Island and Boothia Peninsula. «Occasional Paper, N 4, Royal Ontario Museum», Toronto, 1962.
- Van Stone J.* Point Hope. An Eskimo village in transition. Seattle, 1962.
- Van Stone J.* Notes on Nineteenth Century Trade in the Kotzebue Sound, Area Alaska. «Arctic Anthropology», v. 1, 1963, N 1.
- Van Stone J.* Some aspects of religious change among native inhabitants in West Alaska and in the Northwest Territories. «Arctic Anthropology», v. 2, 1964, N 2.
- Van Stone J.* Influence of European Man on the Eskimos. In «People of Light and Dark», Ottawa, 1966.
- Van Stone J.* Eskimos of the Nushagak River. An ethnographic history. Seattle and London, 1967.
- Vaucaire M.* Histoire de la pêche à la baleine. Paris, 1941.
- Vebæk C.* Norse settlements in Greenland. «Proceedings of the 32-nd International Congress of Americanists». 1956. Copenhagen, 1958.

- «Voyages in search of the North — West passage. From the Collection R. Hacluyt». London, 1892.
- Wallace A., Ackerman R.* An interdisciplinary approach to mental disorder among the Polar Eskimos of Northwest Greenland. «Anthropologica», v. II, 1960, N 2.
- Watt W.* Reindeer herdsman are skiing cowboys. «Northern Affairs Bulletin», v. VI, 1959, N 2.
- Watt E.* Both North «Outside» skills stressed at Arctic School. «Northern Affairs Bulletin», v. VI, May — June, 1959, N 2.
- Wattenberg B.* This USA. An unexpected family portrait of 194067296 Americans drawn from the Census. New York, 1965.
- Weyer E.* The Eskimos. Hamden, 1962.
- Whittaker C.* Arctic Eskimo. A record of fifty years experience and observation among the Eskimo. London, 1938.
- Wilkinson D.* Land of the long day. New York, 1956.
- Wilkinson D.* A vanishing Canadian. «Beaver», Spring, 1959.
- Williamson G.* Changing Greenland. London, 1953.
- Wonders W.* Postwar settlement trends in the Mackenzie valley area. «Geographical Annual», v. 42, 1960, N 4.
- Wonders W.* Economic change in the Mackenzie Valley Area. «Canadian Geographical Journal», v. LXIII, 1961, N 4.
- Wyatt C.* North of sixty. London, 1958.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------	---

Глава первая

ИЗ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКИХ ЭСКИМОСОВ	5
--	---

Древнеэскимосские культуры Берингоморья	6
Локальные палеоэскимосские культуры Канады и Гренландии	12
Неоэскимосские культуры	29

Глава вторая

ЭСКИМОСЫ АЛЯСКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—XX в.	36
---	----

Изменения в экономике и культуре эскимосов в годы китобойного промысла	44
Подъем и крах эскимосского оленеводства	71
Экономические и социальные последствия перехода к пушной охоте	81
Военные и послевоенные годы в жизни эскимосов Аляски	87

Глава третья

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ КАНАД- СКОЙ АРКТИКИ И СУДЬБЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ	107
--	-----

Влияние путешественников и китобоев на эскимосов Канадской Арктики с конца XVI в. по начало XX в.	107
Роль трапперского хозяйства (1908—1953 гг.)	117
Изменения на Канадском Севере в послевоенные годы	119
Изменение традиционных типов расселения и их влияние на коренное население	124
Новые формы этнических взаимоотношений и типов этнических общностей	124

Глава четвертая

ЭСКИМОСЫ И ЕВРОПЕЙЦЫ НА ЛАБРАДОРЕ (ПРОВИНЦИЯ НЬЮФАУНДЛЕНД — ЛАБРАДОР)	131
--	-----

Ранние контакты эскимосов Южного Лабрадора с европейцами	131
---	-----

Истребление и ассимиляция эскимосов Южного Лабрадора	134
Сеттлеры	137
Деятельность моравских миссий на Северном Лабрадоре	141
Годы господства компании Гудзонова залива	146
Население Лабрадора в военные и послевоенные годы	149
Г л а в а п я т а я	
НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ГРЕНЛАНДИИ XI—XVII вв.	155
Колонизация Гренландии норманнами	155
Вопрос о взаимодействии норманнской и эскимосской культур	162
Развитие эскимосской культуры и контакты с европейцами в XVI—XVII вв.	168
Г л а в а ш е с т а я	
НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ГРЕНЛАНДИИ В XVIII—XX вв.	174
Из истории Западной Гренландии XVIII—XIX вв.	174
Некоторые демографические данные	182
Современное население Западной Гренландии	184
Г л а в а с е д ь м а я	
ПОЛЯРНЫЕ ЭСКИМОСЫ	194
Г л а в а в о с ь м а я	
ЭСКИМОСЫ ВОСТОЧНОЙ ГРЕНЛАНДИИ	226
Судьбы древнего населения северо-восточного побережья	226
Эскимосы юго-восточного побережья	232
Эскимосы Ангмагсалика в конце XIX—XX в.: разложение натурального и формирование товарного хозяйства	239
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	255
ЛИТЕРАТУРА	259

Л. А. Ф а й н б е р г

**ОЧЕРКИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ЗАРУБЕЖНОГО СЕВЕРА (Аляска, Канадская Арктика,
Лабрадор, Гренландия)**

*Утверждено к печати Институтом
этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая*

Редактор издательства *Л. С. Кручинина*
Художественный редактор *В. Н. Тикунов*
Художник *М. И. Гозенпут.*
Технический редактор *Л. В. Каскова*

Сдано в набор 3/XI 1970 г. Подписано к печати 3/V 1971 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 14,7
Уч.-изд. л. 14,8. Тираж 1450 Т-06496
Изд. № 1453 Тип. зак. 306/71
Цена 90 коп.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

90 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •